

Жан-Поль МАРАТ

ПЛАН УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перевод с французского *Н. С. Лапшиной*
под редакцией и с предисловием проф. *А. А. Герцензона*

М.: изд-во иностранной литературы. 1951

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Дореформенная орфография оригинала сохранена. Обозначение примечаний автора и нумерация комментариев переводчика изменены.

Некоторые тематические ссылки

<i>Ж.-П.Марат.</i> Памфлеты	http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat1.pdf
<i>Ж.-П.Марат.</i> Письма 1776-1793 гг.	http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82064711.htm
<i>А.Герцензон.</i> Уголовно-правовая теория Марата	http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat6.pdf
<i>Ц.Фридлянд.</i> Ж.-П.Марат до Великой французской революции	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat4.pdf
<i>Г.Церава.</i> Марат как естествоиспытатель	
<i>А.Ольшевский.</i> Жан- Поль Марат. Друг Народа	http://narod.ru/disk/18391707000/marat7%20(copy%20).pdf.html
<i>Ж.Жорес.</i> Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», том 3)	http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat2.pdf
<i>С.Лозинский.</i> Мирабо, Дантон, Марат, Процесс Людовика 16	http://narod.ru/disk/12472140000/losinski.pdf.html

<i>Т.Солтановская.</i> Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.	http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf
<i>Ю.Попов.</i> Публицистика Ж.- П.Марата	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat5.pdf
Все материалы о Марате	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/marat5.pdf
Революционная законность и правосудие: речи и статьи <i>М.Робеспьера</i>	http://vive-liberta.narod.ru/doc/mr_orateur.pdf

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (перенесено нами в конец текста)

Введение

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Об основных принципах хорошего законодательства

- Об общественном порядке
- О законах
- Об обязанности подчиняться законам
- Об уголовных законах
- О санкции законов
- О наказаниях
- Род наказаний должен вытекать из природы преступлений
- Правосудие должно быть беспристрастным
- Наказания должны быть личными
- Законы должны быть непреклонными
- О публичности уголовного кодекса
- О тех, которые не ответственны за свои действия перед правосудием
- В каком возрасте человек ответственен за свои действия перед правосудием?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О преступлениях и наказаниях

Раздел первый. О преступлениях против государства

Глава первая. О ложных государственных преступлениях

- О сочинениях против государя и т. п.
- О жалобах государю и о сопротивлении несправедливым его повелениям
- О посягательствах на жизнь государя
- О порче чеканных монет
- О подделке чеканных монет
- Продолжение двух предыдущих статей
- О контрабанде
- О дезертирстве

Глава вторая. О подлинных государственных преступлениях

- О притеснениях и взяточничестве
- О переходе на сторону врага
- О нарушении служебного долга
- О растрате и хищениях
- О лихоимствах, происках и изменах
- О поджоге кораблей, верфей, складов, арсеналов, общественных архивов и зданий
- О заговорах

Раздел второй. О преступлениях против законной власти

- О пренебрежении к повелениям государя и должностных лиц
- О пренебрежении к родительской власти
- О хозяевах и слугах

Раздел третий. О преступлениях против безопасности лиц

- О предумышленном убийстве
- О насилиях и оскорблениях
- О засаде, опасных ранениях, увечьях и других посягательствах на жизнь, не сопровождавшихся смертью
- Об убийстве, совершенном при самозащите
- О невольном убийстве
- О дуэли
- О вредном изменении съестных припасов
- О самоубийстве

Раздел четвертый. О преступлениях против собственности

- О краже и ее различных видах
- Об укрывательстве
- Об изменении товаров
- О ростовщичестве

Раздел пятый. О преступлениях против нравственности

- О развратителях
- Об обольщении
- О прелюбодеянии
- О незаконных связях
- Об увозе
- Об изнасиловании
- О многоженстве
- О проституции и разврате
- О сводничестве
- О мужеложстве и скотоложстве
- Способы предупреждения преступлений, вызываемых испорченностью нравов

Раздел шестой. О преступлениях против чести

- О злословии
- О клевете
- О пасквилях
- Об обвинениях

О клятвопреступлении

Раздел седьмой. О преступлениях против общественного спокойствия

- О пьянстве
- Раздел восьмой. О преступлениях против религии
- Об атеизме, ересь и расколе
- О простом святотатстве
- О богохульстве
- О магии
- О преступлениях, нарушающих отправление богослужения
- О плохом обращении со священниками, отправляющими свои обязанности
- О краже священных вещей
- О соблазнительных сочинениях
- О соучастниках
- О непредвиденных случаях
- Способ поддержания действующих законов

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. О природе и силе доказательств и презумпций

- О донесении
- О розыске виновного
- О преследовании преступников
- О полюбовной сделке и о прощении преступлений
- Об уголовном судопроизводстве
- Продолжение того же предмета
- Продолжение того же предмета
- О неприемлемых свидетелях
- О доказательстве посредством свидетельских показаний
- О доказательстве посредством поличного
- О доказательстве посредством следов преступления
- Особые случаи
- О презумпциях

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. О способе приобретения доказательств и презумпций во время судебного расследования так, чтобы не нарушить ни справедливости, ни свободы и согласовать мягкость с уверенностью в наказаниях и человечность — с безопасностью гражданского общества

- Общее правило
- О тюремном заключении
- О судебных формах
- Об уголовном судопроизводстве
- О способе приобретения доказательств преступления
- Об обращении с обвиняемыми во время их заключения
- Продолжение того же предмета
- Продолжение того же предмета
- Об уголовном суде
- Продолжение того же предмета
- Продолжение того же предмета

О сроках производства дел
О судебном следствии
Об исполнении приговоров

Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Уголовные законы необходимо связаны с политической системой и никогда не должны противоречить сущности данного образа правления; стало быть, один и тот же кодекс не может быть пригоден для всех наций. Отыскивая отдельные черты сходства, однако, часто забывают о справедливости; я должен предупредить моих читателей, что я прислушиваюсь только к ее голосу и пишу для свободных людей.

Правила нравственности сами по себе могли бы поддерживать порядок в обществе, но при развращенных нравах необходимо их заменять страхом наказаний, что по необходимости влечет за собой умножение числа законов.

А чем более увеличивается общество и чем более расширяются взаимоотношения между его членами, тем легче может быть нарушен его порядок в различных отношениях; поэтому такие законы, которые достаточны для начинающего жить или малочисленного народа, совершенно недостаточны для многочисленной или с давних времен культурной нации.

Столь интересный предмет, как тот, о котором сейчас идет речь, должен обсуждаться с известной обстоятельностью; важно, чтобы в представлении о преступлениях и наказаниях не было ничего непонятного, двусмысленного, произвольного; это требует по необходимости детальны́х описаний. Однако, как бы мало подробен ни был уголовный кодекс, его невозможно вместить в пределы простого перечня преступлений и наказаний; от него, стало быть, нужно ожидать лишь изложения принципов, которые составят его основу, дух уголовных законов, если я могу так выразиться.

Когда рассматривают каждое дело в отдельности, то бывают настолько сложные дела, что они ускользают из поля зрения самого проницательного законодателя. Это неудобство устраняется путем обозначения преступлений по их родам, видам, предметам, оттенкам. Постоянно ли и я придерживаюсь этого метода?

Запретить неведомое преступление — это почти всегда означает породить представление о нем; а так как уголовный кодекс должен быть в руках у всех, и если тот кодекс, план которого я здесь предлагаю, предназначен для людей достаточно счастливых, чтобы не знать о всех порочных навыках, то от осторожности законодателя зависит скрыть от них то, чего они не должны знать.

Когда окидываешь взором уголовное право различных народов, то негодуешь при виде того, в какой мрачный хаос повергнута справедливость. Да что говорить, видя повсюду людей, подчиненных несправедливым законам и преданных мечу тирании, содрогаясь,

поражаешься власти суеверия! Времена изменились, я это знаю; философский дух проникает повсеместно; новые знания дают возможность понять старые злоупотребления; уже видно стремление их исправить. Но, несмотря на прогресс знаний и желание преобразовать уголовные законы, я очень опасаясь, как бы не пришлось еще долго скорбеть об участи человечества, пока мудрецы не получают в свои руки власть для того, чтобы отомстить за него.

Пусть же продолжают они все-таки просвещать мир; просвещение, по мере своего распространения, изменяет общественное мнение; мало-помалу люди начинают сознавать свои права. Они захотят, наконец, пользоваться ими: тогда и только тогда, тяготясь своими оковами, они попытаются разбить их.

П Л А Н УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Я должен начертать ужасную картину преступлений; печальная задача для моего пера. При виде стольких низостей, подлостей, мерзостей, измен, варварства, жестокостей, к которым способны люди, какая честная душа не вознегодовала бы! Какая чувствительная душа не содрогнулась бы от ужаса!

Но какая картина может быть еще ужаснее, чем картина злодеяний, совершенных священным именем законов? Не будем говорить здесь об огненной палате, о звездной палате, о судах феме^{*} и о стольких других кровавых судилищах, которые когда-то заставляли стонать человеческую природу. К счастью, эти ужасы более не существуют; однако сколько еще других ужасов остается при отправлении правосудия. Легкие преступления, караемые жестокими наказаниями, ужасные преступления, остающиеся безнаказанными, варварское обращение с обвиняемыми, гнусные средства, применяемые для изобличения виновных, — вот вопиющие злоупотребления, ежедневно происходящие на глазах у людей и слишком долго оплакиваемые мудрецами.

О вы, добродетельные граждане, которые только что предложили искоренить эти злоупотребления, примите признательность моего сердца!

Покарать преступление, не нарушая справедливости, это значит: обуздать злых, защитить невинных, избавить слабых от притеснения, вырвать меч из рук тирании, поддержать порядок в обществе и обеспечить спокойствие его членов; какая другая цель может быть более разумной, более благородной, более великодушной и более важной для благополучия людей! Могут ли мои слабые познания способствовать ее

---

^{*} Огненные палаты во Франции (Chambres ardentes) и звездная палата в Англии (Star Chamber) — особые трибуналы по политическим, религиозным и некоторым уголовным делам, являвшиеся орудиями королевского абсолютизма и выносившие жестокие приговоры. Суды феме (Femgerichte) — средневековые германские тайные суды, зависевшие от императора, судившие в обстановке тайны и каравшие смертной казнью. — Прим.ред.

осуществлению? Трудясь над разрушением пагубных предрассудков, я часто буду вынужден оскорблять общераспространенные мнения. Сколько невежд восстанет против меня! Но не все ли это равно? Я должен говорить для мудрецов и только их одобрение мне дорого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ ХОРОШЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПОРЯДКЕ

Общественный порядок — опора государства; все, что его нарушает, должно, следовательно, быть наказано.

При самой малой склонности к размышлению совершенно невозможно установить, что нарушает общественный порядок, не выяснив, в чем этот порядок состоит. Придя, таким образом, к рассмотрению общественных связей, надо бесспорно допустить наличие договора между членами общества: равные права, взаимные выгоды, взаимная помощь — вот каковы должны быть его основы; свобода, справедливость, мир, согласие, благополучие — вот каковы должны быть его плоды.

Однако когда я раскрываю летописи народов, то единственными предметами, которые во всех видах представляются моему разуму, являются тирания на одной стороне, рабство — на другой. Пусть так, скажет кто-либо; но ведь после вторжения власть становится законной и право приходит на смену насилию; после того, как революция произошла, следовало дать почувствовать обществу ее результаты, а это достигалось лишь при помощи хороших законов. Я понимаю, что завоеватели, после того, как они все истребили, опрокинули, захватили, боятся злоупотреблять своими завоеваниями и прибегают к кажущейся мягкости, чтобы сделать свое владычество более терпимым, но ведь верховная власть остается у узурпатора и он разделяет ее со своими приверженцами. Окиньте взорам большую часть народов мира — и кого вы увидите? Никого, кроме презренных рабов и повелевающих господ. Разве не являются законы приказами тех, кто имеет власть? И если бы еще они уважали дело своих рук! Но они по собственному своему желанию заставляют молчать законы, они нарушают их безнаказанно и затем, чтобы укрыться от всякого надзора, они окружают себя священной оградой, к которой никто не смеет приблизиться.

В государствах, где меньше произвола, имеющие власть, если они не стоят выше закона, всегда без труда обходят его; чтобы избежать наказания, им часто достаточно лишь отягчать свои преступления.

Сколько еще гнусных различий, сколько вопиющих злоупотреблений даже в тех странах, где подданные в отчаянии сбросили с себя иго, под которым они стонали! Заслуга здесь безнаказанно попирается завистью, честный человек отдается во власть ловкого плута, бедный — на милость богатого, мудрец — в жертву негодяю; наконец, законы, самые законы склоняются перед сильным, лишь для слабого они остаются

непреклонными. И такова плачевная участь несчастных, что к жестокому чувству причиняемых им обид у них присоединяется еще отчаяние от отсутствия надежды на прекращение этих обид.

Не надо обольщаться, этот беспорядок — вынужденный. Мы рождаемся подчиненными или независимыми, богатыми или нищими, безвестными или знатными, и, несмотря на изменчивость человеческих дел, лишь небольшому числу людей удастся выбраться из того состояния, в котором они находились при рождении, да и выбираются они из него, за редкими исключениями, лишь путем интриг, низостей и плутовства или благодаря счастливой случайности.

О ЗАКОНАХ

Прежде чем думать о наказании преступлений, следует составить себе правильное представление о них.

Что такое преступление? Нарушение законов; но существуют ли такие священные законы хотя бы у одного правительства мира и можно ли рассматривать как таковые установления, в создании которых не принимал участия каждый член государства? Разве то, что называют этим именем, является чем-то иным, как не приказом надменного властелина? Стало быть, власть этих законов является лишь скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством. Но опустим завесу на эти таинственные предметы; там скрывается тот мистический ковчег, на который не может быть брошен взгляд непосвященного.

Не все ли в конце концов равно, кем созданы законы, лишь бы они были справедливы; не все ли равно, кто является их служителем, лишь бы он заставлял соблюдать их.

Для того чтобы быть справедливыми, законы общества никогда не должны идти против законов природы, являющихся первейшими из всех законов.

Но даже этого недостаточно, если законы не направлены к общему благу, то есть если они не являются общими для всех членов государства; ибо, поскольку часть нации ставится в государстве ни во что*, законы становятся пристрастными и общество в этом случае является не чем иным, как органом угнетения, при котором человек подавляет человека. Да погибнут же наконец эти основанные на произволе законы, созданные для благополучия нескольких индивидов во вред роду человеческому; да погибнут также эти гнусные различия, которые делают одни классы народа врагами других и которые приводят к тому, что массы должны сокрушаться по поводу благополучия

* Всем известно то злополучное противоречие, которое уже столько веков царит между естественным правом и уголовным правом всех народов.

** Повсюду бедняк не ставится здесь ни во что; кажется даже, что законодатели утратили в отношении его всякое чувство человечности. Что же в этом удивительного: они не являются товарищами по труду несчастного, который служит лишь орудием их роскоши и гордыни.

ничтожного меньшинства, а ничтожное меньшинство должно бояться благополучия масс!

ОБ ОБЯЗАННОСТИ ПОДЧИНЯТЬСЯ ЗАКОНАМ

В мире нет ни одного правительства, которое можно было бы рассматривать в качестве законного; поэтому не является ли подчинение законам скорее делом расчета, чем долга? Но не будем разрывать слабых уз, связывающих нас; зло анархии было бы еще хуже, чем зло деспотизма. Конечно, все государства были созданы насилием, убийством, разбоем, и власть вначале не имела другого основания, кроме силы. Для того чтобы сделать ее менее ненавистой, люди стремились сделать ее менее тиранической; они уже стремятся сделать ее менее пристрастной, и, возможно, наступит день, когда она будет использоваться лишь для общего блага. Но что же может сделать подчинение законам обязательным при существующем положении вещей?

Оставьте в стороне всякого рода насилие, и вы найдете, что единственным законным основанием общества является благополучие тех, кто его составляет. Люди объединились лишь для своего общего интереса; они создали законы лишь для того, чтобы определить взаимные права, и учредили правительство лишь для того, чтобы обеспечить себе пользование этими правами. Если они отказались от личной мести, то это было сделано для того, чтобы передать ее в общественные руки; если они отказались от естественной свободы, то это было сделано для того, чтобы приобрести гражданскую свободу; если они отказались от первобытной общности имущества, то это было сделано для того, чтобы иметь некоторую его часть в собственном владении. За родом, заключившим общественный договор, следует род, который его утверждает; но число членов государства беспрестанно меняется. К тому же, когда для предупреждения роста частных состояний не приняты никакие меры, то благодаря свободе, предоставленной честолюбию, ловкости, дарованиям, одна часть подданных всегда обогащается за счет другой; в силу невозможности распоряжаться своим имуществом в пользу посторонних за неимением прямых наследников богатства вскоре неизбежно скопляется в небольшом числе семейств. Словом, в государстве имеется множество неимущих подданных, которые оставляют свое потомство в нищете. Итак, они оказываются вынужденными погибать с голоду на земле, изобилующей чужими владениями, от которых они ничем не могут поживиться. Будучи связаны с обществом одними лишь невыгодами, обязаны ли они уважать его законы? Конечно, нет; если общество их покидает, они возвращаются в естественное состояние; если они силой требуют прав, от которых они отказались лишь для того, чтобы обеспечить себе большие выгоды, то всякая власть, которая будет сопротивляться этому, окажется тиранической, а судья, приговаривающий их к смерти, — лишь подлым убийцей.

Если необходимо, чтобы для самосохранения общество принуждало своих членов уважать установленный порядок, то прежде всего оно должно обезопасить их от искушений нужды. Оно должно поэтому

предоставить им обеспеченное существование, приличную одежду, полную поддержку, пособия при их болезнях и уход в старости, ибо они могут отказаться от своих естественных прав лишь постольку, поскольку общество создает для них положение, имеющее преимущество перед их естественным состоянием. Стало быть, лишь после выполнения таким образом своих обязательств в отношении всех своих членов общество вправе наказывать тех, кто нарушает его законы.

Разовьем эти принципы, применяя их к некоторым отдельным случаям, относящимся к очень обыкновенному преступлению, — преступлению, которое, кажется, более всякого другого затрагивает общество, но наказание которого должно почти всегда возмущать природу.

Нет никакого другого преступления, которое изображалось бы с более различных сторон, чем кража, или о котором составились бы более ложные представления.

Всякая кража предполагает право собственности; но откуда происходит это право?

Узурпатор основывает его на праве сильного, как будто когда-нибудь можно было насилием установить священное право.

Владелец основывает его на праве первого захватчика, как будто вещь справедливо приобретена нами потому, что мы первыми завладели ею.

Наследник основывает его на праве завещания, как будто можно распоряжаться в пользу другого тем, что не принадлежит самому.

Земледелец основывает это право на своем труде; разумеется, плоды вашего труда принадлежат вам, но для возделывания требуется земля, по какому же праву приобретаете вы часть этой земли, которая дана сообща всем ее жителям?***

Разве вы не понимаете, что лишь после равного распределения всего можно определить вашу долю? Да и после такого раздела имели ли бы вы еще право на поле, которое вы обрабатываете, лишь в мере, необходимой для вашего существования?

Вы скажете, что этот раздел становится невозможным, ибо число жителей земли беспрестанно меняется? Но является ли этот раздел менее справедливым только потому, что он неосуществим? Право владения вытекает из права жизни. Итак, нам принадлежит все, что необходимо для нашего существования, и никакие излишки не могут законно принадлежать нам, пока другие не имеют всего необходимого. Вот законное основание всякой собственности, вне зависимости от того, находятся ли люди в составе общества или они еще в первобытном состоянии.

Это решение, с которым, я знаю, не согласилось бы сословие адвокатов, является решением разума. Предоставьте законоведам

*** Каким бы ни был объект владения, это не имеет значения, ибо люди, все подчиненные природой одним и тем же потребностям и все замешанные на одном и том же тесте, приносят с собой в мир одинаковые права. Каждый, следовательно, может иметь в собственности лишь свою долю земных благ.

болтать о пустяках и скажите нам, что вы могли бы разумно ответить несчастному, который обратился бы к своим судьям с такой речью:

«Виновен ли я? Этого я не знаю; но я отлично знаю, что я не сделал ничего такого, что не должен был бы делать. Забота о самосохранении является главной обязанностью человека; вы сами не знаете другой, более важной. Тот, кто ворует, чтобы жить, пока он не может поступить иначе, лишь использует свои права. Вы обвиняете меня в нарушении общественного порядка. О, какое мне дело до этого ложного порядка, который всегда был столь гибельным для меня! Неудивительно, что вы проповедуете подчинение законам, вы, которым оно обеспечивает господство над столькими несчастными! Соблюдайте же их, эти законы, потому что вы обязаны им своим благосостоянием; чем же обязан обществу я, — который знает его лишь по его ужасам. И не говорите мне, что все члены общества, пользующиеся одинаковыми преимуществами, могут извлечь из закона равные выгоды: противоположное слишком очевидно. Сравните вашу участь с нашей: в то время, как ваши дни спокойно протекают в лоне наслаждений, роскоши, величия, мы подвергнуты за вас превратностям времени, усталости, голода. Для увеличения ваших наслаждений недостаточно орошать землю нашим потом, мы орошаем ее еще нашими слезами; что же вы такое сделали, чтобы заслужить подобное счастье за наш счет? Если, при всех наших несчастьях, мы могли хотя бы рассчитывать на окончание наших бедствий! Участь бедняка бесповоротно решена; без вмешательства какого-нибудь непредвиденного случая нищета является вечным уделом несчастного. Кто не знает преимуществ, которыми фортуна одаряет своих любимцев? Как бы мало талантов, заслуг и добродетелей они ни имели, все препятствия исчезают перед ними по прихоти их желаний. Богатому предназначены большие предприятия, снаряжение флотов, снабжение армий, управление общественными доходами, исключительные привилегии ограбления государства; богатому предназначены прибыльные подряды и поставки, мануфактурные предприятия, вооружение кораблей, торговые операции. Для того чтобы копить золото, требуется золото. Когда его недостает, то ничто его не заменяет. Даже в наименее высоко поставленных классах честные профессии, производство предметов роскоши, свободные искусства существуют для зажиточного человека; низкие же, опасные и неприятные ремесла составляют удел бедняка. Отвращение к бедности таково, что ее нигде не принимают и повсюду поощряют тех, кто не нуждается в поощрении. Наконец, когда бедняк ограничит свое честолюбие добычей средств к существованию, он нуждается еще в излишке для обучения какому-нибудь ремеслу.

Надо работать, — скажете вы; это легко сказать, но мог ли я работать? Доведенный до нищеты несправедливостью могущественного соседа, напрасно искал я убежища под соломенной крышей. Будучи оторванным от плуга изнуряющей меня жестокой болезнью и являясь обузой для хозяина, которому я служил, я имею лишь один выход для того, чтобы существовать — питаться подаванием. Но даже в этом меня постигла

неудача. Ежедневно, лежа на соломе и покрытый лохмотьями, я выставлял напоказ прискорбное зрелище моих язв. Как ни умолял я о помощи, разве чье-нибудь сердце сжалилось надо мною, разве чья-нибудь милосердная рука помогла мне? В отчаянья от вашего отказа, лишенный всего и изнемогая от голода, я воспользовался темнотой ночи, чтобы вырвать у прохожего слабую помощь, в которой отказала мне его черствость. И за то, что я воспользовался правами природы, вы посылаете меня на казнь. Несправедливые судьи! Помните, что человечность является первой из добродетелей, а правосудие — первым из законов. При рассказе о ваших жестокостях сами людоеды задрожали бы от ужаса. Варвары! Купайтесь в моей крови, раз это нужно для укрепления ваших несправедливых владений; моим единственным утешением в страданиях, которые я должен претерпеть, будут упреки небу в том, что оно породило меня среди вас».

Справедливые люди, я вижу, как текут ваши слезы, и я слышу, как вы единогласно кричите: да будет он оправдан! Да, конечно, он должен быть оправдан; и сколько людей заслуживают этого еще больше! Я говорю это во всеуслышание: почти повсюду правительство, лишая бедняков средств к существованию, само вынуждает их к преступлению. Есть такие страны, в которых земледелец, как только случится неурожай, видит себя навсегда разорившимся; если ему нечем уплатить налоги, которыми он обременен, у него безжалостно отнимают все, вплоть до соломы с его ложа. Итак, доведенный до нищеты незаконными поборами откупщиков, возмущенный черствостью богачей, гонимый отовсюду и приведенный в отчаяние воплями своих детей, просящих у него хлеба, он имеет лишь одну возможность поправить свои дела: где-нибудь из-за угла подстерегать прохожих.

Не довольствуясь ограблением бедняка, его обязывают еще, под предлогом защиты государства, проливать свою кровь для защиты владений богача^{****}; и часто, путем принудительных рекрутских наборов, лишают женщину ее супруга, детей — их отца. Отняв таким образом у несчастной семьи того, кто являлся ее поддержкой, скольких несчастных предадут ужасам нищеты! Когда же они совершают кражу, чтобы облегчить свой голод или прикрыть свою наготу, то правительство одну свою жестокость исправляет другой. Несчастных предадут кровожадному суду, их безжалостно осуждают на смерть, а после, прибавляя к тяжелой обиде надругательство, их принуждают признать себя преступниками и восхвалять бесчеловечность их тирана. Бесчеловечные мы люди! При слухах о жестокости дикарей в отношении их врагов мы содрогаемся от ужаса, мы вопим о варварстве — и хладнокровно совершаем в отношении наших несчастных братьев еще более возмутительные жестокости^{*****}. О,

^{****} Кажется, что законодатель повсюду утратил в отношении бедняков малейшее чувство человечности. Надо ли этому удивляться? Он не является товарищем по труду несчастных, служащих лишь орудием его роскоши и гордыни.

^{*****} В Швейцарии — стране, столь восхваляемой за мягкость управления, — не присуждался ли изголодавшийся бедняк к позорному столбу и не обращались ли с ним, как со злодеем, за срывание плода в винограднике или во фруктовом саду?

не будем больше говорить о человечности или отменим наши кроваво-жадные законы!

Но мало того, чтобы не наказывать несчастных за то зло, которое мы вынуждаем их совершать, исправим наши несправедливости или перестанем что-либо требовать от тех, которых мы так притесняем. О, какие обязанности могли бы они иметь в отношении своих притеснителей? Вместо того, чтобы быть обязанными уважать их порядки, они должны вооруженной силой требовать у притеснителей возвращения своих священных естественных прав.

Но как? Нужно ли разрешить кражу и подать повод к анархии? Не может быть никакого хозяйства там, где собственность не защищена. Кто захотел бы обрабатывать землю, если бы кто-нибудь другой должен был собирать урожай? Значит, поля остались бы невозделанными? Занятия искусствами тоже прекратились бы, если бы не было уверенности в результате своего труда; и торговля пришла бы в упадок, если бы можно было оспаривать у купца сырье, которым он воспользовался. Какой человек даже подумал бы сберечь сегодня то, что он рисковал бы потерять завтра? И какой мужчина решился бы жениться, если бы он боялся, что не сможет прокормить своих детей? Итак, земля превратилась бы скоро в огромную пустыню, и общество больше не существовало бы.

Но само общество достойно существования лишь постольку, поскольку оно составляет благополучие человеческого рода; можно ли сомневаться в том, что большинство в нем не всегда будет приноситься в жертву меньшинству. Что за участь у простого народа! Он видит в государстве класс счастливых, к которому он не принадлежит; он замечает, что безопасность установлена для них, а не для него; он чувствует, что их душа может возвыситься, а его — вынуждена беспрестанно унижаться. Да что говорить, труд, опасности, лишения, воздержание от пищи, презрение, поругание, всякого рода оскорбления — вот ужасная участь, которая его ожидает!

Но так как, говорят, преимущества общества предназначены для богатых, то пускай бедняк работает, чтобы приобрести богатство, приносящее эти преимущества. Вы так думаете? Произшедший от родителей, которые смогли научить его лишь известному им самим низкому ремеслу, — какую профессию, хотите вы, чтобы он избрал? Есть тысячи профессий, которые требуют лишь рук. Но хотя бы это и было так, нужно еще, чтобы бедняк нашел применение своим рукам. Сколько бы он ни стучался во все двери, слишком часто он встречает лишь отказ. Итак, лишенный вследствие наших несправедливостей сладостей жизни, он не имеет даже надежды на то, чтобы прокормиться. Нужно, стало быть, больше подавать милостыни? Нет, более того, осмелимся возвысить здесь наш голос в пользу человечества и предложить одно полезное учреждение. При хорошо налаженном управлении не следует под каким бы то ни было предлогом страдать от нищих, ибо они всегда бывают в тягость государству. Подаяния, которые им оказывают, служат лишь для поддержания их порока, к тому же не постыдно ли разрешать

бездельникам использовать то, что является наиболее священным на свете, чтобы вынудить у прохожего средства, необходимые для поддержания их несчастного образа жизни.

Люди сознавали вред нищенства, но что они сделали для его устранения? С нищими обращаются, как с бродягами — их заточают. Плохая политика! Я не буду входить в обсуждение вопроса, имеет ли правительство право лишать их таким образом свободы, но замечу, что смиренные дома, в которых их содержат, могут существовать лишь за счет народа и что дух лени, который эти дома воспитывают, вместо того, чтобы устранить бедность отдельных людей, неминуемо увеличивают общую бедность. Ну, а в чем же средство устранения нищенства? Вот в чем: не держите бедняков в праздности, займите их, дайте им возможность доставлять себе своим трудом то, чего им недостает; пусть их научат каким-нибудь ремеслам и пусть они живут, как свободные люди; для этого требуется основать несколько общественных мастерских, куда они принимались бы.

В странах, где сохраняется церковная собственность, оставление лишь одной надлежащей части ее монашеским орденам и владельцам духовных мест привело бы к лишению множества церковнослужителей средств для ведения мало назидательной жизни и к освобождению от большого бремени тех, кто живет по-христиански; распределение другой же части небольшими долями среди неимущих граждан привело бы к возвращению бедным их достоинства и к превращению их в полезных подданных.

Как бы хорошо ни осуществлялось управление церковными доходами и как бы значительно ни было число бедных, которым оказывается помощь, было бы еще лучше вовсе не иметь бедных, нуждающихся в помощи.

Что же касается имущества или дохода церкви, не соединенных с церковной должностью, то следовало бы ограничить их владельцев небольшой пенсией, принудить их к работе, поручить им народное просвещение в городах и деревнях, и сделать полезными государству множество тунеядцев, живущих в праздности и соблазне.

Недостаточно занять бедняка работой, его надо обучить; как выполнит он свои обязанности, если он не знает их? Как обуздает он свои пагубные наклонности, если он не предвидит несчастий, которые они влекут за собой? Изучите тех, чья жизнь наиболее преступна: это почти всегда люди, не получившие никакого воспитания. Сколько людей предается порокам, людей, которые отличались бы своими добродетелями, будь они воспитаны на уроках мудрости; пусть создадут бесплатные школы для обучения бедняков. Но где взять нужные средства для таких заведений? Пусть их соберут с зажиточных людей, в особенности с богачей; пусть управление ими предоставят какому-нибудь

***** Редко случается, чтобы у торговой нации не было какой-либо отрасли торговли, которая не находилась бы в застое, какой-нибудь фабрики, рабочие которой не очутились бы без работы. Пусть также отсюда будет поступать необходимая помощь.

добродетельному человеку, а надзор за ними – какому-нибудь неподкупному должностному лицу.

С помощью таких заведений сколько несчастных избавится от искушений из-за нужды, сколько виновных заслужит меньшую кару, сколько полезных членов общества будет возвращено родине! С такими новыми людьми земля будет лучше возделана, мануфактуры расширятся, изобилие воцарится, торговля приобретет новые отрасли, силы нации возрастут и государство будет процветать. Но при известии о таких заведениях не будет ли наводнена страна бедняками из соседних стран? Допустим, что они соберутся во множестве; но зная, на каких условиях вы их принимаете, никто не явится, если он не любит работы; и какая была бы беда в приобретении множества полезных подданных?***** К тому же если бы опасались излишнего наплыва, то что помешало бы задержать их на границах?

Я знаю, что предлагаемые мною заведения встретят много препятствий, и я не смею надеяться на скорое окончание злоупотреблений, которые они могли бы исправить; ибо, пока государи хотят повелевать лишь рабами, им нужны в качестве подданных испорченные наслаждения богачи и униженные нищетою бедняки. Но я не забыл, что пишу для свободных людей!

ОБ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНАХ

Можно ли поверить этому, если бы не слишком печальный опыт нашей действительности? В век, когда науки углубились, наиболее важная для счастья людей наука находится еще в колыбели. В том веке, когда философский разум как будто все свел к определенным правилам, одно правосудие предоставлено еще капризам мнений. Из установлений некоторых варварских народов, из ордонансов, основанных на произволе, из смешных обычаев, из обветшалых традиций – вот откуда служители правосудия черпают свои критерии справедливого и несправедливого. Разве не вызывает одновременно смех и возмущение вид важных чиновников, перелистывающих огромные тома и нагромождающих один авторитет на другой, для того чтобы составить себе мнение о каком-либо преступлении, а потом решающих вопрос о свободе, чести, жизни людей на основании слов какого-нибудь безвестного законоведа или какого-нибудь невежественного комментатора и исходящих из какого-нибудь несправедливого судебного решения, чтобы вынести ряд решений, еще более несправедливых?

В чем же сущность справедливых и мудрых уголовных законов? Важно, чтобы в них не было ничего непонятного, неопределенного, произвольного в представлении о преступлениях и наказаниях, ибо важно, чтобы каждый вполне понимал законы и знал, чему он себя подвергает, нарушая их: уголовный кодекс не должен, следовательно, бояться излишней точности.

***** Было бы очень странно, если бы в стране, где столько необработанных земель, жаловались бы на прибытие людей, могущих ее обработать.

Он не должен бояться излишней простоты: законы должны постановлять лишь о том, что явно связано с интересами общества; пусть же не стесняют они бесполезно свободу человека. Перегрузить их постановлениями, безразличными для блага общества, значило бы разрушить их власть; когда люди видят, что им предписывают вещи мало полезные или запрещают вещи дозволенные, они привыкают смотреть на законы, как на нечто бесцельное или произвольное, и кончают презрением к их авторитету.

Если законы должны постановлять лишь о том, что явно связано с благом общества, то, как только оказывается, что какой-либо закон более не должен иметь силы, его следует формально отменить, вместо того, чтобы видоизменять его новыми законами или предоставлять ему самому выйти из употребления; это повлекло бы то неудобство, что законы скоро перестали бы получать точное применение. К тому же, не следует оставлять пугало, злобедность которого может нанести ущерб.

Будучи составлены, уголовные законы должны быть обнародованы способом, наиболее годным для того, чтобы заставить уважать их.

О САНКЦИИ ЗАКОНОВ

Недостаточно, чтобы законы были справедливы, ясны, точны; надо еще избрать наилучшие способы для обеспечения их соблюдения.

При наиболее мудрых правлениях древности усовершенствование человеческой природы всегда являлось целью законодателя; поэтому он стремился главным образом к тому, чтобы привить гражданам добрые нравы и

Чтобы с самого детства им внушалась любовь к добродетели.

При современных правлениях кажется, что законодатель хотел только пресечь те преступления, которые разрушают общество. Прежде, если правосудие в одной руке держало меч, то в другой оно держало короны. Ныне, вооруженное одним только мечом, правосудие лишь угрожает*****; оно останавливает руку и оставляет сердце.

Но довольно об этих высоких установлениях, которые созданы не для наших мелких душ; а так как мы не можем надеяться на то, чтобы сделать человека добродетельным, то помешаем ему по крайней мере быть злым.

Во всяком хорошо устроенном обществе надлежит более предупреждать преступления, чем карать их; часто в этом успевают с меньшей затратой сил. Разъединение этих целей свидетельствовало бы, конечно, о недостаточном понимании задач хорошего законодательства.

***** Весьма странно, когда от низкой страсти ожидают всех тех хороших последствий, которые любовь к долгу, воспитание и религия приносят с трудом. Какой-либо государь требует, чтобы подданные были справедливы под страхом наказания; между тем страх божественного мщения не смог бы удержать этого гордого владыку на пути долга.

О НАКАЗАНИЯХ

Общество заинтересовано в том, чтобы наказания всегда были соразмерны преступлениям, ибо оно заинтересовано в том, чтобы избегали преступлений, разрушающих общество более, чем нарушающих его порядок.

Сурово наказывать легкие нарушения законов — значит напрасно пользоваться авторитетом власти, ибо если она налагает суровые кары на мелких преступников, то что же останется ей для обуздания крупных злодеев? Взгляните на те страны^{*****}, где наказания всегда страшны. Для того чтобы постоянно сдерживать людей, здесь изобретаются все новые казни. Но разве все эти непрерывные усилия варварства, которое старается превзойти самого себя, не являются доказательством их бессилия?

Сурово наказывать легкое нарушение законов — значит не просто напрасно пользоваться авторитетом власти, это значит умножать преступления, это значит толкать злодеев на последние крайности. Какие же соображения могли бы еще удерживать их? Что бы они ни совершили, хуже от этого им не будет.

Жестокость наказаний почти всегда противоречит применению законов, ибо когда наказание несоразмерно, то те, которые доносят правосудию о каком-нибудь несчастном, виновном лишь в мелком преступлении, вызывают омерзение. К тому же мало найдется людей с такими убийственными наклонностями, которые решатся предать этого несчастного верной смерти. Что же из этого получается? А то, что виновный часто ускользает от наказания.

Если кара за самые черные преступления является не более суровой, чем за легкие нарушения, то люди скоро начинают предаваться злодеяниям; отягощением своего преступления они часто обеспечивают себе безнаказанность. «В Московии, где воры и убийцы наказываются одинаково, при совершении воровства всегда убивали: мертвые-де ничего не рассказывают». То же происходит во Франции, где воровство на большой дороге карается не легче воровства, соединенного с убийством^{*****}.

Наконец, поскольку наказание кажется слишком суровым самим судьям, то, если они не могут смягчить его, они вынуждены прибегать к полному прощению, что ведет к пренебрежению законами.

Если справедливость требует, чтобы наказания были всегда соразмерны преступлениям, то человечность требует, чтобы кара никогда не была жестокой; поэтому если наиболее мягкие наказания достигают цели, то им следует отдавать предпочтение.

Карая виновного, правосудие должно стремиться не столько отомстить за нарушение закона, сколько удержать тех, перед кем могло

^{*****} Например, Япония.

^{*****} Это повседневно наблюдается во Франции, где малейшая домашняя кража карается смертью.

бы встать искушение его нарушить. Что же? Неужели мы всегда будем такими же варварами? Что мы этим выиграем? Разве преступления, наказания за которые приводят в трепет, от этого стали менее распространенными?

Ошибочно думать, что злодея обязательно останавливает строгость наказания; память о нем очень скоро исчезает, тогда как беспрестанно возникающие у несчастного потребности преследуют его повсюду. Если ему представляется благоприятный случай, он, слушая лишь их назойливый голос, поддается искушению. Даже самый вид казней не всегда является достаточной уздой; сколько раз совершалось у подножья эшафота преступление, за которое погибал осужденный^{*****}.

Впечатление, которое производят жестокие казни, будучи всегда недолговечным, со временем теряет всякую силу: сначала процедура их вселяет ужас в умы, но незаметно с ними свыкаются; как бы ужасны ни казались казни, воображение скоро к ним привыкает, и они перестают поражать его; привычка притупляет все, даже страх.

Если после всего сказанного будут еще настаивать на этой мнимой узде, то я прибавлю, что пример умеренных наказаний является не менее сдерживающим, чем пример наказаний чрезмерных, если люди не знают наказаний более тяжелых.

Загляните в уголовные законы различных народов, как они щедры на смертную казнь!

Устанавливая за преступления смертную казнь, рассчитывали усилить страх наказания, а в действительности его ослабили. Наказывать смертью — значит давать пример, действующий на короткое время, а следовало бы давать пример, действующий постоянно.

Цель не достигалась и по другой причине. Преступник, мужественно переносящий страдания, внушает отъявленным злодеям такое же восхищение, какое вызывает презрение к смерти, проявляемое каким-нибудь умирающим героем. Но допустите, что преступник раскаивается; видя его умирающим с тем раскаянием, которое обеспечивает в силу прощения ему грехов вечное блаженство, люди сами грешат в надежде заслужить на том свете полное прощение. Таким образом, предаваясь преступлению, чтобы удовлетворить свои пагубные наклонности, они надеются ускользнуть от правосудия; если же они не могут надеяться на безнаказанность, то ведь наказание будет лишь кратковременным, тогда как награда будет вечной.

Зачем же вопреки голосу разума и урокам опыта без нужды продолжать проливать кровь множества преступников? Наказания смертью должны быть редкими^{*****}. Налагая их, недостаточно

^{*****} 22 года назад в Тулузе целая банда убийц укрывалась за самой оградой виселицы.

^{*****} Одно из соображений, которое должно было бы побудить законодателей отказаться от стольких наказаний смертью, состоит в том, что еще не доказано, имеет ли при нынешнем порядке вещей государь право жизни и смерти в отношении своих подданных, принимая во внимание несправедливое происхождение всех правлений на земле... Но не будем раскрывать завесу,

удовлетворить правосудие, надо еще исправить виновных. Если они неисправимы, то наказанием их следует воспользоваться в интересах общества. Пусть же направят их на общественные работы, на работы неприятные, нездоровые или опасные.

РОД НАКАЗАНИЙ ДОЛЖЕН ВЫТЕКАТЬ ИЗ ПРИРОДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для возвышенных душ стыд является наибольшим из бичей. Если бы все люди одинаково ощущали стыд, то я вместе с одним известным автором сказал бы, что наиважнейшей частью наказания всегда был позор его перенести; но стыд соединен с самолюбием, а самолюбие — с воображением; этот род наказания мог бы, стало быть, годиться лишь для некоторых народов, да и у этих народов он подошел бы лишь к некоторым личностям.

Среди различных способов обхождения с людьми, предложенных законодателю, надо уметь выбрать лучший.

При определении наказаний следует столь же стремиться к исправлению обиды, как и к ее искуплению. Итак, вывести наказание из преступления является лучшим способом соразмерить наказание с преступлением.

Если же в этом торжество правосудия, то в этом также и триумф свободы, потому что когда наказания зависят более не от желания законодателя, а от природы вещей, то тем самым перестанет быть видным человек, совершающий насилие над человеком.

ПРАВОСУДИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ БЕСПРИСТРАСТНЫМ

Преступление одинаково унижает всех людей, поэтому все правонарушители за одно и то же нарушение должны нести одно и то же наказание.

От нас далеки те гнусные различия в некоторых странах, где бесчестящие наказания предназначены для черни, где одно и то же преступление приводит иного человека на колесо, а иного — в удобное убежище^{*****}, где почти всегда достаточно быть именитым злодеем, чтобы ускользнуть от наказания^{*****}.

Я сказал, что за одно и то же правонарушение всякому преступнику должно быть назначено одно и то же наказание. Этот закон, однако, был бы справедлив лишь в государстве, основанном на равенстве, и члены которого пользовались бы приблизительно одинаковыми преимуществами. Но так как природа установила столь большие различия между людьми, а фортуна — еще большие, то кто же не знает, что правосудие всегда должно принимать во внимание обстоятельства, в которых находился виновный, обстоятельства, которые могут лишь отягчить или уменьшить его преступление.

Из двух девиц, предававшихся разврату, насколько больше заслуживает извинения та, которая, не имея еще опыта, подвергалась дурному обращению со стороны своих грубых родителей, чем та, которая, будучи нежно любимой своими достойными любви родителями, имела уже жизненный опыт?

Из двух мужчин, совершивших одинаковую кражу, насколько менее виновен тот, который с трудом имел необходимое, чем тот, который в изобилии обладал излишками!

Из двух клятвопреступников насколько более преступен тот, которому с детства старались внушить чувство чести, чем тот, который, будучи предоставлен природе, никогда не получал воспитания!

Если закон должен иногда смягчаться, то это следовало бы делать в пользу несчастных, ибо у них редко может развиваться добродетель и она ни в чем не встречает поддержки. Итак, лишь обращая внимание на пол, возраст, наклонности, положение, достояние преступников и на обстоятельства совершения преступления, можно здраво судить о заслуженном наказании. Следует ли поэтому предоставлять судьям право произвольно применять свою власть?

Я показал, каким путем можно избавиться от применения этого опасного средства. Раз предложенные мной общественные заведения^{*****} обеспечат всем необходимым и просвещением тех, которые имеют в этом недостаток, то все люди найдут себе убежище от нужды, не смогут ссылаться на свое невежество и не будут более иметь законного предлога к нарушению законов.

Не обладающие умственными способностями не подлежат суду, а возраст, в котором другие лица подлежат ему, определяется по их развитию; никто не сможет ссылаться на умопомешательство или слабоумие и не будет иметь законного предлога к нарушению законов.

Далее, тонкие различия, которые может установить фортуна между двумя лицами, виновными в одном и том же преступлении, слишком трудно доказуемы, слишком сомнительны или слишком легки для того, чтобы законодатель должен был бы на них останавливаться при определении наказаний. Что же касается различий, которые устанавливает между ними природа, то они происходят лишь от разной степени чувствительности и некоторым образом компенсируются, ибо если большая чувствительность увеличивает силу страстей, побуждавших нас к нарушению законов, то и страх, служащий им уздой, также является более сильным.

***** Если бы этих заведений не было, то следовало бы предоставить судьям власть соразмерять наказание с нарушением; но для того чтобы они никогда не злоупотребляли этой властью, пусть, имея право смягчать назначенное законом наказание, они никогда не могли бы его увеличивать. Впрочем, я прошу читателя помнить, что когда я указываю какое-нибудь наказание, то я всегда предполагаю преступника столь виновным, сколько он может им быть.

***** Заключение в крепость.
***** Это ежедневно случалось во Франции.

НАКАЗАНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЛИЧНЫМИ

Жестоко подвергать невинных бесчестью, которому подлежат лишь злодеи ***** : всякое бесчестящее наказание должно, следовательно, быть личным.

Для того чтобы оно всегда было таким, нужно, чтобы преступление никогда не оставалось безнаказанным, чтобы меч правосудия поражал без различия всех виновных, чтобы тот, кто осмелился бы попрекать какую-нибудь семью в наказании одного из ее членов, был бы сам обещен; пусть несчастье состоять в родственной связи с каким-нибудь злодеем не явилось бы для честных родственников основанием для изгнания их с должностей; пусть даже иногда в глазах правительства оно было бы преимущественным основанием для вознаграждения за их личные заслуги.

Хорошо, чтобы всякое наказание было личным; однако в некоторых случаях невозможно, чтобы оно частично не падало на семью виновного: таковы случаи назначения денежных штрафов в конфискации. Надо ли, следовательно, отменить этот род наказания? Конечно, нет. Если оно вытекает из природы преступления ***** , достаточно лишь препятствовать злоупотреблению им.

Во времена феодальной анархии государи спекулировали состоянием своих подданных, осужденных по суду; гнусный и вместе с тем пагубный обычай. Создать себе из преступления доход — значит назначить цену правосудию, значит расставить сети наиболее добродетельным гражданам и разверзнуть пропасть под их ногами, значит повсюду выискивать жертвы и продавать безнаказанность виновным, которые могут ее оплатить. Как было бы ужасно к тому же, если бы государственная казна умножалась за счет последних крох, отнятых у какой-нибудь несчастной семьи. Не нужно, чтобы конфискация производилась в пользу казны, ибо не следует давать власти никакой приманки для того, чтобы делать зло, никакого предлога для того, чтобы угнетать слабых. На что же будут употреблены эти средства? На содержание домов-убежищ, учреждение которых я предложил. Пусть наказанное преступление служит по крайней мере к поддержанию невинности!

Впрочем, конфискация никогда не должна распространяться на все состояние преступника, если бы даже он не имел родных: пока у него не отняли свободу, его не следует бросать в объятия нищеты и отчаяния.

***** Сколько невинных людей принесено в жертву варварским предрассудкам, распространяющим на всю семью преступника бесчестье его наказания! Сколько детей с самого их рождения осуждено на позор! Сколько родственников, удрученных стыдом, не смеют более показываться людям!

***** Конечно, каждый человек должен предоставлять своим детям возможность существования; но он менее обязан к оставлению им наследства, нежели к вознаграждению тех, которым он причинил ущерб, и к удовлетворению законов.

Люди боятся неизбежного зла и презирают неопределенную опасность. Не мягкость наказания, а безнаказанность преступлений создает бессилие законов. Если нельзя вносить излишнюю умеренность при составлении законов, то нельзя вносить и излишнюю строгость при применении их: пусть они будут непреклонны. Но бывают несчастные случаи, когда необходимо, чтобы преступник мог получить помилование. Плохое средство! Право помилования было предоставлено государю лишь для того, чтобы восполнить несовершенство законов. Законодатель должен, следовательно, предусмотреть такие несчастные случаи и вынести постановление об этих заслуживающих прощения преступлениях.

К тому же едва ли можно надеяться на то, что государь использует это право с достаточной мудростью для того, чтобы не ослабить компетенцию правительства: люди будут требовать его милосердия; и помилование, которое должно бы даваться лишь несчастью, вскоре было бы даровано влиянию, проницательности, личному уважению, красоте. Если сделать помилование общераспространенным, то все будут считать возможным его получение; таким образом, надежда ускользнуть от наказания никогда не покинет виновного, даже и в оковах, постыдные же наказания будут существовать лишь для бедняков. Утверждают, что сохранить жизнь тому или другому преступнику важно для общественного блага, это возможно, но гораздо важнее, чтобы законы нерушимо соблюдались.

Если преступление никогда не должно быть прощено, то для него не должно быть убежища. В государстве будет, следовательно, единая юрисдикция, и постановление о взятии под стражу, изданное какой-либо судебной палатой, будет иметь действие на всем пространстве государства.

О ПУБЛИЧНОСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Пусть уголовный кодекс будет в руках у всех, чтобы правила нашего поведения постоянно находились перед нашими глазами ***** .

Раз человек подчинен законам, пусть он, достигнув разумного возраста, ознакомится с ними и пусть он знает, чему он подвергнул бы себя, нарушая их. Таким образом, именно в тех заведениях, где обучается молодежь, следует готовить человека быть гражданином.

Ж.-П. МАРТ

ПЛАН УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перевод с французского Н. С. Лапиной под редакцией и с предисловием проф. А. А. Герцензона М.: изд-во иностранной литературы. 1951

Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

***** Он должен быть настолько дешевым, чтобы наименее состоятельный гражданин был в состоянии приобрести его.

***** Пренебрежение этим вопросом является одним из крупных недостатков современного воспитания.

О ТЕХ, КОТОРЫЕ НЕ ОТВЕТСТВЕННЫ ЗА СВОИ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕД ПРАВОСУДИЕМ

Не надо наказывать ни слабоумных, ни сумасшедших, ни стариков, впавших в безумие, ибо они не ведают, когда делают зло, и едва ли знают, что делают.

Не надо также наказывать детей, ибо они не сознают еще обязанности подчиняться законам.

В КАКОМ ВОЗРАСТЕ ЧЕЛОВЕК ОТВЕТСТВЕНЕН ЗА СВОИ ДЕЙСТВИЯ ПЕРЕД ПРАВОСУДИЕМ?

Человек наказуем за нарушение законов лишь тогда, когда он достиг разумного возраста. Этот возраст должен определяться законом, поскольку он разнится в зависимости от климата, темперамента, воспитания, и так как ничего не надо предоставлять произволу судей, разумно, чтобы в каждой стране его определяли применительно к тому возрасту, когда наиболее запоздавшие развитием люди начинают формироваться.

По установлении этих основных принципов я приступаю к изложению предмета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И НАКАЗАНИЯХ

По отношению к своим объектам преступления разделяются на восемь разрядов.

В первом — размещаются те, которые ведут к гибели государства.

Во втором — те, которые наносят вред законной власти.

В третьем — те, которые направлены против личной безопасности.

В четвертом — те, которые посягают на собственность.

В пятом — те, которые оскорбляют нравственность.

В шестом — те, которые посягают на честь.

В седьмом — те, которые нарушают общественное спокойствие.

В восьмом — те, которые оскорбляют религию.

Раздел первый. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА

Глава первая. О ложных государственных преступлениях

С тех пор как те, которые держат в своих руках бразды правления, стали считать себя абсолютными властителями народов, сколько появилось мнимых государственных преступлений, которые вовсе не имеют своим объектом государство!

Не удивительно, что люди, хотевшие уничтожить свободу, боялись всего того, что могло ее укрепить; но для того чтобы отделаться от тех, кто имел мужество противиться этому грязному посягательству, нужно было признать их виновными, и вот они сделали из чувства любви к отечеству преступление.

Уничтожив свободу, они стали бояться всего, что могло напомнить о ней, и возвели в преступление отказ повиноваться их несправедливым приказам, требования прав человека, жалобы несчастных и угнетенных.

Дойдя до отождествления себя с государством, они стали признавать преступлением все то, что наводило на них тень; тирания повсюду вырыла пропасть под ногами граждан.

Когда государь завладел верховной властью, льстецы стали щедро наделять его пышными титулами царя царей, августейшего императора, священного величества; они возвели в преступление оскорбление величества, а в государственное преступление — все то, что ему не нравилось.

Чрезмерная власть сначала льстит честолюбию, но стоит только ее захватить, как она становится тяжелым бременем.

В отчаянии от постоянного сопротивления своим желаниям, уставший от собственной жестокости, снедаемый беспокойством и страхом, деспот жаждет покоя, который бежит от него; наконец, он начинает понимать, что может добиться покоя лишь при помощи суеверия.

Слепое повиновение всегда предполагает крайнее невежество; таким образом, после того как деспот унижил сердца, он старается притупить умы. Что сделал деспот, чтобы прикрыть глаза людей повязкой заблуждения? Он стал притязать на непреложное знание, на небесное происхождение своей власти, на ответственность за свои действия лишь перед богами, затем он начал считать виновным всякого, кто осмелился усомниться в этом грубом обмане, обращать взоры на дела правительства и проверять его образ действий.

Довольно! Слишком уже долго эти ненавистные тираны опустошали землю! Их царству придет конец; светоч философии уже рассеял густые сумерки, в которые они погрузили народ. Осмелимся же приблизиться к священной ограде, за которой окопалось самовластие, осмелимся разорвать мрачную завесу, которой оно прикрывает свои посягательства, осмелимся вырвать у него это ужасное оружие, всегда пагубное для невинности и добродетели!

Пусть глупые рабы побледнеют от ужаса при этих словах; они несколько не оскорбляют уха свободных людей. Счастливые народы, сокрушившие тяжкое иго, под которым вы стонали, — именно этой благородной смелости вы обязаны своим счастьем:

Начнем с восстановления истинных понятий о вещах.

Нет ничего возмутительнее тех ложных идей о государственных преступлениях, которые внушили наемные законоведы. Под государственными преступлениями они понимают все то, что совершается против государя, а когда они захотели повысить значение последнего, то наименование государственных преступлений они заменили наименованием преступлений оскорбления величества различных степеней.

Если оставить за государем титул величества, то несомненно, что все преступления, совершаемые против него, явятся преступлениями

оскорбления величества; но эти преступления оскорбления величества вовсе не будут государственными преступлениями.

Если титул величества дан суверену*, которому он единственно и принадлежит, то ясно, что все преступления оскорбления величества являются государственными преступлениями; но преступления против государя не будут более преступлениями оскорбления величества.

О СОЧИНЕНИЯХ ПРОТИВ ГОСУДАРЯ И Т. П.

Остережемся возводить в законы постановления, изданные для укрепления несправедливой власти.

К несчастью наций, как мало государей, достойных повелевать, а среди тех, которые повелевают, сколь многие боятся огласки. Но проверять образ действия своих начальников всегда было правом свободного народа, и никакой народ не должен быть рабом.

То право, которое имеет нация в целом, также имеет и каждый из ее членов; это — драгоценное право, которое часто служило для обуздания злоупотреблений властью даже в тех странах, где еще вовсе не дерзали ее ограничивать, ибо сами монархи подчинены власти общественного мнения; каков же будет орган этого мнения, если никто не дерзнет поднять свой голос? И поэтому, не имея узды, находясь в среде злых людей, поощряющих его к преступлениям для злоупотребления властью, государь все принесет в жертву своим пагубным наклонностям; под его ударами полетят наиболее грозные для тирании головы; и не страшась более голоса народа, он скоро освободится и от голоса совести.

Всякое сочинение, в котором без нарушения благопристойности рассматривают проекты правительства, взвешивают его мероприятия, обсуждают его требования и возражают против его недозволенных мер, не должно противоречить законам. Но не подает ли это повода к распушенности? И что станет с величием трона, если каждый дерзнет поносить того, кто его занимает? Наемные рабы! Разве вы не знаете, что одни лишь пороки государя, а не вынесенный ему приговор бесчестят трон. Ну, а если государя оклеветали? Вы мало знаете об уважении, соединенном с высоким саном. Как, разве короли недостаточно внушают его при помощи внешних атрибутов власти, чтобы люди дерзали не оказывать им должного почтения? Да и кто же пытался бы это сделать, если бы они отличались добродетелями? Представленные в глазах народов в качестве обожествленных кумиров, они внушали бы лишь чувство уважения. Пусть же соберут они вокруг трона заслуги, мудрость, таланты; пусть позаботятся они о добре; пусть они сделают это — и все сердца устремятся к ним, и каждый воздаст им дань уважения. Ну, а если злые люди пустят в них отравленные стрелы? Эти стрелы не ранят государей. Благодаря тому, что они всегда будут у всех на виду, о них будет все известно: об их добродетелях и об их пороках будет знать каждый.

Если государи добродетельны, то общественное негодование вполне достаточно отомстит за них смельчакам, которые имели наглость их поносить. Если государи порочны, то сочинители эпиграмм не скажут ничего такого, что уже не было бы известно. Но ведь можно оклеветать и самый порок. Откажут ли тогда государю в правосудии, в котором не отказывают его подданным? Если он захочет удовлетворения, пусть он преследует обвиняемого судом. Но пусть не толкуют в дурную сторону неистовые речи, подсказанные любовью к родине; пусть наказывают в таких случаях лишь клевету, оскорбления, непристойный тон и никогда не забывают, что наказание должно быть легким, ибо право проверять правительство является защитой общественной свободы; а ведь никто не захочет воспользоваться этим правом, если оно подвергает излишней опасности. Таким образом, пусть наказание ограничится объявлением человека плохо воспитанным. К тому же, каким бы легким оно ни казалось, не бойтесь ничего в отношении хороших государей: они всегда будут обожаемы своими народами. А что за беда, если какой-либо дурной государь прослышет за еще более дурного? Это было бы лишь маленьким злом, совершенным для большого блага.

Остается пресечь анонимные пасквили: пусть же они будут запрещены, а типографщик и те, кто их сбывает, пусть понесут наказание как авторы. В отношении первых пусть это будет денежное наказание: алчность надо пресекать с помощью алчности. В отношении последних пусть это будет наказание, предусмотренное для распространителей позорящих слухов.

О ЖАЛОБАХ ГОСУДАРЮ И О СОПРОТИВЛЕНИИ НЕСПРАВЕДЛИВЫМ ЕГО ПОВЕЛЕНИЯМ

Власть была вверена государям лишь для благополучия народов. Если они правят, то должны делать это справедливо; всегда, стало быть, дозволяется требовать от них правосудия и жаловаться, если нельзя его добиться.

Государь является слугой закона. Если он говорит от его имени, то надо повиноваться: но он должен говорить от имени закона лишь тогда, когда дело идет об общественном благе; в противном случае, когда он повелевает, то верховный судья исчезает, а остается человек. Неповиновение несправедливым повелениям и сопротивление недозволенным мерам не должны, стало быть, считаться преступлениями.

О ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРЯ

Они включены в разряд государственных преступлений, но без всякого основания. При всех законных правлениях государь является лишь первым должностным лицом нации, и его смерть ничего не меняет в устройстве государства; если порядок наследования установлен и против междоусобия приняты меры, то смерть только отнимает у кого-либо трон, который вскоре занимает другим лицом. А не является ли посягательство на государя оскорблением самого суверена в лице его

* Под этим термином я всегда разумею нацию в целом или ее представителей.

представителя? Но оскорблением его было бы и посягательство на всякое другое должностное лицо государства, ибо государь является слугой суверена, а не его представителем. Но когда государь достоин того, чтобы повелевать, не терпит ли нация от его смерти жестокого ущерба? Конечно, точно так же, как терпит она такой ущерб от смерти способного администратора, посвятившего свои таланты общественному благу.

Для того чтобы окончательно убедиться в том, что убийство государя не является государственным преступлением, достаточно сравнить наказания за эти преступления. Люди довольствуются обезглавливанием заговорщика, в то время как они сдирают кожу, рвут калеными щипцами, четвертуют, мучают злодея, посягнувшего на жизнь государя. Почему это делается, если государь не поставил себя выше государства, выше суверена? Похитив верховную власть и чувствуя, что его подданные не могут питать к нему никакого доверия, он живет среди них, как среди своих врагов, а чтобы сделать свою личность священной и внушить безграничное уважение ко всему тому, что его касается, он знает лишь террор.

Убийство государя является лишь простым убийством. Боже избави, чтобы я хотел ослабить ужас, который должно внушать это преступление, но я хотел бы (если возможно) восстановить истинное соотношение вещей и отменить эти ужасающие наказания, придуманные из любви к господству; это — страшное пугало, которым деспоты не перестают ограждать себя.

Вы скажете, что простое наказание смертью недостаточно для пресечения преступления? Раскройте летописи народов и посмотрите. В Англии, где царевубийство карается лишь топором, нет ни одного примера этого преступления. Во Франции, где оно карается самыми страшными наказаниями, сколько посягательств на жизнь наших королей!

О ПОРЧЕ ЧЕКАННЫХ МОНЕТ

Это преступление повсюду влечет за собой смертную казнь и повсюду считается государственным преступлением или преступлением второй степени оскорбления величества. Но что же общего у государственной безопасности с поддельной монетой? От этого страдает национальный кредит. Что может он потерять от обращения нескольких обрезанных или низкопробных монет? Наносится ли по крайней мере этим действительный вред народу. (Скажите лучше — некоторым частным лицам, которые их получают?) Но кто их принуждает принимать такие монеты? Скрыть подлог невозможно, поэтому не достаточно ли немного внимания, чтобы обнаружить его? А пренебрежение суверенной властью? Еще одно заблуждение: человек, виновный в этом

** Представителями суверена являются депутаты нации.

*** Если одного внешнего вида золота и серебра чаще всего бывает недостаточно для различения этих металлов, то отличительные их свойства настолько хорошо известны, что ошибиться здесь невозможно.

преступлении, совершая его, всегда думал лишь о прибыли, которую он мог бы от него получить. Впрочем, если и было бы пренебрежение, то явилось ли бы оно меньшим, чем при сотне других преступлений; за которые не грозит смертная казнь? С этой точки зрения не является ли всякое преступление нарушением закона, пренебрежением суверенной властью?

Перестанем же вечно обагрять наши руки в крови ради подобных преступлений. Порча или подделка монеты является, конечно, преступлением, но так как это преступление сводится к легкому вреду, причиняемому некоторым лицам, то я высказался бы за то, чтобы оно каралось как мошенничество, если бы можно было знать всех потерпевших лиц. Пусть же преступник будет осужден к пожизненным общественным работам.

О ПОДДЕЛКЕ ЧЕКАННЫХ МОНЕТ

Тайная чеканка настоящих денег также считается преступлением оскорбления величества второй степени, что, по словам одного известного автора, вполне разумно, ибо это является присвоением прав суверена. Но могут ли права суверена пострадать от таких тайных манипуляций?

Все это преступление заключается лишь в обманном приобретении прибыли, которую правительство получает от монет. На этом основании преступник должен быть наказан, но он должен быть наказан только как мошенник. Пусть же он будет осужден к денежному штрафу в пользу государства, если же он провинится вторично, пусть он будет осужден к пожизненным общественным работам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДВУХ ПРЕДЫДУЩИХ СТАТЕЙ

Вместо того чтобы подыскивать наказания для этих преступлений, не лучше ли было бы подумать о том, как можно их предупредить?

Возвести в преступление все то, чему хотят помешать, наказать виновных и сделать из их наказания пугало — вот смысл современной политики. Что же? Вечно — цепи, темницы, колеса, виселицы? Но то, чего нельзя сделать пролитием крови, часто осуществляется при помощи нескольких мудрых полицейских постановлений; и в данном случае нет ничего легче, как добиться успеха. Вы хотите, чтобы никогда не обрезали монеты? Прикажите принимать их по весу. Вы хотите, чтобы не чеканили фальшивых монет? Прикажите пропускать их через калибровый фильтр. Вы хотите, чтобы их никогда не подделывали? Пусть правительство удовольствуется небольшой прибылью. Какая надежда на обман останется у плутов, если честные люди будут, таким образом, настороже? Но какое неудобство всегда быть настороже! Но не в собственных ли это интересах? Плохие вы граждане! Что же? Удовольствие предупредить столько зла ценой нескольких мелких забот не сможет тронуть ваши души?

Необходимость отмены жестоких законов, установленных в отношении этих преступлений, является крайне настоятельной. Каких только жестокостей они не вызывают! Поверят ли, что в Европе имеется правительство, прославившееся мудростью своего уголовного кодекса, в котором не ограничиваются отнятием жизни у фальшивомонетчика; угрожают той же участью и тому, кто имеет в своем владении фальшивую монету, если он не может доказать ее происхождения. Таким образом, рассеянность или плохое зрение могут навлечь на добродетельного человека бесславленную смерть, которая должна быть уделом лишь злодеев.

О КОНТРАБАНДЕ

Сколько в отношении этого преступления имеется законов, основанных на произволе и, подобно законам Дракона, написанных кровью!

В тех странах, где государственные доходы отданы на откуп, жадные и ненасытные люди часто вынуждают у государя приказы для обеспечения себе наживы за счет государства. Эти варварские приказы исполняются еще более варварским способом: всякий контрабандист, который сопротивляется, карается смертью, а сколько бедных крестьян, дурной поступок которых заключается лишь в желании украдкой перевезти несколько фунтов соли, влачат свое существование на галерах.

Пусть не ошибутся: не к извинению преступления я стремлюсь, я стремлюсь к уничтожению разрушительных предрассудков и стараюсь установить правильное представление о вещах.

Заниматься контрабандой — значит ввозить украдкой какой-нибудь запрещенный товар или перевозить какой-нибудь товар без оплаты таможенных пошлин; исходите из этого для назначения в обоих этих случаях заслуженного наказания.

Но не будем изменять нашим правилам. Никогда не следует карать преступление, если его можно предупредить. Посмотрите, я прошу вас, кто эти люди, которые провозят контрабанду: несчастные горемыки, для которых это недостойное ремесло зачастую является единственным источником существования. Вы хотите уничтожить контрабанду? Дайте бедняку возможность честно заработать на свои нужды и не налагайте обременительных пошлин на предметы первой необходимости^{****}.

Если бы и после этого приманка незаконной наживы прельщала еще какого-нибудь бедняка, то нарушение закона сначала не должно влечь за собой другого наказания, кроме конфискации контрабандных товаров.

В случае рецидива пусть контрабанда сверх того влечет за собой штраф в пользу государства.

^{****} Если бы люди не знали, на что способна жадность откупщиков, то разве могли бы они представить себе, что во Франции имеются целые провинции, где несчастный крестьянин осужден есть соль, хотя нищета лишает его средств к покупке того, что необходимо для употребления с солью.

Если преступник еще раз будет пойман на этом деле, пусть он лишится свободы.

О ДЕЗЕРТИРСТВЕ

Карать это преступление смертью не только несправедливо, но и нелепо. Отчего солдат будет бояться лишиться жизни, солдат, который привык ежедневно рисковать ею из-за пустяков и гордится презрением к смерти? Если, по-видимому, он боится бесчестия как наибольшего из несчастий, то удержите его в рядах армии страхом позорящего наказания.

Однако всегда следует различать отдельные случаи. Когда войска состоят лишь из наемников и когда дезертир уносит с собой оружие и снаряжение, то это является лишь простым мошенничеством; он должен быть тогда осужден к возвращению похищенного своему начальнику и к позорному столбу^{****}.

Если же он уносит лишь свою одежду и если он не испытал ни дурного обращения, ни несправедливости по службе, то он наказывается тремя месяцами тюрьмы.

Если вербовка была принудительной, то в обоих случаях дезертир должен быть оправдан.

Но важно отнять всякий повод к дезертирству, уничтожив принудительное поступление на военную службу. Таким образом, военные, уполномоченные своими частями для рекрутского набора, будут обязаны передать свои полномочия должностному лицу полиции, а затем через двадцать четыре часа представить ему лиц, которых они принимают в солдаты и которые будут вольны разрешить своим родственникам или друзьям сопровождать их. И лишь убедившись в том, что поступление на военную службу добровольно, это должностное лицо подтвердит обязательство, которое после этого будет считаться законным.

Всякий вербовщик, пойманный в нарушении правил, будет присужден к тюремному заключению на срок, равный сроку принудительной вербовки.

Глава вторая. О подлинных государственных преступлениях

Государственными преступлениями должны почитаться: предательство родины — под этим разумеется переход на сторону врага; возбуждение ненависти к власти путем злоупотребления какой-либо должностью — под этим разумеются притеснения и взяточничество; торговля правосудием — под этим разумеется нарушение служебного долга; разорение государства путем расхищения государственной казны — под этим разумеются растрата и хищения; измена государству — под

^{****} При хорошо устроенном управлении полицейские функции и дисциплина армии должны принадлежать лишь воинской власти, но во всем остальном и офицеры и солдаты должны подчиняться законам, как и другие подданные.

этим разумеются лихоимства и сношение с врагами отечества; разрушение силы и богатства государства — под этим разумеются всякие поджоги^{*****} кораблей, верфей, складов, арсеналов, общественных архивов и зданий; наконец, составление заговора против государства, направленного на разложение армии и подкуп высшей администрации для ниспровержения законов, приведения в расстройство управления и захвата верховной власти. Чудовищные преступления! Чудовищные потому, что они приносят благополучие масс в жертву жадности и честолюбию нескольких отдельных лиц. Но так как тяжесть этих преступлений может быть большей или меньшей, то и наказание за них не должно быть одинаковым.

О ПРИТЕСНЕНИЯХ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Это — государственное преступление лишь в странах, где армия состоит из граждан; и так как в таком случае оно становится предательством интересов родины, то пусть преступник навсегда будет лишен прав гражданина.

О ПЕРЕХОДЕ НА СТОРОНУ ВРАГА

Всякое притеснение является злоупотреблением властью, а всякое взяточничество — незаконным увеличением налогового бремени; хотя эти преступления довольно часто переплетаются, но последнее в большей степени касается служащих по сбору государственных налогов, или вернее откупщиков; первое же в большей степени относится к гражданским чиновникам государя. Это — преступления, в некоторых странах столь известные и столь мало позорящие, что первое из них рассматривается как прерогатива некоторых должностей, как признак могущества, а другое — как привилегия откупа, ибо откупщики покупают у государя разрешение взимать произвольно налоги с подданных.

Но довольно говорить о правительствах, где подобные мерзости вошли в обыкновение!

Для того чтобы создать себе правильное представление о наказании, заслуживаемом этими преступлениями, нужно принять во внимание жестокие беды, которые они влекут за собой.

Обычно эти преступления совершаются в отношении беззащитных людей, в отношении несчастных, которые не в состоянии отстаивать свои требования.

Желая обогатиться за счет их крох, взяточник часто, и притом всегда священным именем закона, отнимает у таких людей последние средства, тогда как притеснитель, злоупотребляя властью, нарушает по отношению к ним общественное доверие и обращает в тиранию защиту, которую обязано оказывать им правительство. Доводя таким образом этих

несчастных до нищеты и заставляя их ненавидеть власть, под которой они живут, взяточники и притеснители лишают общество множества полезных членов и дают ему много опасных.

Притеснитель является вероломным администратором, взяточник — презренным разбойником, и оба они — изменниками государству.

Для исправления их преступления они должны быть осуждены к уплате вознаграждения сделавшимися по их вине бедняками; а для искупления его — пусть они лишатся свободы.

О НАРУШЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА

Употребить власть для притеснения бедняков — всегда большое преступление, но употребить ее для угнетения невинности — всегда преступление чудовищное. А что может быть возмутительнее, когда защитники нравственности подают пример испорченности, служители правосудия — предаются беззаконию, а блюстители законов — обращают их в орудие тирании?

Пусть же нарушитель долга службы, осужденный к исправлению (насколько это возможно) причиненного им зла, будет обещан и навсегда лишится свободы.

О РАСТРАТЕ И ХИЩЕНИЯХ

Руки, которым поручено хранение общественных сумм или управление ими, редко бывают чисты: отсюда — растраты и хищения. Эти всегда свойственные нашим дням, но мало постыдные преступления совершаются людьми, занимающими какие-либо должности и облеченными доверием и властью. В этом отношении испорченность нравов века даже такова, что чем чудовищнее эти преступления, тем легче их прощают.

Когда народы мало обременены налогами и управление государственными доходами разумно, то растрата всегда отнимает у государя некоторые средства, нужные для покрытия расходов по управлению, но она вовсе не создает особых жертв и не приносит обществу ни бесполезных, ни опасных членов; в этом отношении это преступление является менее тяжелым, чем притеснение и взяточничество.

Растрата является кражей общественных сумм каким-нибудь лицом, охране которого они были поручены; пусть же преступник будет осужден к возвращению украденного и к штрафу в пользу государства, а затем будет с позором изгнан со своей должности.

Такое же наказание должно быть вынесено расхитителю, ибо хищение является мошенничеством, совершенным при управлении общественными суммами.

---

^{*****} Действие, состоящее в умыленном поджоге, — преступление поджигателей. Умоляю простить мне это слово: я не гонюсь за словообразованием, но следует ли совершенно его запретить, если в языке нехватает подходящих слов.

О ЛИХОИМСТВАХ, ПРОИСКАХ И ИЗМЕНАХ

Злоупотребить своим полномочием для обогащения и принести общественное благо, спасение государства в жертву своим частным намерениям является ужасным преступлением.

Раз общество не может более иметь доверия к тому, кто однажды провинился по отношению к нему, и раз оно должно было бы во всем опасаться такого человека, если бы он мог находиться на свободе, то его следует исключить из числа живых.

Я не говорю здесь о столь часто применяемой в подобных случаях конфискации имущества — наказании всегда опасном, так как оно делает собственность не обеспеченной, наказании, часто несправедливом от того, что оно заставляет невинных отвечать за виновного.

О ПОДЖОГЕ КОРАБЛЕЙ, ВЕРФЕЙ, СКЛАДОВ, АРСЕНАЛОВ, ОБЩЕСТВЕННЫХ АРХИВОВ И ЗДАНИЙ

Ужасное преступление, заслуживающее высшего наказания, ибо оно стремится не только к разорению государства, а иногда и к гибели его^{*****}, но и к истреблению в пламени множества несчастных и к обращению в пепел целых городов.

Пусть же виновный лишится жизни; пусть внешние атрибуты его казни будут ужасны и он сам будет очевидцем их.

О ЗАГОВОРАХ

Когда нация свободна и счастлива, заговоры являются величайшими из преступлений потому, что они стремятся низвергнуть конституцию и уничтожить законы, составляющие благополучие нации.

Нет такой казни, которую не заслуживало бы подобное посягательство! К несчастью, оно вовсе не является позорящим. Его важность служит ему даже извинением; иногда оно прикрывается тем предлогом, что приносит пользу народам, и обычно виновниками этого посягательства являются какие-нибудь знатные особы, часто крупные сановники государства и нередко даже его глава, всегда уверенный в безнаказанности.

Если заговорщики доступны страху наказания, пусть они искупят свое преступление позорной смертью.

Законы вовсе не должны признавать государственным преступником гражданина, который не разоблачил заговора, о котором он был осведомлен, ибо законы никогда не должны подвергать добродетельного человека опасности наказания за клевету, обращая его в доносчика о преступлениях, в отношении которых он часто не смог бы доставить доказательств, и не могут заставлять человека быть доносчиком на своих родителей, на своих детей или на своих друзей.

***** Если оно отнимает у государства его силы в тот момент, когда они необходимы ему для борьбы с врагами.

Можно покуситься на безопасность государства, но на его честь — никогда. Обесчестить его могут не стрелы сатиры, а несчастья, происходящие от плохого управления. Никакой автор, стало быть, не может быть подвергнут преследованию за то, что он смело и правдиво написал историю эпохи.

Раздел второй. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЗАКОННОЙ ВЛАСТИ

О ПРЕНЕБРЕЖЕНИИ К ПОВЕЛЕНИЯМ ГОСУДАРЯ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Когда законы справедливы, то каждый должен им подчиняться. Если кто-нибудь отказывается подчиниться повелениям, отданным для их исполнения, пусть он будет принужден к этому силой, а затем осужден на некоторый срок к тюрьме.

Если же он провинится вторично, пусть он будет изгнан навсегда.

О ПРЕНЕБРЕЖЕНИИ К РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ.

Поскольку человека не воспитывают более для отечества, а каждая семья образует в государстве маленькое, изолированное общество, имеющее в виду лишь свои частные интересы, руководство семьей надо предоставить ее главе; ничто не привязывает больше отца к его детям, как сознание того, что они от него одного ожидают своего благополучия, и ничто не привязывает больше детей к их отцу, как привычка смотреть на него, как на своего благодетеля. Таким образом, отнести к ведению судов всевозможные домашние дела означало бы дать повод к множеству злоупотреблений. Но так как иногда бывают бесчувственные родители и дети, то возратить их на путь долга следует с помощью закона.

Если родители прибегают к общественным властям для защиты против чересчур строптивых детей или если дети требуют общественной защиты против чересчур суровых родителей, пусть полицейский магистрат рассмотрит дело и вынесет по нему постановление согласно закону.

Таким образом, за строптивость и упрямство ребенок должен быть в продолжение недели заключен в смиренном доме, лишен всякого общества и посажен на хлеб и воду. В случае рецидива срок заключения будет всякий раз удваиваться, причем режим останется прежним.

С другой стороны, за недостойное обхождение с детьми родители получают выговор от полицейского магистрата, сначала наедине, а затем, в случае рецидива, — публично. Если они не исправятся, ребенок будет у них отнят, но будет воспитываться на их счет.

Но так как надо избегать чересчур большого числа дел, то родителям не будет разрешено приносить жалобы на ребенка моложе двенадцати лет; дети же будут допущены к принесению жалобы на своих родителей лишь в том случае, если они имеют на теле какие-нибудь следы насилия или если их здоровье изменилось от недостатка питания.

О ХОЗЯЕВАХ И СЛУГАХ

С одной стороны – власть, с другой – подчинение. Кто не видит, что положение этих несчастных является вынужденным? Прикованные к обществу, бессильные из него выйти, разве не принуждены они уважать порядок вещей, установленный им во вред? Итак, следует ли, чтобы они в награду за их почтение должны еще терпеть наше дурное обращение? Конечно, нет. Слуга должен за содержание, которое он получает от своего хозяина, оказывать ему услуги, но с условием расторжения договора, как только его поведение перестанет соответствовать необходимым услугам.

Если же между ними возникнет какой-либо спор, относящийся к компетенции законов, то пусть правосудие всегда видит в слуге свободного человека.

Раздел третий. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ

О ПРЕДУМЫШЛЕННОМ УБИЙСТВЕ

Жизнь – единственное из благ этого мира, которое не имеет себе равного; следовательно, справедливость требует, чтобы наказанием за умышленное убийство была смертная казнь. «Всякий, кто предумышленно отнимает жизнь у другого, должен лишиться своей».

Сотни причин могут отягчить это преступление, и ни одна не может его уменьшить; но как бы ужасно оно ни было и какое бы наименование ему ни давали, казнь должна быть утонченной лишь в отношении бесчестья: пусть же она станет более позорящей, не став более жестокой.

Пусть перед казнью отравитель не только принесет публичное покаяние, но, привязанный к позорному столбу, с надписью на груди, пусть он будет выставлен в течение нескольких часов на негодование народа.

В случаях, когда законы природы и общества одинаково нарушены, нужны примеры, более способные производить впечатление, таким образом, за убийство друга, благодетеля, брата, сестры, дочери, сына, отца, матери сделайте ужасными внешние атрибуты казни, но смерть пусть будет легкой.

То, что я говорю, относится также и к убийству государя, судьи, министра, к случаям, в которых общественная польза требует примерных наказаний.

О НАСИЛИЯХ И ОСКОРБЛЕНИЯХ

Употребить насилие для принуждения кого-нибудь к совершению какого-либо действия^{*****} – значит посягнуть на его свободу, на его безопасность, на его жизнь; и в отношении каждого из этих

посягательств наказание виновного должно определяться природой преступления. Таким образом, за простое принудительное заключение он лишится своей свободы на столько месяцев, на сколько часов лишился ее потерпевший.

За отказ в средствах на содержание, необходимых для поддержания жизни в течение заключения, за нанесение побоев, ран или угрозы смертью он подвергнется наказанию, установленному за совершение преступления из засады.

О ЗАСАДЕ, ОПАСНЫХ РАНЕНИЯХ, УВЕЧЬЯХ И ДРУГИХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ НА ЖИЗНЬ, НЕ СОПРОВОЖДАВШИХСЯ СМЕРТЬЮ

Во всех этих случаях совершенное зло является меньшим, чем в случае убийства; наказание за преступление должно, следовательно, быть менее тяжелым; но так как обществу придется во всем опасаться тех, которые однажды уже провинились в этих преступлениях, то пусть они навсегда лишатся своей свободы; они должны быть осуждены к пожизненным общественным работам и к работам наиболее тяжелым.

ОБ УБИЙСТВЕ, СОВЕРШЕННОМ ПРИ САМОЗАЩИТЕ

Когда закон, созданный для защиты тех, кто живет под его властью, не имеет времени прийти на помощь притесняемому, то последний, находясь в общественной среде, возвращается в среду естественную и вправе отразить силу силой. Если же он совершает убийство ради своей собственной защиты, то пусть он будет очищен от обвинения и оправдан.

Для того чтобы очиститься от обвинения, ему достаточно доказать, что он подвергся нападению, не будучи сам нападающим. Следовательно, он немедленно отправится с несколькими свидетелями к полицейскому судье и сядет под арест. Если все показания свидетелей, выслушанных порознь, говорят в его пользу, то он будет отпущен на поруки, с обязательством явиться в назначенный день к своим судьям, чтобы подвергнуться суду.

Если не все показания свидетелей говорят в его пользу, то он должен содержаться в тюрьме впредь до выяснения обстоятельств дела и будет предан суду.

О НЕВОЛЬНОМ УБИЙСТВЕ

Виновник невольного убийства, совершенного нечаянно или благодаря насилию в пылу ссоры, после того как он оправдывается в обвинении, будет присужден к денежному штрафу в пользу семьи умершего, а в случае отказа – в пользу воспитательного дома или какого-либо другого благотворительного убежища.

Для того чтобы оправдаться в обвинении, ему достаточно доказать, что убийство не было предумышленным; следовательно, он немедленно отправится с несколькими свидетелями к полицейскому судье и сядет

***** Понятно, что в этом случае действие всегда является неправомерным.

под арест. В этом случае полицейский судья должен поступать в отношении обвиняемого, как в предыдущем случае.

О ДУЭЛИ

Если закон позаботился об удовлетворении за обиды, то не следует расправляться собственным судом. Но когда закон об этом не позаботился, то обиженный должен мстить за себя сам, и тогда дуэль не должна считаться преступлением, ибо законы общества вовсе не должны идти против законов природы.

Те, кто понимает неудобства дуэли, спрашивают, каким образом следовало бы ее наказывать; они сделали бы лучше, если бы подумали, каким образом ее следует предупреждать. О! Как только не видят они, что это злоупотребление свободой, на которое они жалуются, является делом рук законодателей? Люди не перестают повторять, что честь должна нам быть дороже жизни, а законы почти всегда считали ее за ничто. Когда человек отказывается смыть обиду кровью своего врага, то его изгоняют из общества; когда он мстит за обиду, то его, если только он но своему чину или званию не может рассчитывать на безнаказанность, бесчестит правосудие. Как же поступить при этой жестокой альтернативе? Из двух зол выбирают наименее страшное. Итак, долг приносится в жертву мнению.

Я вижу лишь два действительных способа к прекращению варварского обычая дуэли. Первый состоял бы в том, чтобы закон предписывал удовлетворение за оскорбления.

За оскорбления, не затрагивающие чести, преступник должен быть осужден к публичному принесению извинений своему противнику.

За оскорбления, затрагивающие честь, он присуждается к денежному штрафу, приблизительно равноценному той потере кредита, которую диффамация могла бы причинить противной стороне.

За угрозы насилием, сопровождающие какое-нибудь оскорбление, преступник должен быть арестован и лишь при ручательстве в хорошем поведении может быть освобожден из тюрьмы.

Наконец, всякому нарушителю спокойствия под страхом пожизненного тюремного заключения должно воспретить ношение оружия.

Если бы этот способ оказался недостаточным — что более, чем вероятно, — то имеется еще другой, который наверное достигнет цели.

Ранение или убийство кого-либо — плохое доказательство того, что есть право на нанесение обиды; поэтому, каким бы ни был исход столкновения, закон объявил бы виновным лишь одного обидчика. Под страхом очень крупного штрафа закон должен предписать преследование виновного женой, детьми или ближайшими родственниками потерпевшего, а при их отсутствии — государственным обвинением.

Наказание, назначаемое преступнику, должно заключаться в отрезании ему пальцев руки, в которой он держал смертоносное оружие. Если он скроется, то он подлежит осуждению к пожизненному изгнанию и четвертая часть его имущества конфискуется в пользу потерпевшего или,

в случае смерти того, в пользу его наследников. Понятно, что это постановление закона обявляет потерпевшего запастись для подачи жалобы в суд свидетелями полученного им оскорбления.

Но к чему казни, когда можно пощадить жизнь? Философский дух, почти повсеместно разрушивший ужасную власть сувереня, должен также разрушить власть и этого варварского предрассудка![#]

О ВРЕДНОМ ИЗМЕНЕНИИ СЪЕСТНЫХ ПРИПАСОВ

Среди преступлений, порождаемых жадной к наживе, немного найдется более тяжелых, чем вредное изменение съестных припасов, ввиду той опасности, которой оно подвергает человеческую жизнь.

Изменять или продавать товары, измененные так, что они становятся опасными, а обман незаметен, — это значит не только лишиться нас драгоценнейшего из благ — здоровья, но и доставить нам долгие страдания, которые порой кончаются лишь смертью. Это преступление велико по своим последствиям. Стало быть, чем тяжелее его последствия, тем строже оно должно быть наказано.

В некоторых странах пивовары, чтобы придать пиву больше остроты, имеют обыкновение прибавлять к хмелю индийские орехи; и почти повсюду целовальники постоянно занимаются удалением кислоты в начинающих скисать винах с помощью окиси свинца: гнусные приемы, пагубные последствия которых слишком распространены! Имеются, однако, еще и другие, гораздо более гнусные приемы. Находятся презренные бакалейные торговцы, которые, чтобы придать окраску маринованным капорцам и корнишонам, держат их в медной посуде, что делает их очень ядовитыми.

Я согласен с тем, что виновный не имел намерения отравлять людей, но когда он знает о пагубном действии предметов питания, измененных им из-за влечения к прибыли, то он жестоко играет жизнью людей; и чем он отличается от убийцы? Если бы употребление этих предметов питания всегда сопровождалось смертью, если бы неосторожность или глупость слуги не служила иногда к извинению хозяина и если бы не всегда было лучше назначить наказание, исходя из самой страсти, заставившей нарушить закон, то я сказал бы: да будет он наказан, как убийца.

Если же употребление этих ядовитых предметов питания причинило лишь болезнь, то продавец должен быть задержан, часть его имущества будет присуждена потерпевшей стороне, а на самом видном месте его лавки прибудет объявление, написанное крупными буквами и содержащее такие слова: «здесь торговец, которым рискуешь быть отравленным».

[#] Любопытно, что было немало представителей второго сословия (дворянства), в том числе «дворянства шпаги», которые придерживались точки зрения, что дуэль — смешной, нелепый и вредный пережиток. Ле Пеллетье де Сен-Фаржо в своем докладе рекомендовал против дуэлянтов меры общественного осуждения и насмешку (выставлять у позорного столба в шутовских костюмах). — *ред. Vive Liberta.*

Если употребление этих предметов питания причинило смерть, то половина имущества преступника должна быть присуждена наследникам покойного и, сверх того, он должен быть присужден к общественным работам до конца своих дней.

Но сплошь и рядом вред, который причиняют эти ядовитые предметы питания, обнаруживается лишь с течением времени, и его причину трудно установить; к тому же тот, кто изменил их, может иногда быть более невежественным, нежели злым. Было бы поэтому гораздо разумнее предупреждать это преступление, чем его наказывать.

Итак, после того как торговцам под страхом установленных наказаний будет запрещено употребление вредной посуды и пагубных приемов, в каждом городе надо ввести должность надзирателя за съестными припасами. При внимательном отношении к тому, чтобы на эту должность принимали лишь людей, известных своей безукоризненной честностью и чтобы им предписывали частые и всегда в непредвиденное время осмотры, было бы почти невозможно ускользнуть от их бдительности.

Когда преступник захвачен врасплох, то должностные лица должны опечатать фальсифицированный предмет, а затем доложить об этом полицейскому магистрату. Факт преступления был бы установлен, и наказание, определяемое законом, состояло бы в публичном уничтожении измененных товаров, в вывешивании на стене лавки позорящего объявления и в присуждении виновного к штрафу в пользу государства, если он преследовался лишь государственным обвинением.

Среди способов приобретения выгоды, используемых жадностью, есть способы, на которые нельзя смотреть, как на преступные, но которые тем не менее должны быть запрещены: такова продажа испорченных съестных припасов.

В больших городах на каждом углу улицы можно видеть корзины с испорченным миндалем, с заплесневелыми фигами, гнилым виноградом, грошевая стоимость которых достаточна для того, чтобы отравить ребенка. Эти злоупотребления совершаются главным образом в отношении бедняков – той части населения, которая почти всегда заброшена правительством. Учреждение должности надзирателя за съестными припасами имело бы еще то хорошее следствие, что оно спасло бы жизнь множеству лиц и предотвратило бы много преступлений в тех случаях, когда правосудие не находит виновных, наказание которых необходимо.

О САМОУБИЙСТВЕ

Человек привязан к обществу лишь благополучием; если же он находит в нем только нищету, то, стало быть, он волен от него отказаться.

Человек привязан к жизни лишь удовольствием; если же он ощущает свое существование лишь благодаря горю, то, стало быть, он волен от него отказаться.

Конечно, государству выгодно, чтобы самоубийство не было распространено; но для воспрепятствования ему законодатель имеет

право пользоваться лишь благотворительностью. Влачить на плетенке труп несчастного, покончившего с собой, позорить его память, конфисковать его имущество, бесчестить и разорять его семью – акты ужасной тирании.

Раздел четвертый. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

О КРАЖЕ И ЕЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ

Смертная казнь за это преступление в любом ее виде несправедлива, ибо между ценой золота и ценой жизни нет никакой соразмерности.

Присудить воров к возмещению или возвращению украденного – значит принудить их к восстановлению, насколько это возможно, нарушенного ими общественного порядка. Но так как может случиться, что их преступление останется нераскрытым или недоказанным, то присудить их к простому возмещению или возвращению украденного было бы слишком мягким наказанием; пусть же они будут присуждены также к штрафу в пользу государства, соразмерному тяжести преступления и опасности, которой подвергается имущество населения; наконец, пусть они будут опозорены путем публичного их осуждения.

Что касается различных видов кражи, то наказание нигде не является соразмерным преступлению. Часто какой-нибудь бедняк за кражу лохмотьев подвергается более строгому наказанию, чем какой-нибудь захватчик за ограбление законного наследника или какой-нибудь расхититель за разорение государства.

Почти везде – и я не знаю, на каком основании – кража карается с большей строгостью, чем мошенничество.

Если судить об этих преступлениях по той опасности, которой они подвергают имущество населения, то второе является значительно тяжелее первого, ибо от мошенничества гораздо труднее уберечься. Если же судить об этих преступлениях по характеру совершения их, то мошенничество является еще более тяжким: кража часто не является предумышленной, мошенничество же всегда бывает таковым. Какой-нибудь бедняк видит предмет, искушающий его завладеть им; чего только ему иногда стоит, чтобы совершить преступление! А когда он его совершил, то в следующее же мгновение стыдится этого, и, снедаемый угрызениями совести, он желал бы иметь возможность исправить свою ошибку. Мошенник, напротив, заглушив в себе всякое чувство стыда, помышляет единственно лишь о том, как бы обмануть других и ускользнуть от наказания.

Но ведь вор, говорят, пользуется темнотой и подвергает жизнь опасности. Если он действует ночью или применяет насилие, то с ним надо обращаться по праву необходимой обороны. Его убийство явится законным. Впрочем, простую кражу не следует смешивать с кражей квалифицированной.

ОБ УКРЫВАТЕЛЬСТВЕ

Если укрыватель знал о краже, то он становится соучастником вора и должен быть наказан как таковой^{*****}.

Если он об этом не знал, то он становится невинным орудием преступления. Накажут ли его за это несчастье? Если бы закон объявил его виновным, то какой же честный торговец мог бы жить спокойно? Но если следует полагаться на укрывателей, то кто же из них не сошлется на неведение? Вот мой ответ. Всякий раз, как обвиняемый сможет доказать, что он тайно не покупал украденной вещи, что он не имеет никакой связи с виновниками преступления, что он еще не подвергается подобному обвинению и что к тому же его поведение безупречно, пусть он будет оправдан.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ТОВАРОВ

Во всех случаях, не связанных со здоровьем, продажа измененного товара в качестве такого, каким он и является на самом деле, — законное действие. Покупатель сам должен судить, подходит ли ему товар. Но изменять товар с намерением продавать его в качестве хорошего является незаконным действием, злоупотреблением доверия, которое и следует наказывать.

Ввиду того, что люди движимы лишь своими страстями, назначать наказание, выводя его из той самой страсти, которая заставила их нарушить закон, бесспорно является лучшим способом удерживать их на пути долга. Всякий человек, который злоупотребил общественным доверием, заслуживает того, чтобы его лишиться. Пусть же он будет осужден к возмещению и пусть на самом видном месте его лавки или его дома повесят объявление со следующими словами: «Здесь торговец, который обманывает». Для того чтобы не избежать наказания, пусть он будет осужден к сохранению своего сословия на все время действия наказания и пусть он будет лишен возможности распоряжаться своим состоянием путем объявления недействительной всякой передачи прав или имущества, которая была бы из них совершена.

Понятно, что продолжительность наказания должна быть соразмерна тяжести преступления и установленной множественности действий.

Что касается изменения съестных припасов, то это преступление относится к числу тех, которые нарушают безопасность граждан.

О РОСТОВЩИЧЕСТВЕ

Ссуда денег, как ссуда всякой другой вещи, должна иметь цену, и эта цена должна быть установлена законом, но, во избежание

***** Не перестают повторять, что укрыватель является более виновным, чем вор, ибо он доставляет вору возможность скрывать свои преступления и извлекать из них пользу. Пустой довод! Как будто бы объект кражи не может быть часто видоизменен. Нелепый довод! Как будто бы кража не была совершена прежде, чем подумали о необходимости ее укрыть.

Из всего сказанного вытекает: если хотят, чтобы каждому было назначено заслуженное наказание, необходимо хорошенько различать отдельные виды кражи.

Таким образом, за простую кражу преступник будет осужден к возмещению или возвращению украденного и к штрафу в двукратном размере стоимости украденного в пользу государства.

За злоупотребление доверием, присвоение общественных сумм, отказ от выдачи вклада он будет осужден к возмещению и возвращению взятого и к штрафу в трехкратном размере в пользу государства.

За мошенничество и плутовство — к возмещению или возвращению взятого и к штрафу в трехкратном размере в пользу государства.

За кражу со взломом — к возмещению или возвращению украденного и к штрафу в четырехкратном размере в пользу государства.

За домашнюю кражу — к возмещению или возвращению украденного и к штрафу в пятикратном размере в пользу государства.

За кражу скота из загона, опустошение полей, фруктовых садов^{*****} и виноградников — к возмещению или к возвращению украденного и к пятикратному штрафу в пользу государства.

За подлог документов — к возмещению или к возвращению полученного и к штрафу в шестикратном размере в пользу государства.

К удовлетворению требований закона преступник будет принужден лишением свободы.

Если он получил воспитание и богат, то денежное наказание в пользу государства должно быть тяжелее.

Если он не имеет имущества, то он подлежит заключению в смиренном доме^{*****} до тех пор, пока не добудет средств для уплаты. Понятно, что это наказание влечет за собой обязанность работать и оставлять для своего существования лишь строго необходимое. Но так как к денежному наказанию присоединяется тогда наказание телесное, то для восстановления равновесия штраф в пользу государства сокращается до одной четверти.

В случае рецидива, поскольку преступник безвозвратно потерял доверие закона, он навсегда лишается свободы, если только он достиг сознательного возраста.

Ж.-П. МАРАТ

ПЛАН УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перевод с французского Н. С. Лапшиной
под редакцией и с предисловием проф. А. А. Герцензона

М.: изд-во иностранной литературы. 1951

Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

***** Не надо подводить под это наименование обрывание каких-нибудь плодов для того, чтобы съесть их на месте.

***** Следует, чтобы в каждом смиренном доме были введены ремесла, требующие только ручной работы.

возникновения ростовщичества, важно, чтобы проценты были умеренными, если заемщик платежеспособен.

Как только ростовщичество – этот договор между нуждой и скупостью – нарушает закон, оно всегда является преступлением. Но как следует его наказывать? Надо различать разные случаи ростовщичества. Если заимодавец не обеспечен залогом, то, в надежде увеличить свое состояние, он рискует им. Для него, таким образом, это своего рода лотерея; в этом случае ростовщичество может быть наказуемо лишь как запрещенная игра. Но если заимодавец обеспечен залогом, то ростовщичество становится чем-то вроде мошеннической сделки и должно наказываться как таковая.

Подавить жажду золота любовью к золоту же является действительным способом уничтожения этого преступления. Итак, в первом случае преступник будет присужден к штрафу в пользу государства. Во втором случае он будет присужден к более тяжелому штрафу и к лишению процентов со своих денег.

Если ростовщик дает в долг несовершеннолетнему, то, поскольку он считается более с лицом, чем с вещью, он назначает чрезмерно высокую цену своему золоту. Для того чтобы убедиться в добрых намерениях заемщика, он старается ссужать его лишь понемногу. Но стоит только заемщику достигнуть совершеннолетия, как ростовщик, чтобы вернее обобрать его, при помощи лживых обещаний склоняет его к подтверждению своих неосторожных обязательств и таким образом в одно мгновение добивается подтверждения длинного ряда мошеннических сделок. Пусть же преступник будет осужден к лишению и процентов и капитала.

Ростовщичество влечет за собой столько беспорядков, что в хорошо устроенном государстве оно всегда было запрещено; но сколько бы ни издавали законов для его уничтожения, оно продолжало существовать. Лекарство, кажется, даже увеличивает зло; чем строже закон, тем более ростовщик стремится вознаградить себя за риск от его нарушения. Тайные договоры, фиктивные акты, мошеннические продажи – все пускается в ход для того, чтобы ускользнуть от наказания.

Вместо того чтобы стремиться к исправлению зла, не лучше ли было бы стремиться к его предупреждению?

Если уплата должна последовать очень нескоро, то тот, кто нуждается в деньгах, хотя бы он и был платежеспособным, не может найти их под законный процент. Таким образом, те, кто был бы в состоянии ему помочь, пользуются его стесненным положением, и так как ему какой бы то ни было ценой надо достать наличные деньги, то ростовщичество возникает со всей неизбежностью. Единственным способом его предупреждения было бы образование общественной ссудной кассы^{*****}, предназначенной для выдачи ссуды под залог

***** Поскольку политические институты не могут подняться до высоты институтов религиозных, то я вовсе не предлагаю учредить ломбард, подобный тому, который был в Риме. Это учреждение поистине благочестивое, где общественная благотворительность приходит на помощь всякому лицу,

всякого рода имущества, со взысканием обычных процентов и на ограниченный срок. Это учреждение сильно отличается от учреждений Лондона, Парижа, Амстердама и т.п., где законы разрешают обеспеченным залогом ростовщикам вымогать деньги у бедняков, которых нищета вынуждает прибегать к ним.

Раздел пятый. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ НРАВСТВЕННОСТИ

Вправе ли государство требовать целомудрия от своих членов? Смешной вопрос, который может обсуждаться лишь нацией, переставшей быть свободной и утратившей свою нравственность. Итак, признаем это несомненное право, не оспаривая его, ибо оно может лишь способствовать семейному спокойствию и благоприятствовать размножению населения, которое всегда составляет силу государств.

Но кому не ясно, что закон против невоцерковленности должен одинаково связывать оба пола и что наказание, назначаемое нарушителям, должно быть соразмерно преступлению. Однако на деле это происходит не так и кажется, что везде законодатель, угождая вкусам испорченного века, забыл о справедливости.

По общему наблюдению, женщины более расположены к нежности, чем мужчины; они больше и глубже ощущают потребность в любви. Этой естественной склонности, которая, если бы она оставалась необузданной, повлекла бы за собой большие беспорядки в обществе, стараются с детства противопоставить стыд. Но так как в наших политических учреждениях все противоречиво, то в свете девушки всегда получают воспитание, противоположное тому, которое они приобрели в отцовском доме. Чего только мы не делаем, чтобы заставить их забыть уроки скромности? Едва лишь они достигают возраста, когда способны нас понимать, как мы спешим развивать их воображение: все их помыслы мы направляем к наслаждению и при помощи множества ухищрений стремимся разбудить их чувства. А когда их молодое сердце раскрывается для любви, то слишком часто мы имеем низость злоупотребить их слабостью; если же они и ускользают от наших уловок, то лишь благодаря бдительности своих матерей.

Но вот, наконец, пришла пора для заключения нежного союза. И здесь мужчина имеет все преимущества; он выбирает, а женщина может лишь отказывать; а сколько безрассудных родителей приносят в жертву честолюбию счастье своей дочери? Руководимые слепой нежностью, они отрывают ее от мужчины, которого она уважает и нежно или страстно

доведенному обстоятельствами до крайности. [В Италии в XV в. были учреждены монахами и пользовались покровительством папы кассы, выдававшие ссуды под залог движимого имущества и с взиманием процентов, под названием *Monti di pieta*. Таким образом, еще в средние века церковь стремилась под видом благотворительности опутать своими сетями неимущее население. – *Прим.ред.*]

* Когда какая-либо нация сохраняет присущую ей законодательную власть, то ясно, что в области нравственности она не менее свободна законодательствовать, чем в отношении имущества, чести, достоинства, поддержания порядка и т.п.

любит, чтобы принудить ее отдаться мужчине, которого она презирает и ненавидит. А если брак уже заключен? Вынужденная в дальнейшем отказаться от предмета своей любви, она уже не способна полюбить другого и не видит для себя в будущем ничего, кроме горя.

Если она оказалась счастливее большинства и избежала принуждения, то ее счастье недолговечно. Ласки скоро сменяются супружеской холодностью; вместо любовника она имеет господина, который присваивает себе тираническую власть, пренебрегает своим долгом, сбрасывает с себя оковы и считает себя совершенно свободным.

А когда, узнав о его неверности, она хочет пожаловаться, то он не слушает ее упреков и делает вид, что не замечает ее слез. Если же, устав тщетно жаловаться на непостоянного, который обманул ее, она следует его примеру, он вопит о мести и безжалостно расправляется с ней. И можно ли поверить тому, что законы не только не приходят на помощь слабой, угнетенной женщине, но присоединяются к ее жестокому притеснителю, и за ошибку, которую он совершает безнаказанно, она всегда утрачивает свое доброе имя, часто свою свободу, а иногда и самую жизнь. Таким образом, в отношении пола, более всего нуждающегося в защите, законодатель всюду осуществляет самую ужасную тиранию**.

Нужно ли было, чтобы к стольким обидам присоединялась жестокость предубеждения? Пока женщины кажутся равнодушными к нам, мы находимся у их ног, но стоит только им проявить излишнюю чувствительность, мы начинаем их презирать. А сколько женщин, к вечному стыду нашего столетия, было обесчещено за те же самые слабости, которыми мы кичимся.

Рядом с изображением обманутой женщины давайте поставим изображение обольщенной девушки. Если путем лицемерной внимательности мужчина трогает сердце молодой особы и если при помощи лживых клятв он заставляет ее отдаться ему, то скольких горьких мук ей будет вскоре стоить миг легковерия. Она будет оплакивать его всю жизнь, и никогда слезы не смоят ее позора.

А когда ее ошибка обнаруживается, то вероломный соблазнитель покидает ее. Обольщенная девушка, как бы она ни привязалась к нему, обвиняет его в клятвопреступлении, взывает к его состраданию, но он, глухой к ее упрекам, смеется над ее стонами и издевается над ее слезами.

А если она протестует против такого гнусного поведения, то тщетно она оглашает суды своим плачем – законы отказываются от нее. Да что я говорю? Часто они карают ее за ее же несчастье, в то время как жестокосердый его виновник остается безнаказанным***.

** Как ни возмутительна эта тирания, сами судьи, кажется, находят в ней удовольствие. Иной из них, только что подписав приговор нарушительнице супружеской верности, принимается писать любовную записку женщине, которую хочет соблазнить.

*** Правда, иногда, когда жертва принадлежит к богатой или знатной семье, обольститель сурово наказывается. Но это исключение является лишь новым

Если бы по крайней мере она еще находила какое-нибудь утешение в общественном сострадании; но свет, далекий от того чтобы заступиться за подло соблазненную девушку, предпочитает громко заявлять о ее слабости; и в то время как несчастную девушку осмеивают****, подлец, который ее обманул, не замечает никакой разницы в оказываемом ему приеме. Если он богат, то его повсюду встречают с прежним почетом и он будет продолжать обольщать других девушек, не потерявших еще своей невинности.

После того как она долгое время оплакивала свою ошибку, ей, наконец, разрешают вернуться в свет; но в этом она не может найти даже слабого утешения: ее избегают, и если она не имеет состояния, то часто для того, чтобы существовать, ей остается лишь предаваться проституции.

Ее участь кажется ей невыносимой. Однако как эта участь мягка в сравнении с той, которая ее ожидает. Несчастливая жертва! Вскоре, избегая докучливого дневного света, осмеливаясь показываться только ночью, постоянно подвергаясь уличным оскорблениям и измученная усталостью, она вынуждена ради хлеба продавать поцелуи любви первому встречному, выносить его отвратительные ласки, терпеть его сквернословие, его грубые выходки, его оскорбления, и, как будто бы недостаточно быть добычей сотни грязных распутников, она будет обречена еще на муки отвратительной болезни, на ужасы нищеты.

Но ведь есть и такие, которые живут в лоне наслаждения. Да, но на одну, живущую в богатстве, приходится тысяча обреченных на ужаснейшую нищету, ютящихся в страшных трущобах, ночующих на убогих постелях, терзаемых отчаянной нуждой.

При виде стольких ловушек, расставленных у самых ног молодежи, стольких приманок, предлагаемых невинности, стольких насилий, совершаемых над слабостью, какая справедливая душа не извинила бы ошибок слабого пола, который мы принудили к самым тяжелым обязанностям. А при виде ужасной участи стольких жертв нашего вероломства, какая чувствительная душа не испытала бы сострадания!

Но не сострадание, а негодование хотел бы я возбудить в сердцах. Как? Двоедушие, плутовство, лицемерие, ложь, вероломство мужчин не будет предметом порицания, а чувствительность, доверчивость, слабость женщин будут навсегда клеймиться позором? Вместо того, чтобы служить им поддержкой, мы умеем лишь обманывать их. И после того как мы стали их низкими соблазнителями, нам будет еще позволено быть в отношении их подлыми тиранами? По какому праву забавляемся мы таким

оскорблением человечества. Ибо, при всех прочих равных условиях, для девушки, у которой имеются дары фортуны, утрата чести никогда не является столь жестокой, как для девушки, единственное приданое которой состоит лишь в ее чести.

**** Я понимаю, что такое обхождение не имеет места в больших городах и особенно в столицах, но оно является естественным в маленьких провинциальных городах, особенно в тех странах, которые сохранили хоть какую-нибудь нравственность.

образом их слабостью? По какому праву присваиваем мы себе тираническую власть над ними?

Мы принудили их к самым строгим обязанностям. Говорят, что так и следовало: распущенность женщин вызвала бы ужасный беспорядок в обществе. Как будто распущенность мужчин не вызывает никакого беспорядка, как будто мужчины не были их соучастниками, как будто безнаказанность мужчин не являлась наибольшим из беспорядков? Отбросим же эти дурацкие правила испорченного века; предрассудок, который им благоприятствует, постыден; но законы, которые их разрешают, ужасны. Если законы разрешают одному полу быть несправедливым, если они дают ему право развращать беззащитную добродетель и если они утверждают за ним гнусную привилегию тиранической слабости, то пусть будет навеки проклята их несправедливая власть. Дерзнем же возражать здесь против их пристрастности! После того как они столь долго служили преступлению, пусть они, наконец, будут защищать невинность.

Распутство, несомненно, должно быть наказано у обоих полов, ибо оно нарушает общественный порядок, но наказание должно быть одинаковым. Я сказал одинаковым, но я ошибся; женщина редко бывает виновной^{*****}, а мужчина редко бывает невинным. Половая распущенность всегда берет свое начало от него. Сколько найдется красивых соблазнитель, единственным занятием которых является расставление сетей для женской добродетели! Не все ли мы таковы? Если мы хоть немного жили в свете, то мы желаем прослыть волокитами, и такова сила этого смешного желания, что мы любезничаем даже с теми, к которым мы ровно ничего не чувствуем. Не довольствуясь возбуждением их тщеславия, мы, восхваляя соблазнительность их прелестей, стремимся заронить желание в их душу. Если они сопротивляются, то мы льстим их гордости, упрекая их в жестокости; мы шевелим в глубине их душ сокровеннейшие страсти, и чего только мы не пускаем в ход, чтобы всего от них добиться. В какой же твердости нуждается молодая женщина, чтобы не потерпеть крушения в море, в котором имеется столько подводных камней? И тем не менее как многие из них сопротивляются!

Половая распущенность берет свое начало от мужчин, и женщина никогда не сдается, если она не соблазнена; соблазнитель, значит, является более виновным, чем несчастная, которую он обещивает.

Теперь сравните их нравственность – и вы найдете мужчину еще более виновным. Сколько хлопот, уверток, хитростей требуется ему для выполнения его преступных замыслов! Беспреданно занятый тем, чтобы скрывать свои истинные чувства и рядиться в те чувства, которых он вовсе не имеет, он живет в постоянном лицемерии. Итак, лишь ценой истины, чистосердечия, чести добивается он обольщения женщины^{*****}.

***** Я говорю о женщине, которая еще не сошла с пути истины.

***** Проведем тщательное различие между женщиной, которую только стремятся развратить, и женщиной, уже развращенной: последняя для исполнения своего желания часто употребляет множество хитростей, первая же довольствуется лишь слабым сопротивлением.

Но это еще только одна часть тех преступлений, которые он совершает, и если ему понадобится принести в жертву тех, кто стоит на пути выполнения его планов, то он готов ко всему. Сколько невинных людей приносится в жертву его страсти! Если он не может утолить эту страсть, не сделав презренной женщину, являющуюся ее объектом, то он позорит ее и часто вместе с нею – брата, отца, супруга.

Что приведет он в свое оправдание? Опьянение чувств? То же самое мог бы сказать и убийца. Но как пуста эта отговорка! Да разве тот, кто позволяет вспыхнуть своим желаниям, кто ждет случая для их удовлетворения, кто старается устранить препятствия, благодаря которым этот случай может быть упущен, и прогнать сомнения совести, способные остановить его жертву, не имеет времени прислушаться к голосу долга, беспреданно укоряющего его за подлое вероломство? А если он, наконец, утолил ее, эту злополучную страсть? Вскоре он начинает забывать свои обещания, пренебрегать своими клятвами, и, как будто еще недостаточно отказаться от всех своих обязанностей, он соединяет надругательство с тяжким оскорблением и насмехается над несчастной, погубленной им, – в награду за то, что она пожертвовала ему своей добродетелью.

Но в чем виновата эта несчастная? В минутной слабости. Сознаемся в том, что распутство женщины почти всегда вызывается тяжелой необходимостью, тогда как распутство мужчин всегда происходит из-за склонности к пороку. На одну проститутку, доведенную до проституции ленью или страстью к украшениям, приходится тысяча проституток, доведенных до нее голодом. И кто же не знает, что все они начинают с того, что их соблазнили? Ввиду крайнего неравенства наших состояний большинство, находясь во власти меньшинства, отыскивает себе средства к существованию лишь в кабале.

Когда молодая девушка, изгнанная нищетой из родительского дома, приходит на поиски убежища в большой город, то, если она красива, она скоро попадает в руки этих презренных исповедниц греха, которые уже не могут совершать его сами и всегда подстерегают тех, кто может умножить их постыдный промысел. Вскоре, нанятая в качестве служанки, она препровождается в дом разврата и безжалостно отдается в руки какому-нибудь старому развратнику. А если при своем входе в гостиницу она избежит роковой встречи, то последняя не замедлит произойти в одном из тех мест, где занимаются вымогательством ищущих места слуг^{*****}. Будучи менее неопытной и более счастливой, она может найти себе место, но несчастье, которое ей угрожало, этим только отсрочивается. Оно поджидает ее в новом убежище, где хозяева и слуги стараются ее соблазнить. Нежные слова, похотливые речи, непристойные песни, обещания, подарки, хитрости, насилие – все пускается в ход и – слишком часто с успехом. А если молодая девушка сопротивляется, то она отнюдь еще не является победительницей: она подвергается

***** Известно, что в большинстве крупных городов имеются бюро, куда обращаются слуги для поступления на место.

посягательствам со стороны всех тех, кто занимается поставкой женщин для чувственных наслаждений богачей, и перспектива блестящего житейского положения делает наконец то, чего не могли сделать скудные дары. Безумная меняет положение и после потери своей чести почти всегда оказывается брошенной на произвол.

Пусть не думают, что только одна красота подвергается этому соблазну. Для каждой молодой девушки, которая, не имея ни помощи, ни пристанища, оказывается на мостовой, остается лишь одно средство для существования: отдаваться подлецам, которые пожелают воспользоваться ее печальным положением.

Распутство отвратительно, и я вовсе не стремлюсь к его оправданию. Однако ввиду того, что у женщин оно почти всегда является вынужденным, правительству, пока оно допускает, чтобы они не имели необходимого, не вправе их наказывать. Еще менее имеет оно права заставлять их одних нести наказание за ошибку, в которой принимали участие и другие. Но раз уже они избавились от нищеты и узнали о своих обязанностях, об опасностях, которым они подвергаются, о способах сопротивления, то, если они все же обрекают себя на это постыдное положение, они должны нести ответ перед правосудием.

Распутство в роскошном, позолоченном помещении не менее преступно, чем распутство в хижине. Таким образом, женщина, которая, чтобы отказаться от добродетели, забыла о своем рождении, о своем воспитании, о своих обязанностях, не заслуживает более пощады. Правосудие должно главным образом покарать соблазнителя.

На этом вопросе я остановился на весьма долгое время, и это было необходимо потому, что он затрагивает половину человеческого рода, потому, что связанное с ним общественное мнение является чудовищным, потому, что законы, которые к нему относятся, являются варварскими, и потому, что их несправедливость освящена законодателями всех просвещенных наций^{*****}.

О РАЗВРАТИТЕЛЯХ

Способы, употребляемые для развращения женщины, могут быть более или менее гнусными, а последствия — более или менее пагубными. Если хотят соразмерить наказание с проступком, то надо хорошенько разобраться в различных случаях.

Наиболее многочисленный класс развратителей состоит из тех мужчин, которые отказываются от брака, чтобы проводить свою жизнь в интригах с замужними женщинами. Постоянно находясь у их ног, они нашептывают им пошлые любезности, поднимают на смех супружескую верность, восхваляют союз без оков, проповедуют чистую любовь,

---

***** Нужно ли этому удивляться? Чем вызвано столь большое единодушие мнений по этому вопросу? Тем, что только мужчины создавали законы. Возможно ли беспристрастие в деле, в котором они одновременно являлись и судьями и сторонами?

склоняют к взаимности и пускают все в ход, чтобы удовлетворить свои желания; но это относится к вопросу о прелюбодеянии.

Другой, еще более презренный класс развратителей состоит из тех мужчин, единственной заботой которых является развращение молодых девушек. Стоит только какой-нибудь девушке привлечь их внимание, как они мгновенно устремляются к ней, пользуются всяким случаем для разговора с ней и ухаживают за ней. Если они имеют дело с легковерной, неопытной девушкой, то они дают, ей честное слово и предвосхищают брачный союз. Но стоит только им добиться желаемого, как они покидают несчастную и спешат опозорить какую-либо другую. А если последняя менее доступна и они не могут тронуть ее сердце, то Они стараются развратить ее ум: подымая на смех все святое, они пытаются заставить ее стыдиться своих обязанностей, затем они прилагают все усилия к тому, чтобы вредным чтением, непристойными рассказами, непристойными изображениями разжечь ее воображение, и лишь добившись от нее высших знаков благосклонности, они, наконец, перестают ее преследовать. Но это относится к вопросу об обольщении.

К развратителям следует причислить и тех исчерпавших свои силы мужчин, которые гонятся за молодостью в надежде пробудить в себе остатки почти угасшего темперамента, этих старых сатиров, у которых всякое желание должно было бы быть притуплено холодом их возраста^{*****}. Но это относится к вопросу о распутстве.

Я не дерзаю говорить здесь о четвертом классе мужчин, служащих камнем преткновения для женской добродетели, о тех истинных любовниках, которые не могли соединиться со своими любовницами по праву супруга, которые оплакивают несправедливость судьбы, отдавшей другому единственный, казалось, предназначенный им любовью предмет, и которые страдают от невозможности согласовать свое счастье с законами. Какой героизм, если они сопротивляются своей страсти! Если же они, будучи более несчастными, чем виновными, ей уступают, то я хотел бы, чтобы их простили. Но я слышу голос долга, ропщущий против голоса природы. Не будем оправдывать распутство и, раз это нужно для поддержания установленного в обществе порядка, осудим привязанность, одобряемую природой и разумом. Этот вопрос, как и первый, относится к прелюбодеянию.

ОБ ОБОЛЬЩЕНИИ

Ни одна женщина не может быть допущена к принесению жалобы на обольстителя, если она не будет иметь явных признаков беременности.

***** Девушки, с которыми они имеют дело, были уже, скажут, развращены. Пусть так. Но как преступно было бы их поведение, если бы они то и дело пользовались несчастьем этих молодых особ, чтобы окончательно их погубить. К тому же, разве имелись бы поставщицы молодых девушек, стремящихся их продать, если бы не было распутников, стремящихся их купить? Сводницы являются, стало быть, лишь орудием развращения, которым пользуются распутники.

Робкие и скромные по воспитанию девушки не совершают первых шагов. Как бы они ни были склонны к любовным наслаждениям, они опасаются их последствий; надо поэтому рассеять их страх перед беременностью и, чтобы побудить их сдаться, надо, значит, им обещать жениться на них. Зато, если они не были вынуждены к тому голодом, они редко назначают цену своей добродетели. Но так как в хорошо устроенном государстве каждый имеет все необходимое, то правосудие всегда должно видеть обольстителя в том, кто поддерживал незаконную связь с девушкой, до того времени невинной, заставить же его выполнить свои обещания — было бы восстановить порядок вещей^{*****}.

***** Я прекрасно понимаю, что законы, составляющие предмет этой главы, не годились бы для богатой и развращенной нации. Ее даже трудно убедить в том, что этот вопрос законодательства всегда будет камнем преткновения для тех, кто захочет согласовать справедливость и нравственность с мнением и приличиями. Нация, которая действительно заботится о том, чтобы возвратить себе свободу, должна вскоре заняться переделкой уголовного кодекса. Но если ей и удастся искоренить некоторые чудовищные злоупотребления, то, чтобы она ни сделала, если ей не удастся внушить нам правил нравственности и возвратить нам добродетельных людей, она никогда не добьется установления у нас царства справедливости. Общее искоренение злоупотреблений невозможно без общественного целомудрия. Испорченность же наших нравов — необходимое следствие слишком неравного дележа богатств, роскоши, являющейся его результатом, и пороков, ее сопровождающих, — достигла своего апогея. Вернемся ли мы, чтобы не походить на выродившиеся народы, к простым и строгим нравам, от которых уже столько веков отказались наши предки? Отречемся ли мы от богатства, от роскоши, от наслаждений, являющихся предметом наших желаний? Откажемся ли мы от будучих развлечений, доставляющих нам самое приятное времяпровождение? А наши дамы, которые более не могут существовать без интриг, станут ли они лакедемонянками? Пусть не говорят, что страсть к женщинам может быть соединена со всеми добродетелями, создающими порядочного человека; наш пример является доказательством противного: у нас правила любезности возведены в правила морали. Мы считаем все дозволенным, чтобы обмануть красавицу. А весьма трудно допускать, чтобы мужчины, находящие удовольствие во лжи, клятвенно-преступлении, вероломстве, измене, были бы очень порядочными людьми между собой. И если в жизненных отношениях они не применяют правил, которых придерживаются в отношениях любовных, то это бывает крайне редко. Само общественное мнение является столь снисходительным, что более ничего не стыдятся. Можно быть плохим сыном, плохим отцом, плохим гражданином и, лишь бы только не быть застигнутым на месте преступления, слыть порядочным человеком. В высших классах общества сколько мужчин не платят ни портному, ни булочнику, ни мяснику, мошенническим способом выманивают деньги у друзей и оставляют жену и детей в нищете для того, чтобы щедро одарить любовницу. А в низших классах сколько мужчин становится мошенниками, ворами, разбойниками для того, чтобы заплатить публичной женщине. Сколько сыновей отравило своих отцов! И кто не знает, что дома этих несчастных женщин являются притонами злодеев.

Благодаря возвращению свободы, за революцией, происшедшей в наших представлениях, непременно последует революция и в наших чувствах; а когда мы будем свободными, мы станем нравственными. Как можно требовать

Но если обольщенная девушка всегда найдет в обольстителе мужа, то не станут ли слишком предприимчивыми те девушки, которые не имеют никакой надежды найти мужа иным путем? Не будут ли они прибегать ко множеству хитростей, чтобы заставить похитить у них то, что они горят нетерпением предоставить? И не подаст ли способ, предложенный для прекращения существующих злоупотреблений, повода к другим, столь же опасным злоупотреблениям? Я ручаюсь, что новые злоупотребления были бы менее губительными для государства, так как они благоприятствовали бы народонаселению, умножали бы браки и уменьшали бы число холостых развратителей; но есть способ предупредить такие злоупотребления. Несомненно, всякая девушка, не берегущая себя, внушает лишь отвращение мужчине, который немного знаком со светом; таким образом, она может прельстить лишь новичков или глупцов. Если же совершеннолетняя обвиняет в обольщении несовершеннолетнего — в возрасте моложе двадцати лет—или слабоумного, то по представлении доказательств о частом посещении ее обвиняемым и после судебного признания отцовства, о котором она скажет во время родов, пусть она получит лишь сумму на покрытие расходов по родам. Таким образом, для наличия обольщения предполагается, что обвиняемый был совершеннолетним и в полном уме.

Если наличие обольщения может быть признано при зрелом возрасте жалобщицы, то тем более оно может быть признано, когда жалобщица является очень молодой; ибо пока способность к суждению не развита — сердце беззащитно. Обольститель должен в таком случае по приговору суда жениться на обольщенной им девушке. Если бы потом он отомстил ей за строгость законов, то по представлении доказательств о дурном обращении брак должен быть признан недействительным^{*****}, ребенок должен остаться на попечении отца, а матери должна быть назначена пенсия на содержание из имущества отца ребенка. Если у него нет состояния, то он должен быть присужден к разделению дохода от его труда с матерью ребенка и к представлению законного поручительства. При отсутствии поручительства он подлежит заключению в рабочий дом и половина его заработка отдается матери.

Когда обольститель в полном уме и находится приблизительно в том же возрасте, что и обольщенная — несовершеннолетняя, то применяется тот же закон. Но если он очень ограничен в уме, то мать получит лишь сумму на покрытие расходов на роды.

уважения к нашим правам, если мы не уважаем прав других? Мы уже начинаем терять вкус к тщеславию, к легкомыслию, к мелочам. Волокитство сменится настоящей любовью. Наши женщины, ставши гражданками, станут более рассудительными, более твердыми, более достойными любви. Распутство возбудит одно лишь презрение, и счастье возродится среди нас. О сладкие плоды свободы! Раб имеет лишь одни пороки, свободный же человек добродетелен.

***** Этот закон может годиться лишь для народов, у которых брак является только гражданским договором; таковы именно те народы, для которых автор составил этот план законодательства.

Если женщина принесла жалобу на обольщение не впервые, то ей должно быть отказано в иске о всякого рода удовлетворении; но обольститель осуждается к штрафу в пользу воспитательного дома.

Конечно, эти законы столько же касаются вдов, как и девушек.

Таковы наиболее естественные наказания, которые следует назначать в отношении обольстителей.

В случае рецидива тайные размножители человеческого рода должны быть осуждены к изгнанию, а чтобы их наказание было полезно для государства, их сошлют на поселение на какой-нибудь необитаемый остров.

Что же касается детей, рожденных в незаконном браке, то несправедливо, чтобы они несли наказание за ошибки их родителей: итак, все они будут объявлены законными.

Закон возлагает на отца заботу о тех, кому он дал жизнь до тех пор, пока они будут в состоянии заботиться о своих собственных нуждах. Но так как закон не может иметь доверия к человеку, который при виде своего ребенка тайно упрекал бы себя в преступлении, если только он не искупил его браком, то из состояния преступника будет изъята сумма, необходимая для того, чтобы дать этому несчастному воспитание, которое могло бы сделать его более добродетельным, чем его отец. Если у преступника совсем нет состояния, то ребенок будет воспитываться в общественном приюте. Я здесь ничего не говорю о преступлении девушек, которые скрывают свою беременность и бросают или уничтожают свой плод, — о преступлении, против которого тщетно издавалось столько кровожадных законов. Как только отец будет осужден к исправлению причиненного им зла, боязнь запятнать свою репутацию, желание спасти себя от несчастья и трудность воспитания ребенка не будут доводить женщин до этого. Если варварские предрассудки доводят до преступления, то эти предрассудки должны быть уничтожены мудрыми законами.

О ПРЕЛЮБОДЕЯНИИ

«Политические и гражданские законы всех народов, — говорит славный Монтескье, — требуют от женщин той степени воздержания и осторожности, которой они вовсе не требуют от мужчин, потому что нарушение стыдливости предполагает у женщин отказ от всех добродетелей». Признаюсь, что проституция всегда сопровождается у нас ужасной распущенностью нравов; но я не понимаю, что общего имеет целомудрие — этот столь восхваляемый девичий стыд — с правдивостью, чистосердечием, искренностью, милосердием, великодушием. С другой стороны, незаконная связь не обязательно влечет за собой отказ от целомудрия, но от него можно отказаться и при законной связи. Наконец, сравните характер низкого обольстителя с характером обольщенной женщины и скажите нам, какой из них является наиболее гнусным. «Женщина, нарушая законы брака, выходит из состояния своей естественной зависимости». Но доказана ли действительно эта зависимость? Не вытекает ли она из мнимого права сильного? И не является ли

это мнимое право нарушением естественного равенства? «Природа отметила неверность женщин достоверными признаками». Что же! Легкость скрыть преступление делает это преступление законным? Рассмотрим последний довод, приводимый в пользу этих законов. «Незаконнорожденные дети жены, естественно, принадлежат мужу и находятся на иждивении мужа, тогда как незаконнорожденные дети мужа не принадлежат жене и не находятся на иждивении жены». Конечно, в тех странах, где дети не принадлежат государству, на отца возлагается обязанность кормить своих детей, и у нас только брачный обряд указывает того, кого закон должен рассматривать в качестве отца; таким образом, наказание за прелюбодеяние было бы следствием наказания за воровство. Но рассмотрим этот вопрос поближе. В низших классах общества женщина, так же как и мужчина, способствует своей работой содержанию семьи. В высших классах она, так же как и он, способствует этому своим состоянием. Остается случай, когда супруга, совсем не принесла приданого; если же бывают богатые мужчины, которые женятся на женщинах, ничего не имеющих, то бывают также и богатые женщины, выходящие замуж за ничего не имеющих мужчин. Незаконнорожденные дети жены находятся на иждивении мужа! Пусть так! Но разве незаконнорожденные дети мужа, если только он не бесчувственный отец, не оказываются на иждивении жены, поскольку муж является единственным хозяином общего имущества супругов, которым он распоряжается, как ему заблагорассудится?

До сих пор они во всем равны: в таком случае, несправедливо, что закон сурово наказывает лишь женщину, совершившую прелюбодеяние. «Гак и следует, — говорят, — ибо невоздержанность полов не одинакова для общества и разврат женщин внесет ужасный беспорядок в наследование семей». Я понимаю, как постановлением гражданских законов собственность на имущество обязывает женщин к воздержанию, но я понимаю также, как она должна обязывать и нас к той же добродетели, ибо не все ли равно для общества, принесет ли наследника своему соседу муж либо примет его к себе жена.

Но имеются женщины, которые живут свободной любовью. Прекрасное средство! Вместо того чтобы нанести малый вред кошельку богача, мы наносим непоправимый вред этим несчастным: мы безвозвратно губим их репутацию, их благополучие, покой их жизни. Пусть красноречивое перо, описавшее несчастье отца, не осмеливающегося предаться сладкой радости обнять своих детей, опишет также ужасное положение девушки, соблазненной нашими уловками, обесчещенную нашими предрассудками, предающуюся раскаянию, угрызениям совести, отчаянию, — и пусть потом сравнят эти описания.

Назначение наказаний за неверность лишь жены основано на крайне грубых и крайне ложных понятиях. Если брак с точки зрения законодателя является лишь договором гнусной корысти, то с точки зрения разума он является чем-то совсем иным. Для супругов — это священный договор, по которому они взаимно обязываются словом и соединяют воедино свое состояние, личность, счастье. Я не собираюсь

обсуждать, может ли любовь длиться вечно и должны ли супруги быть связанными, если они более не подходят друг к другу; но так как обязательство является взаимным, то ни один из супругов не может нарушить его, не освободив от уз другого. Муж, который изменил своей жене, не имеет права жаловаться; он предоставляет ей возможность принять от другого то, в чем он отказывается ей сам; он дает ей оружие против самого себя; он становится причастным к своему собственному бесчестью. А вы требуете, чтобы жена молча сносила свои огорчения, чтобы она заглашала свои жалобы, чтобы она отказывала себе во всяком удовольствии, чтобы она позволяла истреблять себя огнем своего целомудрия. Удачных браков бывает мало, я это знаю, но у самых плохих супружеских пар неверность почти всегда берет начало от супруга и часто она даже предшествует браку.

Достоверно то, что большинство девушек решается на брак из чуждых любви побуждений, как-то: стремления поскорее избавиться от стесненных обстоятельств, желая устроить свою судьбу, жажды затмить своих подруг; довольные этими преимуществами, столь способными польстить их тщеславию, они привыкают к своим новым цепям, а затем привязываются к тому, кто заставил их узнать первое волнение чувств. Что же касается мужчин, то они почти всегда имеют в виду лишь состояние. Не принимая во внимание характера женщины, на которой они женятся, они надеются на то, что ее приданое даст им средства восстановить их расстроенные дела, иметь хороший стол, собак, лошадей, любовниц, доставлять себе всякого рода удовольствия и предаваться наслаждениям.

Я уже говорил, что неверность супружескому ложу почти всегда берет свое начало от мужчины; он, следовательно, менее извиним, чем женщина, которая нарушает слово после него. Если обратить внимание на большое различие, заложенное природой в силу полов, то окажется, что мужчина еще менее извиним. Он должен быть наказан поэтому более строго. Не требуйте, однако, чтобы законодатели думали столь благородно и были беспристрастны в своем собственном деле; ослабим это суровое право, и пусть наказание, установленное законом за прелюбодеяние, будет равным для обоих полов.

Но каковым должно быть это наказание? Казалось бы, наиболее естественным предоставить супругам развод и обязать соблазнителя жениться на неверной женщине; но надо различать разные случаи.

Если жена изобличена в неверности, то мужу предоставят развод, а соблазнителя обяжут жениться на разведенной. В случае, если от их брака будут дети, то три четверти ее приданого будет удержано в пользу детей; если же детей нет, то четвертая часть приданого останется первому мужу.

Если соблазнитель женат и его супруга отказывается с ним разлучиться или если он сбежал, чтобы избавиться от правосудия, то одна четверть его имущества должна быть удержана в пользу ребенка, который, в случае беременности, должен родиться, а при его отсутствии – в пользу убежища для бедных девушек. Из этой же четверти должна

быть назначена пенсия на содержание матери. Если соблазнитель совсем не имел состояния, то он осуждается на вечное изгнание.

Если муж изобличен в неверности, то жена получит развод и ей будет возвращено ее приданое. Если же она его вовсе не принесла, то ей должна быть назначена пенсия «а содержание из трех четвертей имущества, принадлежащего разведенному, которые будут удержаны в пользу детей от его брака; затем неверного обяжут жениться на соблазненной женщине в случае, если она свободна или если ее муж согласится развестись с ней.

О НЕЗАКОННЫХ СВЯЗЯХ

Важно, чтобы закон предотвращал все то, что может расторгнуть супружеский союз. Если один из супругов возымел подозрение о связях, которые завязал другой, он имеет право их разорвать. Таким образом, после того как в присутствии двух безупречных свидетелей заинтересованным лицам было бы запрещено всякое дальнейшее ведение знакомства, продолжение его считалось бы преступным, и преступники, как равно и те, которые способствовали бы их свиданиям, были бы осуждены к общественному порицанию. В случае рецидива они должны быть осуждены к одному месяцу тюрьмы

Но из опасения того, чтобы это право не послужило предлогом для проявления дурного расположения духа и не перешло в произвол, каждый супруг будет обязан привести убедительные причины перед начальником полиции для обоснования подозрения, которое он возымел.

ОБ УВОЗЕ

Увоз, имеющий целью удовлетворение чувственной страсти, надо здесь хорошо отличать от увоза, имеющего целью удовлетворение жадности при помощи женитьбы на несовершеннолетней без согласия или против воли ее родителей. Такой увоз всегда является преднамеренным совращением девушки с целью завладеть хорошей партией, а первый должен рассматриваться в качестве простого обольщения, если только он не сопровождался насилием; в этом случае он будет считаться изнасилованием.

Рассматриваемый под этими различными углами зрения увоз многими способами расстраивает общественный порядок; он всегда позорит честную семью, вносит в нее раздор, разъединяет ее; часто он предает несчастную ужасам нищеты и всегда посягает на власть родителей, ибо он отнимает у них ребенка, которым они до некоторой

***** Все это должно казаться очень смешным развращенным людям, но автор пишет лишь для народов, у которых еще сохранилась нравственность.

***** Предписывая, чтобы венчание совершалось лишь после церковного оглашения в приходе жениха и невесты и в присутствии нескольких родственников, закон не допускал браков тайных и браков вынужденных; я это, конечно, знаю, но разве само похищение не принуждает родителей наконец согласиться на брак, который приводит их в отчаяние?

степени имеют право распоряжаться, или делает для них невозможным пользование этим правом. Принимая во внимание побудительные причины, склоняющие людей к этому преступлению, человеческое правосудие должно было бы карать его в последнем случае с большей строгостью, чем в первом случае. Но для того чтобы наказание было направлено более к предупреждению, чем к исправлению, важно, чтобы оно вытекало из самой природы преступления. Мужчина, который для удовлетворения своих желаний склоняет несовершеннолетнюю убежать из родительского дома, добивается этого лишь обещанием брака; другими словами, он ее обманывает. Если он свободен, то единственным разумным способом его наказания является осуждение его к выполнению его обязательств, каким бы ни было его общественное положение: пусть, следовательно, его обяжут жениться на обесчещенной им девице и пусть он таким образом смоеет бесчестье, которым он ее покрыл. А если он, униженный этими узами, отомстит ей за строгость законов, то об этом позаботятся в постановлениях, указанных в статье об оболщении.

Но какой беспорядок произошел бы в обществе, если бы такие браки были разрешены! А что будет с родительской властью? Я ручаюсь, что брак является единственным разумным способом исправить беспорядок, причиненный увозом. Что же касается власти родителей, то постоянное уважение к ней зависит от них самих. Пусть они постараются хорошо воспитать своих детей, и им нечего будет бояться их непослушания; впрочем, если дети заводят и поддерживают неуместные связи, то это всегда вина родителей. От них зависит прекратить не нравящееся им знакомство, и никакая связь долго не продлится, не будучи раскрытой. Наконец, если, несмотря на их заботы и бдительность, их авторитет не признается, то в их власти наказать непослушание при помощи распоряжения имуществом.

Что же касается увоза, цель которого склонить несовершеннолетнюю к браку без привязанности или против воли ее родителей, то, если вы хотите навсегда уничтожить эту возможность, сделайте так, чтобы виновный никогда не смог пожать плоды своего преступления. Пусть брак будет объявлен недействительным с момента его совершения и часть имущества мужа будет удержана в пользу жены, а в случае ее беременности — и в пользу ребенка. Если у мужа нет состояния, то он должен быть заключен в смиренный дом; пусть его заставят работать и половина его заработка будет отдана матери и ребенку.

Но разве виновный не мог бы оправдаться силой своей страсти к соблазненной им девушке? Конечно! Значит, нужно установить порядок, позволяющий убедиться, был ли совершен увоз с единственной целью добиться хитростью хорошей партии. Если несовершеннолетняя богата, если она имеет большие надежды на получение состояния и если она принадлежит к влиятельной семье, тогда как соблазнитель не обладает ни одним из этих преимуществ, то ему не будет дозволено ссылаться на свои заблуждения.

ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Наказанием за него почти повсюду является смертная казнь, ибо это преступление причисляют к преступлениям, посягающим на безопасность граждан.

Мы вовсе не стремимся извинить его. Оно весьма тяжело, разумеется, но тяжесть его может быть большей или меньшей, в зависимости от того, насколько женщины дорожат своей честью; если некоторые из них предпочитают ее жизни, то другие вовсе не являются Лукрециями. Важно поэтому смягчить наказание, и, согласно тому правилу, что наказание всегда должно вести к исправлению преступления, насильник должен быть осужден к женитьбе на той, которую он изнасиловал, если ни та, ни другая сторона не являются связанными. Но если они уже связаны и если она отказывается ему принадлежать, то он будет признан бесчестным; в случае беременности половину его имущества удержат в пользу ребенка; из этой половины матери будет назначена пожизненная пенсия на содержание.

Если преступник не имеет никакого состояния, он должен быть осужден к пожизненному заключению в смиренном доме и половина продукта его труда будет предназначена матери и ребенку.

О МНОГОЖЕНСТВЕ

Преступление с точки зрения религии ужасное, но с точки зрения политики гораздо менее важное. Устраним из понятия о двоеженстве религиозное клятвопреступление, от которого зависит его тяжесть и которое не должно вовсе приниматься здесь во внимание. Поскольку остается доказать, что присяга в вечной верности не является безрасудной для такого непостоянного существа, как Мужчина, будем взвешивать это преступление лишь на весах человеческой справедливости и не опустим ни одного из смягчающих или отягчающих его обстоятельств.

Второй брак — не только оскорбительная неверность в отношении первой жены и постыдный договор в отношении второй, но и обязательство, взятое на себя, во вред единственным признанным законом наследникам — детям от первого брака — и к стыду для этих детей, поскольку варварский закон, клеймящий их за незаконное рождение, не был отменен. Таково двоеженство в его наиболее гнусном виде.

К обстоятельствам, могущим его извинить, относятся неуживчивый характер первой жены, некоторые хронические болезни или некоторые телесные недостатки, которые старались скрыть; в этом случае муж, покидая ее, лишь расторгнул бы договор, от которого он пострадал благодаря обману.

Если бы вовсе не было детей от первого брака, то преступление было бы тогда очень легким.

Если от обоих браков имеются дети и отец обладает достаточным состоянием, чтобы устроить их судьбу или просто дать им возможность

самим позаботиться о своих нуждах, преступление тоже было бы еще очень легким, ибо, в крайнем случае, родители обязаны дать своему семейству лишь воспитание, соответствующее их положению.

Преступление было бы еще более легким, если бы первая жена по своему возрасту во время совершения второго брака не могла уже иметь детей

Наконец, в случае женитьбы на старухе и по принуждению к этому родителями брак был бы по сути дела недействителен.

Как бы то ни было, для государства равным образом важно, чтобы политические учреждения не разрушали учреждений религиозных и чтобы безнаказанность не поощряла распущенности; многоженство должно быть поэтому обуздано.

Во времена невежества и фанатизма двоеженца предавали смерти — возмутительное варварство, от которого вообще отказались. Но почти повсюду двоеженца, надев на него смешной наряд из двух пучков кудели и везя его по улицам на осле, карают бесчестьем. Поскольку осужденный к этому наказанию не умирает от стыда, оно является мало разумным; ибо в дальнейшем, вызвав к нему презрение его жен, как и народа, оно лишает его возможности хорошо жить с какой-либо из них и вести свой дом.

Почти повсюду имеется также обычай отменять второй брак и утверждать первый: противное тому, что надо было бы сделать, ибо причины, побудившие мужчину покинуть свою первую жену еще существуют, когда его заставляют взять ее обратно; чего же можно ожидать от этого вынужденного примирения? Новый уход и бегство в чужие страны или плохое обращение, расточение состояния, распутство, гульба и скандальная жизнь — таковы неизбежные последствия этого безрассудного постановления закона.

Если всякое наказание должно вести к исправлению и пресечению преступления, то лучшим способом покарать двоеженца является удержание половины его имущества для детей от первого брака, а при отсутствии детей — осуждение его к предоставлению достаточной пенсии первой жене. Если же он не имеет никакого состояния, то ей должна быть обеспечена часть его заработка и он должен представить поручительство в хорошем поведении. Если он не может представить поручительство, то он лишится своей свободы — его заключат в рабочий дом.

Впрочем, это наказание должно пасть лишь на двоеженца, разумно признанного преступным. Если он был вынужден жениться на первой жене против своей воли и если она по своему возрасту не могла тогда

***** Странная вещь — наши гражданские учреждения, рассматриваемые без предрассудков. Цель брака в глазах закона и религии состоит, несомненно, в том, чтобы приносить государству детей. Если это так, то не бессмысленно ли разрешать вступать в брак старым людям, а еще более — молодому человеку жениться на старухе? В обоих этих случаях брак даже в тех странах, где он стал таинством, может, значит, считаться лишь договором выгоды или приличия. Поистине, в жизни все непоследовательно и противоречиво!

иметь детей, он должен быть оправдан. Боязнь когда-нибудь убедиться в том, что их заботы пропали даром, сделает родителей более осмотрительными в устройстве судьбы своих детей и послужит уздой для злоупотребления родительской властью.

О ПРОСТИТУЦИИ И РАЗВРАТЕ

Нарушение общественной нравственности — преступление, более происходящее от забвения самого себя, чем от развращенности сердца — должно бы быть наказано бесчестьем, если бы, после того как отказались от чести, его могли еще бояться. Но проституция и разврат, которые почти всегда сопровождают бесстыдство, являются источником ужасающей распущенности нравов и множества преступлений. А так как проститутка может лишь злоупотреблять своей свободой, то справедливость требует, чтобы она ее лишилась ***** . Всякий мужчина, посещающий непотребные дома, должен нести такое же наказание. Да будут же они заключены на несколько месяцев в исправительный дом и здесь живут на доходы от своих рук. Если же по возвращении на свободу они станут продолжать тот же образ жизни, пусть они будут заключены на более длительный срок.

Развратники и проститутки взаимно портят друг друга; но имеются и такие развратники, которые развращают честных девушек; таковы те изношенные возрастом или удовольствиями мужчины, которые гонятся за невинными девушками в надежде пробудить в себе остатки почти угасшего темперамента. Конечно, скажут, что такие красавицы были уже развращены презренными негодяйками, торгующими ими. Пусть так, но кто в этом виноват? Разве имелись бы сводницы, стремящиеся продавать молодых девушек, если бы не было развратников, стремящихся их покупать? Всякий развратитель такого рода, чтобы загладить эти преступления, будет осужден к уплате молодой девушке, которую он обидел, пенсии на содержание либо по иску самой молодой девушки, либо по иску ее родителей.

О СВОДНИЧЕСТВЕ

Развращенная женщина редко возвращается на путь благоразумия. Пока она кажется сохранившей остатки свежести, она из-за нужды продолжает постыдное занятие, избранное ею по причине нищеты. Наконец, забракованная развратниками, она принимается торговать теми наслаждениями, которые она более не может доставлять сама. Таким образом, проведя молодость в разврате, она проводит свою старость в развращении других.

***** На проститутку смотрят как на способ избавить честных женщин от посягательств развратников. Я не буду обсуждать вопрос, нужны ли они в государстве, а просто замечу, что их можно увидеть лишь у развращенных наций и одного этого достаточно для решения данного вопроса.

Жизнь сводницы состоит из ряда гнусных преступлений. Если эта адская фурия заметит какую-нибудь красавицу, она только и помышляет о том, как бы заманить ее в свои сети. А кто может смотреть без ужаса на ухищрения, пускаемые в ход против невинности? Всегда на страже того, что может увеличить ее постыдную торговлю, сводница поджидает у гостиницы молодых деревенских жительниц, которые прибывают в город, чтобы приискать себе место. Если они красивы, она нанимает их в качестве служанок и отводит затем в какой-нибудь непотребный дом, где они содержатся до тех пор, пока не погрязнут в том образе жизни, который она хочет им навязать.

К стольким гнусностям прибавьте еще подлые хлопоты о развращении их ума; но не будем разоблачать грязные тайны этих злодеек. Нам достаточно сказать, что в их руках молодая невинная девушка доводится до непристойностей, мало-помалу изгоняющих всякий стыд и заставляющих чистоту уступать место самому необузданному распутству.

Счастливы народы, еще не знающие этих позорных приемов! Дай бог, чтобы вы не узнали их никогда!

Если женщины, которых сводница хочет развратить, не нуждаются, то она старается завязать знакомство с каким-нибудь надежным слугой; она осведомляется об их характере, чтобы вернее найти их слабое место; затем она под различными предложениями проникает в дом ***** . Если же доступа в него нет, то она тотчас же заведет интригу в другом месте: на прогулках, в увеселительных местах она всегда следует за ними. Ни одно место для нее не является священным — даже божий храм!

Тех, кого она не может подкупить подарками, она старается соблазнить роскошью, блеском, подействовать на их честолюбие. Каждой она дает понять, что какой-нибудь значительный человек томится по ней, что он готов предоставить ей все, что она пожелает. Подбрасываются подложные записки, устраиваются тайные свидания, где мнимый любовник заменяется каким-нибудь богатым развратником...

Какое может быть извинение для таких преступлений? Соблазнитель может, по крайней мере, сослаться на опьянение своей страстью, но какая иная побудительная причина, если не гнусная корысть, может воодушевлять сводницу?

В странах, где страдает нравственность, эти презренные негодяйки остаются безнаказанными; и еще гнуснее то, что они покупают свою безнаказанность у самих должностных лиц ***** полиции.

В менее развращенных странах они, конечно, внушают отвращение, но наказание, к которому их присуждают, неудачно назначено. Их выставляют к позорному столбу, а потом отпускают на свободу. Но что значит бесчестье для тех, кто разучился краснеть? Нет, ни ошейником

***** Чаще всего в качестве перепродавщицы предметов туалета.

***** Считается достоверным, что большинство парижских полицейских комиссаров продает свое покровительство этим презренным негодяйкам. Если этот факт справедлив, то он вполне заслуживает того, чтобы о нем было заявлено Генеральным Штатам.

или факелом следует наказывать тех, чьи души очерствели в преступлениях. Пусть они навсегда лишатся свободы, которую они могли употребить лишь на погибель других. В награду за слезы, которые они заставили проливать, пусть ни на одно мгновение их жизни не будут они более знать радости. Пусть, лишенные всего, они в свою очередь почувствуют тяжелый гнет принуждения. Пусть они до конца своей жизни будут заключены) в исправительном доме и принуждены к работе; пусть из их ежедневного заработка им предоставят лишь самые, необходимые для существования средства, а остаток поступит на содержание тех убежищ ***** , которые они сделали столь необходимыми.

Но чтобы ни одна из таких женщин не могла ускользнуть и чтобы их порока наконец была истреблена, родители, дочери которых исчезли, в любое время будут вправе обыскивать притоны этих злодеек в присутствии простого полицейского чиновника.

О МУЖЕЛОЖСТВЕ И СКОТОЛОЖСТВЕ

Обладание женщиной не всегда предотвращает желание обладать кем-нибудь другим. И часто слишком доступное наслаждение для мужчин ведет к тому, что они обходятся без женщин. Отсюда эта непристойная любовь, отвергаемая природой, возмутительное преступление, которое, кажется, должно внушать лишь отвращение!

Однако есть одно еще более возмутительное преступление; разве можно было бы поверить в его существование, если бы о нем не свидетельствовал опыт? Иногда мужчина покидает свою подругу ради животного. К счастью, эти преступления, если только им не покровительствуют некоторые обычаи, являются мало распространенными; в таком случае надо очень остерегаться извлекать их из тьмы, в которой они скрываются; строго наказывать некоторые очень редкие преступления — значит постоянно порождать мысль о них. #

К тому же мне кажется, что решение наказывать их самым страшным наказанием исходит из крайне ложных понятий. Опасаются последствий чудовищной связи. О, как можно не видеть, что смешению родов природа ставит непреодолимые препятствия! Всякое животное, произошедшее от разнородного соития, не может создать породу. Если же, однако, эти преступления, когда они известны, следует наказывать, то пусть помнят, что мужчина, презирающий себя настолько, чтобы забыть о достоинстве

***** Я говорю о тех общественных домах, где должны воспитываться дочери бедных граждан.

Такой подход к проблеме был довольно распространен во Франции конце XVIII в. Франция первая и единственная в Европе отменила уголовную ответственность за «содомию» (термином «содомия» в те времена обозначали все виды мужского гомосексуализма и гомоэротизма). Произошло это в 1791 году при реформе судебной системы, причем без дебатов в Учредительном собрании - выбросили эту варварскую статью «по умолчанию». И ни при Консулате, ни при Империи, ни при реставрации Бурбонов ее не вернули в уголовный кодекс. - *ред. Vive Liberta.*

своего рода, должен рассматриваться сумасшедшим и в этом отношении заслуживает лишь заключения в сумасшедшем доме.

СПОСОБЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ВЫЗЫВАЕМЫХ ИСПОРЧЕННОСТЬЮ НРАВОВ

Мало найдется преступлений, не являющихся следствием распущенности обоих полов; но в некоторых государствах это зло является неисправимым, ибо оно содержится в самом средстве его искоренения. Осмелимся сказать, что испорченность нравов почти везде берет здесь свое начало от тех, кто поставлен для ее пресечения.

При виде тьмы предметов, способных разгорячить чувства и воображение, рождается множество желаний, они возбуждаются в лоне изнеженности, и ничего не стоит их удовлетворить. Но блеск всего того, что служит для удовольствия коронованного властелина, отчасти скрывает то, что в них есть отвратительного. К тому же этот род людей не имеет достаточной храбрости для здравого суждения о вещах. Внешние атрибуты власти вводят толпу в заблуждение, и какими бы ни были преступления государя, страх подданных его оправдывает путем софизмов.

А если какой-нибудь строгий критик осмелится, однако, поднять свой голос? Немедленно толпа низких льстецов, всегда готовых пожертвовать долгом ради выгоды, старается назвать бесчестные поступки красивыми именами, чтобы отнять у преступления все то возмутительное, что в нем есть

Подражатели государя — люди знати — следуют его примеру, распущенность входит в моду и перестает в конце концов внушать отвращение. С тех пор начинают исчезать здравые представления о вещах, изменяется общественное мнение, возникают предрассудки, при рассуждении о пороке описывают лишь удовольствие, совершивший прелюбодеяние муж является дамским угодником, неверная супруга — чувствительной женщиной, а блуд, увоз женщины, изнасилование — лишь мелкими любовными кражами. После того как украсили пороки и осмеяли добродетели, супружеская верность считается обманом, целомудрие — излишней строгостью, а невинность — лишь добродетелью глупцов.

От двора эти правила переходят к населению, они распространяются в обществе, их повторяют на сцене, в судебных местах, в книгах, и каждый заражен ими. По мере распространения правил испорченного света разврат делает быстрые успехи: мужчины хвастают волокитством, во что бы то ни стало хотят слыть имеющими успех у женщин; стремясь от одной красавицы, которую они стараются соблазнить, к другой, они

Назовите красивыми именами бесчестные поступки — и вы отнимаете у них все то возмутительное, что в них есть. Иная женщина, не боящаяся называться содержанкой, содрогнулась бы от названия проститутки, а иной мужчина, хвастающий именем наперсника, устыдился бы имени сутенера.

попирают всякое чувство порядочности и гордятся тем, чего следовало бы стыдиться.

Когда порок в чести, то все потеряно, ибо какая достаточно возвышенная душа предпочла бы одобрение нескольких мудрецов рукоплесканиям толпы? Таким образом, посреди стольких подводных камней невинность не может обеспечить себя от крушений и добродетель более не поддерживается общественным уважением — она изгнана из всех сердец.

Как же это можно исправить? Для нации, у которой пример государя увлекает подданных и у которой подданные испорчены роскошью, это никак невозможно. Но иначе обстоит дело в отношении народов, у которых те, кто облечен властью, не стоят выше законов и у которых часть граждан не утопает в изобилии.

Если естественная склонность ослабляет нравственные узы, то законы должны их укрепить страхом стыда или наказаний. Но если законы не являются непреклонными, они никогда не будут действительными.

Для уничтожения распутства недостаточно бороться с теми, которые предаются ему, надо устранить причины, заставляющие женщин предаваться распущенности, путем избавления их от бедности, которая доводит их до назначения цены своей добродетели. В каждом крупном городе должен быть устроен приют для воспитания дочерей бедных граждан, где их будут обучать с детства всему необходимому, каждая из них научится какой-либо полезной профессии и получит возможность устроиться

Этот приют послужит также убежищем для уволенных молодых служанок; им будут здесь давать занятие до тех пор, пока они снова найдут себе место. Он послужит также убежищем для соблазненных молодых девушек, которым дадут возможность отказаться от плохого образа жизни.

Итак, сделаем выводы. Избавить от бедности несчастных, которые вынуждены продаваться, спасти от разврата тех, которые ему себя обрекли, заточить тех, которые занимаются развращением молодежи, лишить мужчин охоты соблазнять женщин, принудить обольстителей к исправлению своих ошибок браком, обуздать распутников страхом бесчестья или потерей свободы и изгнать из общества неисправимых развратников — значит вырвать у порока его виновников, его пособников, его жертвы, значит снова поставить вещи на свое место, значит восстановить добрые нравы.

Эти учреждения стоили бы государству гораздо меньше, чем все эти приходские дома, все эти больницы, которые служат лишь для обогащения за счет бедняков тех, которые ими заведуют. Но так как нечистые руки пачкают все, к чему они прикасаются, то, чтобы доходы от этих учреждений не исчезли, следовало бы возложить управление ими на богатых и отличающихся своей набожностью, своими добродетелями, своим просвещением женщин.

В этом приюте могло бы быть учреждено бюро по найму хороших слуг. Государство выигрывает от этого вдвойне. Разврат является могилой

Таким образом, благодаря уничтожению распущенности общества, исчезла бы масса преступлений, ибо множество их происходит от распущенности. Сколько мужчин стали разбойниками, убийцами, отравителями, отцеубийцами для того, чтобы заплатить публичным женщинам! И кто не знает, что дома этих несчастных являются притонами злодеев?

Раздел шестой. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕСТИ О ЗЛОСЛОВИИ

Немного найдется душ, настолько возвышенных, чтобы, не боясь критики или не ища одобрения, избегать порока и следовать добродетели. Но если нет ничего более редкостного, чем благородное безразличие, ставящее человека выше толков о нем, то нет ничего более обыкновенного, чем низкая зависть, заставляющая поносить тех, кто привлекает к себе общественное внимание. Стоит только кому-нибудь занять видное место в обществе, как тотчас же толпа завистников ожесточается против него, словно вызываемое им восхищение ставит им в упрек их незначительность.

С каким остервенением стараются они заглушить шум славы, открыть в нем какое-либо несовершенство, способное умалить его таланты и его добродетели! С каким искусством они распространяют свои злобные измышления! Как они довольны собой тем, что омрачили его славу. Общество гораздо более расположено выслушивать критические замечания, чем похвалы: оно с жадностью встречает сатирические сочинения, направленные против знаменитых людей, и испытывает тайное удовольствие при виде их унижения.

Несмотря на то что побудительные причины злословия всегда отвратительны и само злословие всегда достойно порицания, быть может, нет такого мудрого правительства, которое могло бы его обуздать, ибо несовершенство человеческих учреждений таково, что вред, причиняемый злословием частным лицам, — ничто в сравнении с преимуществами, которые извлекает из него общество. «Оно, — по словам одного глубокомысленного политического деятеля, — служит для того, чтобы отвлекать общую злобу, уменьшать зависть, утешать недовольных, помогать народу терпеливо страдать и заставляя его смеяться над своими страданиями». Мы не разделяем подобных рассуждений, оправдывающих варварское наслаждение чьим бы то ни было огорчением: злословие оправдывает себя по значительно более возвышенным соображениям.

Во всякой стране, где закон не обуздывает сановных злодеев, государей, тиранящих своих подданных, должностных лиц, нарушающих долг службы, прелатов, нравы которых мало поучительны, для некоторого удержания их на пути долга остается лишь страх перед общественным негодованием. Злословие служит, стало быть, в некотором роде уздой для власти, которой они злоупотребляют, и главным образом на этом основании оно должно быть терпимо. Если страх

затыкает всем рты, то свободе конец! Прибавим, что именно злословию надлежит наказывать пороки, о которых не могут знать суды, ибо о тех людях, которые провинились, недостаточно не сказать ничего.

Но для того чтобы злословие не переходило в злоупотребление, пусть оно опирается лишь на факты, и на такие, которые можно доказать; в противном случае пусть оно, по крайней мере, в отношении частных лиц, будет считаться клеветой.

О КЛЕВЕТЕ

Если законодатели из легкого прегрешения создают порой огромное преступление, зато иногда из огромного преступления они создают легкое прегрешение; таковым является клевета.

Между злословием и клеветой существует та разница, что последняя является сплетением бесчестной лжи, а первая — унижительной истиной важно, чтобы закон их не смешивал; одна является бичом для людей добрых, а другая — уздой для злых.

Клевета может наносить более или менее жестокие удары тем, кто является ее объектом; она может отнять славу у героя, у добросовестного должностного лица, у благодетельного гения, испортить репутацию добродетельного человека, лишить доверия честного торговца, опорочить честную женщину, и в этих различных отношениях клевета должна быть наказана тем более строго, чем менее может быть поправимо причиненное ею зло.

Слава является единственной наградой должностного лица, посвящающего себя общественному благу, героя, отдающего себя родине, гения, обогащающего общество полезными открытиями. Я нисколько не буду пытаться ослабить негодование, которое заслуживает всякий, кто стремится похитить у них славу, но я считаю, что эта награда не может миновать их: стрелы зависти редко попадают в них. К тому же, все то, что злоба наговаривает на репутацию, основанную на заслугах, талантах, добродетелях, является лишь слухами, довольно кратковременными. Если эти люди гнушаются унизиться до того, чтобы отразить оскорбление, то в защиту им остаются их заслуги, их подвиги, их сочинения, и тучки, собравшиеся над ними для затемнения их славы, в конце концов рассеиваются. Поскольку те, кто нападает на них, лишь выдают вызванную клеветой досаду, то они почти всегда находят себе наказание в своем собственном преступлении*.

Добродетельный человек не столь подвержен стрелам злобы, как великий человек, но они также могут повредить ему. Его репутация подобна нежному цветку, который может поблекнуть от малейшего прикосновения.

На свете нет ничего дороже чести; тот, кто старается оскорбить ее, является, стало быть, более жестоким, чем убийца. Не будем, однако, измерять наказание, исходя из мысли, что чувствительные души

* Если клевета касается нравственности, то, разумеется, клеветник должен быть наказан, как если бы он затронул всякого другого гражданина.

воспитываются благодаря такому оскорблению, а исходя из способов, которые остаются, чтобы дать за него удовлетворение. Если для блага государства нет ничего более важного, чем уважение к законам, то, конечно, общество заинтересовано в том, чтобы честный человек не был оклеветан. Кто лишил честного имени другого, должен утратить свое. Значит, за клевету всегда следовало бы применять позорящее наказание; но так как наказание должно быть исправительным, то поскольку имеется хоть какая-нибудь разумная надежда на исправление виновного, пусть он в первый раз будет осужден к удовлетворению чести оскорбленного, во второй раз — к удовлетворению его чести и к уплате штрафа в пользу благотворительного учреждения, в третий раз — к выставлению на несколько часов у позорного столба.

Впрочем, я говорю здесь лишь о клеветниках, действующих преднамеренно, прочие заслуживают некоторого снисхождения; таковы те пустые люди, которые из желания проявить свое остроумие приносят в жертву самые прочные репутации, и таковы те нескромные болтуны, которые повсюду роняют опасные слова, не будучи увлекаемы ни завистью, ни желанием мести. Первые будут осуждены к удовлетворению за оскорбление чести, последние — к заявлению на заседании суда о том, что слова невольно сорвавшиеся у них с языка, не имели целью затронуть честь оскорбленного лица, и им предпишут быть более осмотрительными в будущем.

В случае если лица, в пылу спора оскорбившие друг друга, принесут жалобу, они должны быть осуждены ко взаимному извинению и к выговору от судьи.

Купец, которого оклеветали, является самым несчастным из людей, ибо к потере его доброго имени всегда присоединяется потеря его состояния. А от какой малости зависит его кредит! Часто достаточно одного ложного слуха, одного злобного намека, одного сказанного на ухо слова, чтобы довести его до нищеты. Природа оскорбления указывает на природу наказания; таким образом, преступник будет осужден, в качестве удовлетворения, к вознаграждению оскорбленного лица за вред, который ему может нанести клевета.

В отношении лиц женского пола допускают один род клеветы, который не запрещен даже законом; и этот факт является слишком мало заметным примером нашей тирании над ними. Мы хотим, чтобы они имели глаза, чтобы ничего не видеть, уши, чтобы ничего не слышать, сердце, чтобы ничего не чувствовать; и недовольные тем жестоким принуждением, в котором мы их держим, мы стараемся внушить им желания; затем, чтобы лучше использовать их чувствительность, мы стараемся возбудить в их душе самые пылкие волнения. Если же на них наша минута слабости, то скоро мы начинаем вменять им это в преступление, тогда как сами гордимся уловками, употребляемыми нами для их погибели.

Какими бы отвратительными ни были эти поступки, имеются поступки еще более отвратительные, ибо, чтобы польстить нашему глупому тщеславию или отомстить за то, что мы не смогли тронуть их

сердце, нам не стыдно напугать ту самую стыдливость, которую они отказались принести нам в жертву, и мы находим удовольствие в лишении их доброго имени. Как многие хвастаются тем, что они добились полного успеха у женщины, которую они никогда не видели! Ни одна из них не ускользает от их злобы, даже те, положение которых должно, казалось бы, предохранить их от подобного оскорбления; таким образом, та, которая является украшением своего пола, видит себя оклеветанной негодьями, позорящими собственный пол. В этом низком свете главной наградой добродетели женщин является хорошая репутация. Если же они от своей добродетели ничего не выигрывают, то как можно требовать, чтобы они ее имели? Таких хулителей следует поэтому присуждать к наказанию, назначенному клеветникам.

Если преступник ссылается для своей защиты на истинность факта, он должен быть допущен к представлению доказательств. Если он изобличен по собственному признанию, то наказание должно быть заменено более мягким наказанием, предусмотренным за обольщение, — в случае если оскорбленная женщина может выйти замуж за обольстителя, и за прелюбодеяние — в случае если она замужем. Но разве суд будет доказывать всю очевидность бесчестия мужа и наносить ему более кровное оскорбление, чем клеветник? Конечно, нет! Наказывайте распутников — и этот род диффамации не будет более существовать. Какой мужчина сможет хвастаться незаконной интригой, не признавая себя тем самым виновным, и какой достаточно легкомысленный мужчина захочет навлечь на себя наказание?

Впрочем, пока наши нравы не изменятся, напрасно льстить себя надеждой добиться обуздания клеветы даже при помощи наилучших законов, очень часто бессильных удержать испорченных мужчин на пути долга. Разве, обладая небольшой ловкостью, не найдут ли они всегда возможности обойти закон? Те, кого должно было бы постигнуть наказание, являются именно такими людьми, которым лучше всего удастся от него скрыться. Человек без образования клеветает грубо; но светский человек умеет губить других, не компрометируя самого себя. Будет ли он настолько глуп, чтобы называть вещи их собственными именами? Конечно, нет! Он пользуется двусмысленностями, словами с двойным значением, аллегориями, намеками. Более того, светскому человеку известны некоторые приемы клеветы, против которых нет защиты. Каких только способов не знают зависть, злоба! Он клеветает не в тоне насмешки, а в тоне сочувствия; он говорит о мнимых пороках противника, которого он хочет погубить, как если бы он был ему предан; и он разоблачает его мнимые низости, делая вид, что оплакивает слабости человеческой природы. Если он беседует с вами о грехопадении женщины, которую ему не удалось соблазнить, то он выражает сожаление по поводу ее слишком чувствительного сердца; он вонзает кинжал всегда с ласковым видом. Наконец, одно молчание часто бывает красноречивее длинных речей; но все это столь двусмысленно, что создать из этого улику почти невозможно.

Правда, эти злые стрелы, в силу того, что их узнают, часто падают, не задевая; но такова уж присущая падению нравов судьба, что в крайностях самой нашей испорченности мы обретаем средства для нашего вероломства.

О ПАСКВИЛЯХ

Клеветнические сочинения — более тяжкое преступление, чем оскорбительные слова, ибо всегда давая время на размышление, они не могут рассматриваться в качестве актов нескромности или легкомыслия; требуемое ими удовлетворение чести должно быть, значит, более примерным. Но никакая сатира не может считаться пасквилем, если бесчестящие обвинения не будут доказаны.

ОБ ОБВИНЕНИЯХ

При свободном правлении все граждане заинтересованы в поддержании законов; поэтому каждому дозволяется обвинять виновного. Но если законы нужны для пресечения преступления, то они нужны также для защиты невинности: несправедливый обвинитель должен быть наказан, и его наказание должно вытекать из характера вреда, нанесенного обвиняемому.

О КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИИ

За злостное обвинение на суде преступник наказывается, как клеветник. Это относится и к лжесвидетелям.

Раздел седьмой. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОГО СПОКОЙСТВИЯ

Они должны караться потерей того самого спокойствия, которого они лишили мирных граждан.

Таким образом, за нарушение тишины на улицах и оскорбления, нанесенные прохожим, виновный будет осужден к суточному заключению в смиренном доме, на хлеб и воду: наказание, весьма пригодное для успокоения буянов и приведения их в порядок.

За разбитые ночью оконные стекла и фонари, за вырванные дверные звонки и молотки виновный должен быть осужден к возмещению ущерба и к тюремному заключению на неделю.

Если у него нет состояния, то сверх тюремного заключения он подлежит заключению в смиренном доме до тех пор, пока не добудет своей работой средств для возмещения убытков.

О ПЬЯНСТВЕ

Если климат некоторых стран требует употребления спиртных напитков, то ни один из них не требует злоупотребления ими. Ввиду

гибельных последствий, очень часто возникающих в результате этого злоупотребления, оно должно быть поэтому пресечено.

Человек, который выходит из границ трезвости случайно, не подлежит наказанию — как человек, который выходит из них постоянно; вдобавок, среди хронических пьяниц надо отличать тех, которых выпивка приводит в состояние отупения, от тех, которых она делает буйными: первые причиняют зло лишь самим себе и потому не подлежат суду, тогда как последние, поскольку они не лишены свободы, всегда являются более или менее опасными.

Но так как следует, чтобы наказание всегда вело к приведению в порядок виновного, то его следует содержать в течение недели в смиренном доме, после чего он обязан возместить ущерб. При каждом рецидиве срок будет удвоен.

Раздел восьмой. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ РЕЛИГИИ

Хорошо, чтобы религия всегда была связана с политической системой, ибо она является лишней порукой человеческого поведения.

Хорошо также, чтобы в государстве была только одна религия, ибо тогда его члены гораздо лучше ею объединены. Но когда имеется несколько религий, то поскольку они не являются нетерпимыми сами и поскольку они не стремятся в своих учениях к уничтожению общества, надо быть к ним терпимым.

Какой бы ни была господствующая религия государства, законодатель, покровительствуя публичному исполнению культа, то есть предпочитая при равных заслугах назначать на доверенные места тех, кто ее придерживается, имеет право лишь побуждать подданных сообразоваться с нею.

Для того чтобы поддержать, защитить и распространить религию, священники должны употреблять лишь силу убеждения; пусть они всегда будут посланниками мира и никогда не будут посланниками войны.

Преступления против религии, нарушающие общественный порядок, подсудны человеческому суду; прочие — подсудны божескому суду, «здесь все происходит между богом и человеком». Расследование таких преступлений было бы установлением чего-то вроде роковой для свободы граждан инквизиции; эти граждане всегда являлись бы мишенью для преследования, так как против них было бы вооружено усердие фанатиков. От этого их не смогли бы предохранить ни самое безупречное поведение, ни самые отменные добродетели.

Наказание преступлений против религии, подсудных человеческому суду, всегда должно вытекать из природы вещей. Пусть законы остерегаются требовать отпущения за небо, ибо как только эта мысль приходит на ум законодателю, то справедливости наступает конец: сколько эшафотов, возведенных для несчастных, которые отказались сотворить крестное знамение, сколько костров, зажженных для несчастных, все преступление которых состояло в некоторой особенности

мнений, и сколько других варварских казней, заставляющих содрогаться от ужаса!

ОБ АТЕИЗМЕ, ЕРЕСЯХ И РАСКОЛЕ

Каждый волен делать все, что он хочет, если это не вредит другим. Одним из самых достойных приложений человеческой свободы является старание отыскать истину. Судить обо всем самому является, стало быть, бесспорным правом всякого разумного существа; запретить его любознательности простираться на некоторые предметы было бы равносильно требованию лишить его разума. Если же в этих трудных поисках он заблуждается, то он достоин не порицания, а сожаления. Таким образом, если он, стремясь добраться до причины причин, не замечает творца, то пожалейте о его неведении; если он говорит с вами о своих сомнениях, то старайтесь просветить его.

Как, восклицает фанатизм, ведь неверие в бога является ужасным преступлением, требующим наказания! О, скажите, пожалуйста, чем может быть виноват чистосердечный человек? Не является ли несчастный первой жертвой своего ослепления? Не имея утешения в этой жизни, он не имеет надежды на будущую жизнь; так как он ничего не видит за могилой, то страшная пропасть открывается под его ногами и он безвозвратно исчезает в бесконечной ночи. Конечно, для государства полезно, чтобы его члены верили в бога, но ему еще полезнее, чтобы его члены не преследовали друг друга. К тому же, чего вы боитесь, когда атеист лишь рассуждает? Вы имеете над ним преимущество просвещенного ума. Именно вы должны поставить его в тупик.

Если атеизм не является преступлением, то ересь тем более не является им*.

Пока атеист только рассуждает, пусть он живет спокойно; но если вместо того, чтобы ограничиться скептическим тоном, он произносит речи, поучает, стремится создать последователей, с этого момента он становится сектантом, он злоупотребляет своей свободой и должен ее лишиться. Пусть же он будет заключен на ограниченный срок в спокойную тюрьму и будет там содержаться за свой счет.

Если таким должно быть наказание атеиста, стремящегося к созданию секты, то ни один еретик не заслуживает большего наказания.

О ПРОСТОМ СВЯТОТАТСТВЕ

Под этим наименованием разумеются профанация и оскорбление религии.

Пусть для их наказания человеческое правосудие берет пример с правосудия божеского.

---

* Свобода каждого служить богу по-своему всегда будет иметь то хорошее последствие, что ересь никогда не делается расколом. Лишь преследуя виновников ереси, их побуждают образовывать секты и становиться страшными для государства. Отчаяние дает им оружие, и если они не оказываются раздавленными, то скоро в свою очередь сами будут давить.

Виновный оскорбил бога: поступите в отношении его, как сам бог. Если он раскается, его помилуют; пусть он публично принесет покаяние в причиненном им соблазне — и он будет оправдан. При повторном совершении пусть он лишится преимуществ, предоставляемых религией; пусть он будет изгнан из общества верующих и лишен права домогаться какого-либо требующего доверия места.

О БОГОХУЛЬСТВЕ

Род заблуждения, который также следует наказывать; но это преступление чаще всего является лишь мгновенной вспышкой, в которой еще не успеет сесть солнце, как человек раскается; наказание за него не должно быть слишком продолжительным: трех дней заключения достаточно, чтобы наказать помутившийся разум и заставить его прийти в себя. Если этот срок будет недостаточен, то при каждом рецидиве всегда удваивайте его и будьте уверены, что вы редко найдете виновных, которых надлежит наказывать.

О МАГИИ

Безумное притязание, которое наши отцы наказывали огнем и которое, когда оно не имеет злого умысла, должно вызывать лишь презрение; но если оно служит к надувательству людей, то карайте плутовство.

Впрочем, так как этот род безумия ведет лишь к порче умов, то те, которые занимаются магией, не должны быть терпимы в государстве; пусть они будут задержаны и заключены в каком-нибудь рабочем доме. Это относится также к колдунам, ворожеям, фокусникам и ко всем тем шарлатанам, которые живут за счет человеческой глупости.

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, НАРУШАЮЩИХ ОТПРАВЛЕНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Когда эти преступления состоят лишь в таких непристойностях, как жесты, громкие разговоры, взрывы смеха, то достаточно, чтобы священник приостановил на минуту отправление своих обязанностей для установления виновных. Если краска стыда не выступит на их лицах и они повторят свой проступок, то пусть они получают публичное порицание от судьбы.

О ПЛОХОМ ОБРАЩЕНИИ СО СВЯЩЕННИКАМИ, ОТПРАВЛЯЮЩИМИ СВОИ ОБЯЗАННОСТИ

Если к недостатку уважения к религиозным обрядам присоединяются насильственные действия, то для искупления соблазна преступник принесет повинную у дверей церкви.

О КРАЖЕ СВЯЩЕННЫХ ВЕЩЕЙ

Наказание за это преступление должно быть таким же, что и наказание за домашнюю кражу.

О СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЯХ

Для поддержания порядка в обществе достаточно одних добрых нравов; но когда их нет или они испорчены, то ничто их не заменит. Напрасно законы устанавливают обязанности; обилие страстей вскоре делает эти обязанности тягостными, и чтобы принудить к ним людей, нужны строгие наказания; сверх того, соблюдение законов делается неисполнимым из-за множества порочных наклонностей, и приходится увеличивать наказание за непослушание; словом, число виновных с каждым днем умножается, преступления наводняют государство, и только и знают, что их наказывают.

Что думать о тех низких людях, которые стараются развратить человеческий род и возвести порок в правило? Справедливость требует сказать, что каково бы ни было их побуждение — гнусная корысть или глупое тщеславие — побуждение к преступлению является преступлением, достойным порицания. Но, быть может, было бы полезнее лишить свободы этих презренных сочинителей, пускающих в ход небольшие таланты, которыми одарило их небо, до тех пор пока они не исправятся сами?

Типографщики, книгопродавцы, разносчики, одним словом, каждый человек, который умышленно способствует распространению такого рода заразы или соблазна, заслуживает такого же наказания.

О СОУЧАСТНИКАХ

Всякий, кто прямо или косвенно поможет совершению преступления, не имея возможности сослаться на свое неведение, будет считаться совершившим его.

О НЕПРЕДВИДЕННЫХ СЛУЧАЯХ

Уголовное законодательство требует углубленного изучения: в нем неизмеримое количество подробностей; и чем более изучают этот обширный предмет, тем больше он расширяется на наших глазах. Так, когда пристально глядят на небо, то всегда открывают в нем какую-нибудь новую звезду.

Бывают такие странные случаи, которые почти невозможно предвидеть. Если в законе нет постановления, то судья, являющийся лишь его орудием, должен хранить молчание, а преступник должен быть оправдан. Я согласен, что в этом есть очень большое неудобство, но оно, если хотят изгнать из судов всякий произвол и обеспечить общественную свободу, является неизбежным.

СПОСОБ ПОДДЕРЖАНИЯ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЗАКОНОВ

Каким бы предвидением ни обладал законодатель, злодеи скоро находят способ к обходу закона. И если это им удастся, то для того, чтобы его подтвердить, смягчить, исправить, требуется много других

законов. Бесполезная предосторожность! Не достигнув цели, как можно надеяться на ее достижение, идя по тому же пути? Прежние злоупотребления, следовательно, продолжают, возникают новые, число нарушений с каждым днем увеличивается; нужно наказывать и только наказывать; при малейшей уступке законом начинают пренебрегать.

Напрасно прибегать к суровым средствам, напрасно увеличивать наказания, чтобы заставить уважать закон. Сделайте послушание законам легким, отнимите возможность их нарушения — и они будут соблюдаться. Это достигается при помощи хорошей полиции.

Уничтожьте все игорные дома, все кабаки, все дома разврата, притоны злоумышленников и злодеев.

Уничтожьте также все эти ремесла^{**}, которые поддерживают желание абсолютной власти, воспитывают потребность в расточительстве, ремесла постыдные, способные только развратить сердце.

Не допускайте, чтобы бедняки оставались праздными; принуждайте их к работе — и вы сделаете их добродетельными людьми.

Если после предоставления им средств для работы и приведения их заработка в соответствие с их работой^{***} кто-нибудь откажется от полезного занятия, то пусть он будет изгнан из государства.

Лишить людей возможности нарушать законы недостаточно — надо лишить их охоты к нарушению этих законов; а в этом можно успеть лишь внушая им добронравие. Для этого имелся бы один прекрасный способ: установить трибунал цензоров, уполномоченный следить за поведением граждан. Вот мы незаметно и возвратились к древним учреждениям и напрасно захотели бы обойтись без них. Своими добрыми нравами в лучшие дни республики Рим обязан именно учреждению цензоров. Счастливые народы, которых правительство не приучило к разврату, если вы хотите видеть среди вас царство справедливости, то примите его — это учреждение^{****}, сделайте его священным, как законы, и пусть оно, как и законы, будет вечным!

Ж.-П. МАРАТ

ПЛАН УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перевод с французского Н. С. Лапшиной
под редакцией и с предисловием проф. А. А. Герцензона

М.: изд-во иностранной литературы. 1951

Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

^{**} Шпионы, доносчики, ростовщики, работодатели под заклад.

^{***} В Париже белошвейки, модистки и пр. зарабатывают лишь 15 су в день. Как можно требовать, чтобы они питались и содержали себя на такой ничтожный заработок? Не имея возможности честно жить на доходы от своей работы, они, следовательно, вынуждены предаваться разврату. По этому поводу неоднократно приносились покорнейшие заявления в парламент, но ни разу он не соизволил обратить внимание на этот важный вопрос.

^{****} Подобное учреждение может быть пригодно лишь для очень маленького государства.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. О ПРИРОДЕ И СИЛЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПРЕЗУМПЦИЙ

Недостаточно было бы издавать хорошие законы, если бы их не заставляли соблюдать; их заставляют соблюдать, лишь наказывая преступление; но прежде, чем наказывать преступление, нужно изобличить виновного.

При таком образе правления, когда законодательство стремится лишь внушить любовь к родине и когда эта любовь царит в сердцах, нет места частному преступлению. Поскольку все здесь относится к народному благу, то ни у кого не имеется других интересов, кроме интересов государства, и каждый может их защищать; таким образом, нарушение законов является посягательством на общество, каждый гражданин которого должен требовать справедливости.

Но при таком образе правления, когда слово «родина» является лишь пустым звуком, при таком образе правления, когда каждый обособляется, когда каждый открыто предпочитает свой частный интерес общему интересу и когда каждый стремится устроить свое счастье за счет счастья других, — общественное дело не является более делом частных лиц, хотя дело частных лиц бывает иногда общественным делом*. Это и есть современный образ правления: всякое преступление при нем совершается против государства или против его членов. Стало быть, доносить о нем и преследовать его надлежит потерпевшей стороне.

Освобождение подданных от этой заботы и поручение ее должностному лицу, поставленному для того, чтобы без энтузиазма, без злобы, без страсти заниматься преследованием преступлений, преподносят нам в качестве превосходных установлений некоторых законодателей.

Однако не видно, чтобы у наций, усвоивших противоположный обычай, возникло от этого какое-либо затруднение. Будучи далеким от того, чтобы заставить людей всегда руководствоваться чувством мести, открыть доступ для доносов и возбудить непримиримую ненависть, каждый у этих наций чувствует, что закон должен иметь свое применение. Если обвиняемый виновен, то его наказывают, если он не виновен, то его оправдывают, если на него донесли по злобе или легкомыслию, то ему возмещают убытки. Но как только выносятся приговор, стороны спокойны. Посмотрите на Англию и на протяжении одного столетия покажите нам в этой большой монархии хотя бы один пример частной мести как последствия обычая, который изображается нам столь опасным. Опасаются, чтобы он не открыл доступа для доносчиков. Но что

* Это может быть единственно только в случае убийства, ибо убитый гражданин является гражданином, отнятым у государства.

** Государство всегда представлено прокурорским надзором, а подданные могут быть представлены своими близкими.

приобретают тем, что избавляют заинтересованную сторону от требования правосудия, от донесения на преступника? Публичному мстителю всегда нужен по крайней мере один доноситель; затем нужно, чтобы он стал им самим; итак, несколько доносителей вместо одного.

Впрочем, что за важность, если потерпевшая сторона преследует преступника из желания мести; разве ей надлежит выносить обвинительный приговор? Может ли она изменить наказание, назначенное законом? Конечно, нет; как бы она ни оглашала суды своими воплями, никогда она не внушит судьям чувств, которые ее наполняют. Не так обстоит дело с заменяющим ее должностным лицом. Его огромное влияние на приговор суда, в котором он присутствует, слишком хорошо известно. К тому же, в самом ли деле он будет беспристрастен? Злодеяния, проходящие перед его глазами, производят сильное впечатление на его рассудок, поэтому его усердие к интересам общества, которое он должен защищать, не могло бы долго сохранять характера умеренности, и скоро его негодование на преступления обращается на их виновников. Посмотрите на него, когда он собирает доказательства против обвиняемых: по усилиям, прилагаемым им для того, чтобы найти их виновными, вы сказали бы, что он ищет жертвы или боится, что она ускользнет от него. Но это еще лишь неприятности, от которых олицетворенная добродетель с трудом оберегла бы себя. Что же подумать о тех, чья человеческая слабость не может защитить себя и кого совсем не заметили проповедники мнимой мудрости этого института? Пользуясь некоторыми обманчивыми преимуществами, они с уверенностью говорят нам: «Общественный деятель бодрствует за граждан: он действует, а они спокойны». Очень хорошо! Но не употребит ли он свою должность в своих собственных видах? Не пренебрежет ли он делом слабого, чтобы способствовать делу сильного? Будучи единственным блюстителем прав стольких граждан, не станет ли он торговать правосудием?*** Будучи единственным исполнителем общественной мести, не сделает ли он из законов бессмысленного орудия для сокрушения своих собственных врагов? Будет ли он всегда чист в своей неподкупности, несмотря на все возможности безнаказанно изменять долгу? Всегда ли он будет сопротивляться неотступным просьбам дружбы, приношениям богатства, движениям своего собственного сердца? Словом, когда бы этот столь хваленый институт не имел другого недостатка, кроме того, что он является роковым для свободы подданных, то этого одного было бы достаточно для отмены его мудрым правительством.

Если доносить о преступлении должна потерпевшая сторона, то она же должна преследовать преступника.

*** Во Франции от советников, которым поручен надзор за тюрьмами, зависит освобождение из них виновных; сколько их было выпущено на волю за деньги; печальная истина, которая то и дело подтверждается опытом.

О ДОНЕСЕНИИ

Если совершено какое-либо преступление, то первое, что нужно сделать, это принести жалобу, подробно его описать и указать его виновника или виновников, известных или подозреваемых.

Жалоба должна быть принесена потерпевшей стороной уполномоченному судье, для ее принятия в случае ее обоснованности. Если виновник преступления назван, то доноситель обяжется под поручительством преследовать его. Путем этой предосторожности судья ставит закон между обвинителем и обвиняемым; он убеждается в том, что первый не руководствуется ненавистью, и препятствует обещанию клеветой второго.

О РОЗЫСКЕ ВИНОВНОГО

Как только на виновного донесли, предстоит его найти: это дело полиции.

Пусть для его обнаружения никогда не предлагают гражданам вознаграждения: это служит к развращению нравов; но пусть им будет запрещено предоставлять ему убежище.

Если преступник не застигнут на месте преступления, обычно его обнаруживают по следам, которые оставляет преступление; стало быть, необходимо, чтобы имелся быстрый и легкий способ сообщать разным жителям одного и того же места и разным местностям одного и того же государства необходимые сведения об объекте преступления и личности преступника; такие способы всегда предлагаются циркулярами.

Я не осмеливаюсь говорить здесь о способах, которые употребляют для обнаружения преступников в пучине, в которую они погружаются, и для нахождения следов преступления: отвратительные способы, без которых не могут обходиться правительства наших дней и которые заставляют хорошо понять превосходство древних учреждений над учреждениями современными. Естественно приносить жалобы на тех, которые нанесли нам оскорбление; хорошо из усердия к родине доносить на тех, которые нарушили законы; но что может быть более жестоким, более подлым, более низким, чем из одной только гнусной корысти заниматься преследованием несчастных, скрывающихся от общественного мщения, расставлять им сети, употреблять для их гибели хитрость, коварство, вероломство, измену, насильно вырывать их из последнего убежища и хладнокровно предавать всяческим мукам? Таково единственное занятие этой шайки доносчиков и шпионов, которых с большими затратами содержит полиция и которых она беспрестанно развращает и портит. Из этой бесчестной шайки выходит большинство злодеев, наводняющих большие города, переполняющих темницы и виселицы. Употребляя множество способов обмана для других, они

Ж.-П. МАРТ

ПЛАН УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перевод с французского Н. С. Лапиной
под редакцией и с предисловием проф. А. А. Герцензона

М.: изд-во иностранной литературы. 1951

[Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

пускают их, наконец, в ход для самих себя, и после того, как они погрязли во всех пороках, они предаются всем преступлениям****.

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНИКОВ

После обнаружения обвиняемого его задерживает законная власть и предает правосудию для суда над ним. Остается уличить его в глазах судей; это дело потерпевшей стороны, ибо если она должна доносить о преступлении, то ей же следует преследовать преступника,

О ПОЛЮБОВНОЙ СДЕЛКЕ И О ПРОЩЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Хотя потерпевшая сторона и вольна распоряжаться своими собственными правами, она не должна иметь права прощать виновного или входить с ним в любовную сделку, ибо если бы она, получив, посредством частной мировой сделки, удовлетворение, которого она добилась бы от правосудия, оставила на свободе опасного для общества преступника, то она сделала бы ответственной за все то зло, которое он начал бы совершать; а зло бывает непоправимым.

Если же оно поправимо, то преступник, после возмещения нанесенного им кому-либо вреда, освобождается от обязательств по отношению к ним, но не по отношению к обществу; он должен удовлетворить его за плохой пример, данный им. Таким образом, как скоро дело было начато, жалобщик не будет более волен от него отказаться.

Если подданные не вольны заключать любовную сделку, то еще гораздо менее волен это сделать прокурор, ибо, будучи обязан к защите общества, он не должен распоряжаться правами, которые никоим образом не принадлежат ему.

ОБ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Оно имеет целью осудить виновного или оправдать невинного. Но как этого добиться? Начнем с того, что скажем, какой способ для достижения этого не следует применять.

Законы созданы столько же для защиты невинности, сколь и для наказания преступления. Если они разрешают собирать против обвиняемого доказательства преступления, в котором он обвиняется, то они должны предоставить ему все возможные способы для защиты. Нелепо добиваться от виновного сознания в совершении преступления и обращать это сознание в доказательство против него. Итак, прочь от нас эти варварские способы, употребляемые для того, чтобы вырвать признание, которого не имеют даже права требовать. Если бы пытка и не была ужасным родом доказательств, то она является родом

**** Поверят ли тому, что в Европе есть такая страна, где на общественные деньги содержит множество шпионов, доносчиков и самих воров, которые соединяются с мошенниками и жуликами, чтобы стать доносчиками на своих соучастников!

доказательства противоестественного, ибо она нарушает принцип естественной защиты.

Нам скажут, что судья дает распоряжение о пытке не для того, чтобы получить доказательство против виновного, а для того, чтобы разрешить свои сомнения и успокоить свою совесть. Как? Будучи неуверены в том, является ли обвиняемый виновным, вы заставляете его испытывать казнь более ужасную, чем та, которую вы назначили бы, если бы вы были уверены, что он не является невинным? И для того чтобы знать, заслуживает ли он смерти, вы начинаете с того, что заставляете его умирать множество раз. Жестокосердые судьи, по какому праву издеваетесь вы таким образом над человечеством?

Но хотя бы вы и имели его — это злосчастное право, что можно думать о роде доказательств, которые противоречат своей цели? Вы хотите разрешить свои сомнения при помощи мук, как будто бы боль была способна вырвать истину у несчастного, который страдает. Сколько виновных, однако, сопротивлялось этому нелепому испытанию! Сколько невинных не устояло перед ним! Безумцы, откройте глаза на вам подобных и следуйте их примеру: сколько людей, запачканных невинной кровью, которую они пролили, оплакивают еще свое роковое ослепление!

Да, разум восстает против этого гнусного способа, и возможно ли, чтобы в том веке, когда люди приписывают себе здравый смысл, он вообще не был уничтожен.

Если от виновного не имеют права требовать сознания в его преступлении, то также не имеют права требовать от него и ответа на вопросы, ведущие к его обвинению. Из этого следует, что уголовное судопроизводство по необходимости составляется из двух видов противоположных доказательств: из положительных доказательств, представленных обвинителем, и отрицательных доказательств, представленных обвиняемым; из их сопоставления, какими бы очевидными они ни казались в отдельности, вытекает степень силы, которую должны иметь первые.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ПРЕДМЕТА

Не судьи должны устанавливать доказательства преступления, но судьям надлежит беспристрастно рассматривать те из них, которые им представляют, и высказывать свое суждение о том, достаточны ли они для объявления обвиняемого виновным. Они не должны, следовательно, решать против подсудимого на основании частных сведений, которые у них могли бы быть, и тем более — на основании подозрений; о том, что им не известно от обвинителя, они не должны знать, и все то, что не является юридически установленным, должно быть в их глазах недействительным. Пусть же они навсегда перестанут расставлять сети обвиняемому, стараться смущать его коварными вопросами, запутывать его в противоречиях и ложными обещаниями добиваться от него сознания в своем преступлении: эти старания чужды их обязанностям и недостойны их должности. Созданные для того, чтобы держать весы правосудия, они должны иметь в виду лишь торжество истины и имеют

право добиваться его лишь честными путями и справедливыми способами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ПРЕДМЕТА

Хотя судьи и не имеют права требовать от обвиняемого сознания в преступлении, которое ему вменяется, однако они могут принимать от него это сознание. Сделанное свободно, оно устраняет малейшее сомнение, и его достаточно для вынесения приговора.

В противном случае нужно изобличить виновного. Единственными, признаваемыми разумом способами его изобличения являются доказательство посредством свидетельских показаний и доказательство посредством поличного или следов преступления.

О НЕПРИЕМЛЕМЫХ СВИДЕТЕЛЯХ

Всякое свидетельство создает доказательство, лишь поскольку оно является истинным. Для того чтобы оно было истинным в глазах человеческого правосудия, которое не может проникать в сердца, нужно, чтобы не было никакого действительного основания сомневаться в способности суждения и в правдивости того, кто его приносит.

Таким образом, возраст слишком юный или слишком преклонный, слабоумие, безумие, пьянство, позорящее наказание, привычка ко лжи, нравы, не совместимые с чувством чести и порядочности, интимная связь с обвинителем, ненависть к обвиняемому, какой-нибудь интерес в том, чтобы погубить его или повредить ему, — всегда явятся вескими доводами к отводу свидетеля.

Однако возможно еще, что свидетель, хотя, повидимому, и безупречный, не будет приемлемым; но для этого нужно, чтобы его свидетельство имело признаки лживости, как, например, непоследовательность, изменчивость, противоречивость, или чтобы оно по хорошо установленным фактам было признано недействительным.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

«Свидетель, который утверждает, и обвиняемый, который отрицает, создают разделение голосов; чтобы покончить с этим, нужен третий». Таким образом, точное, ясное, одинаковое, неизменное и не признанное недействительным свидетельство двух, не подлежащих отводу лиц, которые клянутся в том, что они видели, как обвиняемый совершал преступление, в котором его обвиняют, или в том, что в тот самый момент, когда преступление было только что окончено, они нашли при нем либо орудие, либо поличное, — создаст полное доказательство против него.

Если непосредственно после совершения преступления при обвиняемом не было найдено орудия или поличного, показание свидетелей, являясь лишь косвенным доказательством, не будет считаться достаточным, поскольку защита подсудимого была бы основана

на ложных утверждениях, и обстоятельства, которые предшествовали совершению преступления, сделали бы его сомнительным.

Когда преступление оставляет несколько следов, то для полного доказательства не требуется, чтобы все признаки были установлены теми же самыми свидетелями и чтобы каждый признак был установлен двумя свидетелями, но нужно, чтобы их показания создали хорошо связанный состав обвинения и чтобы они взаимно не уничтожались ни в одном существенном обстоятельстве.

Хотя для осуждения обвиняемого всегда нужно полное доказательство и доказательство будет считаться таковым при наличии требуемых от него свойств, однако его очевидность должна соответствовать тяжести преступления. Чем тяжелее преступление, тем очевиднее должно быть доказательство, а когда преступление влечет за собой смертную казнь, то доказательство должно стать совершенно неопровержимым.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ ПОЛИЧНОГО

Когда поличное является несомненным и обнаружено при обвиняемом, если он стремился его спрятать, если при помощи самых убедительных фактов он не может доказать, откуда он его взял, и особенно если факты, на которые он сошлется в оправдание, оказываются ложными, он создает против себя очень сильное доказательство.

Это правило столь ясно, столь точно, столь отчетливо, что приводить отдельные примеры его применения было бы потерей времени, но необходимо снабдить его двумя общими замечаниями.

Важно, чтобы поличное было немедленно установлено большим числом свидетелей и чтобы оно даже было, если это возможно, доведено до общего сведения.

Бывают, однако, такие случаи, как, например, подлог, когда показание свидетелей является излишним. Поскольку обвинитель имеет подозрительный документ, то ему остается только предъявить его; если обвиняемый сознается или если, ссылаясь на то, что у него отобрали документ силой, он немедленно не протестовал против этого насилия, то доказательство преступления, которое документ содержит, станет полным.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Эти следы могут быть очень многочисленны, но важно допускать лишь те, которые не являются двусмысленными. При убийстве таковыми являются оружие, которым пользовался убийца и которое могло принадлежать обвиняемому, кровавые пятна, вскоре найденные на обвиняемом или на его следах, ведущих в его убежище, лоскут от его одежды, вырванный лицом, подвергшимся нападению, след или отдельное ранение, которое могло нанести ему подвергшееся нападению

лицо и которое оно указало, точное описание его примет, которое это лицо дало.

Если оно знало его лично и указало до своей смерти, то это объявление, присоединенное к некоторым твердо установленным признакам, сделает доказательство против обвиняемого полным.

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ

Природа доказательств должна соответствовать природе преступлений.

Если преступление редко может иметь свидетелей, то в качестве доказательств будут приниматься обстоятельства, которые его подготовили, которые его сопровождали и которые за ним следовали. Сюда относится случай незаконного сношения полов, почти всегда окутанный мраком тайны.

Для установления прелюбодеяния английские законы требуют доказательство, которое невозможно дать; я не буду о нем говорить из боязни испугать стыдливость. Но зачем прибегать к такому странному доказательству? Если муж застал свою жену, лежащую с мужчиной, или жена застала своего мужа, лежащим с женщиной, то это будет считаться таким же полным доказательством, как если бы их нашли в объятиях друг друга.

Что же касается незаконных связей, то для их установления достаточно поцелуя, данного и возвращенного или просто данного без сопротивления, тайной встречи, любовного письма, последовавшего после запрещения.

Всякая женщина может принести жалобу на обольщение лишь в случае беременности; но лишь соответствие ее показания^{*****} во время родовых мук с доказательствами, предъявленными в жалобе, создаст полное доказательство против обвиняемого.

Для установления увоза будет достаточно простого побега несовершеннолетней с совершеннолетним.

Что касается изнасилования, то для его установления нужно, чтобы потерпевшая принесла жалобу, как только она очутилась на свободе; нужно, чтобы она показала следы насилия на своем теле и чтобы она представила по крайней мере одного свидетеля, показывающего, что он слышал крики или застал жалобщицу отбивающейся от обвиняемого.

О ПРЕЗУМПЦИЯХ

Презумпции являются более или менее сильными доводами, склоняющими к признанию обвиняемого виновным. Они одни никогда не создают доказательства, но существенно увеличивают их силу и порой

^{*****} Это показание должно быть принято двумя судьями и секретарем. В жалобе будут приведены доказательства частого посещения или обещания жениться.

делают очевидными те доказательства, которые без их помощи казались бы сомнительными^{*****}.

Ввиду того, что значение их неодинаково, рассмотрим, чего стоит каждая из них; но начнем с приведения в порядок вещей, глядя на них с истинной точки зрения.

Все презумпции, которые возможно выдвинуть против обвиняемого, ограничиваются его нравственными свойствами и его подозрительными поступками, предшествовавшими преступлению или следовавшими за ним.

Первая презумпция, хотя и менее прямая, становится самой сильной из всех, если обвиняемый плохой нравственности, утратил доброе имя и в особенности если он заклеймен правосудием.

К числу подозрительных поступков, предшествовавших преступлению, следует отнести те, которые кажутся его подготовившими, как, например, сведения, полученные от потерпевшей стороны, частое хождение взад и вперед для ориентировки в местности, ложные слухи, распространяемые для внушения беспечности, подложные письма для введения в заблуждение, вымышленные предлоги для устранения надзирателей, приобретение необходимых для переодевания вещей, покупка оружия, яда, снотворных средств и т.п.

Подозрительные поступки после совершения преступления ограничиваются бегством и побегом из тюрьмы; сила этих презумпций, безусловно, связана с характером правления. В стране, где отправление правосудия внушает лишь страх, где невинно обвиняемый, тотчас же отданный жестоким исполнителям, подвергается ужасным мучениям, в стране, где беззащитный гражданин всегда долго ожидает торжества своей невинности и где он, если ему удастся спасти свою жизнь, обычно теряет свою честь, — проще уклониться от неминуемой гибели и избежать пропасти, куда всегда рискуешь быть низвергнутым.

Но в стране, где невинность всегда в безопасности, где слабость никогда не угнетается, где безупречная жизнь является надежной преградой для диффамации, где клевета падает на голову клеветника, где уголовное судопроизводство не страдает жестокой медлительностью, где несправедливое заключение влечет за собой возмещение и где закон страшен лишь для преступления, — у каждого имеется чувство безопасности, которое дает защита законов. Таким образом, поскольку обвиняемому нечего бояться тайных козней своих врагов, бегство и побег из тюрьмы должны внушить сильное подозрение в его вине.

Но для определения силы презумпций нужно их сравнить с прямыми доказательствами дела, с которыми они связаны.

Работа, в которой бы сочетались одно за другим доказательства и презумпции, была бы очень важна: предмет слишком пространный, чтобы обсуждать его в одном сочинении; дадим, однако, несколько примеров в применении к разным преступлениям.

^{*****} Во французском уголовном процессе многие презумпции отождествляются с косвенными уликами. — *Прим.ред.*

Два безупречных свидетеля, которые будут точно, ясно, одинаково и неизменно показывать, что незадолго до убийства какого-либо лица они видели обвиняемого наедине с ним, что затем они видели, как он бежал, не взывая о помощи^{*****}, дадут полное против него доказательство. Если установлено, что ранее у него были с убитым какие-то пререкания, что нанесенные удары не могли быть нанесены самоубийцей, что оружие, которым было совершено убийство, принадлежит обвиняемому или было найдено при нем, то, если только он при помощи сильнейших фактов не уничтожит их свидетельства, доказательство будет полным.

Если лицо, подвергшееся нападению, вырвало, отбиваясь, какую-нибудь часть или какой-нибудь лоскут одежды убитой, если оно оставило на нем какой-нибудь особый след, на который оно указывало до того, как последовала его смерть, если оно дало какие-нибудь точные сведения об убийце, то эти факты, подтвержденные двумя, не подлежащими отводу свидетелями и юридически установленные, дадут полное против него доказательство, если только он не представит сильнейших оправдательных фактов.

Если убийство усложнилось кражей, то часть вещей убитого лица, право собственности на которые было бы установлено двумя не подлежащими отводу свидетелями, найденная тотчас после убийства во владении обвиняемого, даст полное против него доказательство, если он не имеет безупречного характера, если он не может дать неоспоримых доказательств происхождения этих вещей или если те показания, которые он дал, оказываются ложными, наконец, если в то время, когда совершалось преступление, его видели неподалеку от места его совершения.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. О СПОСОБЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПРЕЗУМПЦИЙ ВО ВРЕМЯ СУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ТАК, ЧТОБЫ НЕ НАРУШИТЬ НИ СПРАВЕДЛИВОСТИ, НИ СВОБОДЫ И СОГЛАСОВАТЬ МЯГКОСТЬ С УВЕРЕННОСТЬЮ В НАКАЗАНИЯХ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ — С БЕЗОПАСНОСТЬЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ОБЩЕЕ ПРАВИЛО

Хотите ли вы, чтобы преступление было наказано, невинность защищена, человечность почитаема и свобода обеспечена? Сделайте правосудие публичным! Употребление стольких гнусных способов для приобретения доказательства преступления происходит вдали от глаз народа. Во мраке темниц бесчестные исполнители, переодетые злодеями, расставляют сети обвиняемому и стремятся приобрести его

^{*****} Для того чтобы этот признак был убедительным, совершенно понятно, что требуется закон, который предписывает тому, кто днем или ночью случайно окажется один возле убитого лица, остаться здесь, призывая, если он видит людей, на помощь, или, если он их не видит, поспешить поднять тревогу в ближайшем месте.

доверие, чтобы затем изменить ему. В мрачных убежищах тюрьмы бесчеловечные судьи, забывая о своем достоинстве, унижаются до обязанностей доносчика и для гибели несчастных употребляют коварство, которое ничем не стесняется. В неприступном суде заседают судьи, с ожесточением добивающиеся гибели невинного.

Народ никогда не заблуждается, если его вожди не позаботятся о его заблуждении. Даже в наиболее испорченные века он любит справедливость; истина всегда является его целью, и он хочет, чтобы ее достигали лишь честным путем. Пусть же каждый преступник будет судим перед лицом неба и земли.

Но не будем останавливаться на этом общем правиле: приступим к подробному рассмотрению постановлений, которые следует соблюдать при отправлении уголовного правосудия.

О ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

Если для общественной безопасности важно, чтобы преступление всегда было наказано, то для личной свободы важно, чтобы невинность всегда была защищена. Таким образом, чтобы иметь право взять обвиняемого под стражу, недостаточно одних подозрений; для этого, если только обвиняемый не является подозрительным или бродягой, требуется наличие существенных признаков его виновности. Именно по таким признакам судья уполномочен распорядиться о заключении под стражу.

О СУДЕБНЫХ ФОРМАХ

Если для взятия обвиняемого под стражу достаточно сильных признаков виновности, то для осуждения виновного нужны убедительные доказательства; эти доказательства должны быть предложены вниманию судей; способ же изобличения виновного является предметом уголовного судопроизводства.

Важно, чтобы расследование дела было подчинено незыблемым, точным, правильным формам, дабы не поступать произвольно в самом важном деле на свете. Эта часть уголовного законодательства заслуживает поэтому глубочайшего внимания. Необходимо не только установить все его действия и форму каждого действия в отдельности, но и обеспечить соблюдение установленных правил и признать недействительным все, что было бы совершено, вопреки им. Судебные формы необходимы еще в одном отношении. Заставляя судью идти шаг за шагом, они предохраняют его от необдуманных решений. Направляя его ум на все существенные вопросы, они предохраняют его от губительных упущений. Благодаря всем этим предосторожностям, принятым для того,

чтобы добиться истины, законодатель показывает, насколько он ценит человеческую свободу, честь, жизнь. Заставляя преступников чувствовать, каким обдуманным и беспристрастным является осуждающий их приговор, он оправдывается в их глазах.

ОБ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Оно начинается с обвинения. Необходимо, чтобы судья, который получил жалобу с обвинением, представил ее так же, как и показание свидетелей, которые немедленно будут выслушаны, в канцелярию суда.

О СПОСОБЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Каким образом заменить расследования, которыми занимаются прокурор и розыски доносителей, этот столь губительный для нравственности и столь роковой для свободы обычай? Посредством мудрых полицейских постановлений. Пусть для изобличения виновных прибегнут к способам, употребляемым для их поимки. Таким образом, закон создаст обязанность сообщения потерпевшей стороне того, что можно знать в отношении преступления. С первого взгляда эта обязанность кажется очень тяжелой; но кто сможет отказаться от нее, когда он поразмыслит о том, что заботы, беспокойство, хлопоты, которых она порой требует, являются ценой, которую каждый должен уплатить за свою безопасность.

Впрочем, справедливо, чтобы свидетели были вознаграждены за издержки, которые они будут принуждены сделать, и за потерю времени, которое они затратят для содействия судебному расследованию. Для вознаграждения их государство образует особый фонд, составляемый из поступлений от невысокого налога со всех граждан. Из этих денег будут черпаться также суммы, необходимые для отправления правосудия, ибо важно, чтобы оно было бесплатным.

ОБ ОБРАЩЕНИИ С ОБВИНЯЕМЫМИ ВО ВРЕМЯ ИХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Сколько жестокостей, злодейств, варварства употребляется в отношении несчастных, нарушивших общественный порядок. А если они обвиняются в преступлении, достойном наказания, то общество тотчас же порывает с ними все связи, утрачивая в отношении их малейшее чувство человечности. Мало того, что их заковывают в кандалы, бросают в ужасную темницу и безжалостно отдают во власть тюремщика, который обрушивает на них всю свою ярость. Это — гнусные злоупотребления, заслуживающие скорейшего уничтожения, ибо в каком бы преступлении эти несчастные ни были виновны, для того чтобы наказать их, никогда не следует ни нарушать справедливость, ни наказывать их сверх наказания, предусмотренного законами.

До тех пор пока обвиняемый не изобличен в глазах своих судей, с ним не имеют права обращаться, как с виновным. Его заключение преследует лишь цель иметь его в своем распоряжении, до тех пор пока преступление не доказано, ибо наказывать за преступление следует лишь

---

* Пусть будет дозволено нарушать этот закон лишь в случае государственной измены и только тогда, когда ради спасения государства не может быть допущен обычный медленный ход дела. Но непосредственно после взятия подозреваемых под стражу их надлежит доставить в суд для возбуждения преследования.

один раз. Таким образом, не надо никаких тяжелых цепей, которые жадный тюремщик может обменять на более легкие**, никаких орудий, причиняющих непрерывную пытку, никаких мрачных темниц, где хиреют в гнилости.

Конечно, у заключенного надо отнять все то, из чего он мог бы сделать себе оружие, все то, чем он мог бы злоупотребить; пусть его тюрьма будет крепкой, но здоровой и пусть его оковы помешают ему бежать, не обременяя его.

Во всякой стране, где за долги заключают в тюрьму, нужно особенно внимательно относиться к тому, чтобы никогда не смешивать с преступниками несостоятельных должников: обитель преступления не должна быть обителью несчастья. Пусть представят себе на мгновение ужасное положение честного человека, который за то, что был одурачен каким-нибудь ловким плутом, видит себя заточенным со злодеями. При виде своих товарищей по неволе тоска, которая его снедала, временно утрачивает свою горечь, в его душе поднимается негодование и заглушает в ней всякое другое чувство; его сердце сжимается от боли, его кровь застывает от ужаса, он в страхе отступает; ночь проходит в тревоге и бешенстве, день снова наступает лишь для того, чтобы осветить его отчаяние. Время, которое успокаивает самое сильное горе, под конец ослабляет ужас его положения. Предоставленный самому себе, он размышляет о том, как различна в этом мире судьба людей; потом, отдавшись этим мрачным размышлениям, он проклинает жалкую бесполезность добродетели. Мало-помалу всякое чувство чести изглаживается из его души, и если он, наконец, возвращается в общество, то будьте уверены, что вы сделали из него нечестного человека, если только от горя он не лишился рассудка. Вот весьма обычные последствия простого отсутствия правильного распорядка.

Особое внимание нужно обратить и на другое — а именно на то, чтобы не смешивать мелких правонарушителей с крупными преступниками: первые еще могут быть полезными подданными, но чем они станут после сношений со злодеями?

Даже мелкие правонарушители не должны размещаться вместе; они развратили бы друг друга.

Наконец, особое внимание надо обратить на то, чтобы не соединять крупных преступников вместе, особенно если они имеют соучастников.

Важно поэтому, чтобы полицейская тюрьма и тем более гражданская тюрьма не являлись уголовной тюрьмой и чтобы в последней каждый заключенный имел отдельное помещение. Но, скажут, какие понадобились бы громадные тюрьмы. Напрасный страх: при введении рекомендованных мною постановлений обычные тюрьмы окажутся еще слишком большими. У нас едва найдется несколько виновных, которых нужно будет наказывать.

** Богач даже в оковах испытывает зловещее влияние своего золота, тогда как наиболее тяжелое бремя в обществе всегда падает на плечи бедняков, которых нам следовало бы оберегать.

Распорядок в тюрьмах не должен быть предоставлен усмотрению тюремщиков. Условия содержания различных преступников устанавливаются законом. Пусть всеми уважаемый судья время от времени посещает эти печальные места и принимает жалобы несчастных заключенных; пусть он наведет порядок среди безжалостных стражей.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ПРЕДМЕТА

Закон не может осудить обвиняемого, не предоставив ему способов защитить себя. В силу того, что он может находиться в тюрьме лишь на время, необходимое для того, чтобы доказать свою виновность или невиновность, через двадцать четыре часа после его взятия под стражу ему должна быть вручена копия обвинительных пунктов по его делу, с указанием обвинителя и свидетелей. Его родным, друзьям и знакомым должен быть предоставлен свободный доступ, он должен иметь перо, чернила, бумагу и другие необходимые для подготовки защиты средства. Даже будучи в оковах, человек должен знать, что он свободен, что никто не может его притеснять и что ему нечего бояться, если он не нарушил закон.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ПРЕДМЕТА

Богач со своим золотом почти всегда может безнаказанно быть вероломным. Невинность без состояния часто угнетается. Для предупреждения этих злоупотреблений в каждом городе пусть назначат адвоката для бедных, обязанного защищать несчастных, не способных защищаться самим.

ОБ УГОЛОВНОМ СУДЕ

Если для защиты невинности нужны законы, то важно, чтобы судья никогда не мог стать грозным для обвиняемого.

Учреждение комиссаров вместо судей явилось бы крайне возмутительным злоупотреблением, ибо всегда покорные приказам назначающего их повелителя, они сообразуются лишь с его желаниями.

К тому же это злоупотребление могло бы лишь способствовать деспотизму: когда невинность граждан не обеспечена, то не обеспечена также и их свобода. По той же причине крайне возмутительным злоупотреблением было бы подчинение государю уголовных судов: они должны быть от него совершенно независимыми.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ПРЕДМЕТА

Если бы одни только познания и добродетели давали право на занятие судебных должностей, то, конечно, следовало бы, чтобы в государстве имелось постоянное сословие, уполномоченное карать нарушение законов. Можно было бы во всем положиться на мудрость этих богов-покровителей, и нечего было бы опасаться их страстей. К несчастью, эти должности почти всегда являются уделом рождения,

влияния, интриги, часто даже они являются наградой за деньги; те, которые ими обладают, подвержены всем несовершенствам человеческой природы. Покажем, как много они имеют недостатков.

Хотя судьи постоянно имеют дело с преступлениями, нужно, чтобы при отправлении своих обязанностей они были беспристрастны, как законодатели, которые оправдывают или наказывают без любви или ненависти. Но почти невозможно, чтобы пожизненные судьи не приобрели в скорости некий сословный дух. Как же сохраняют они этот дух умеренности, если вопрос будет идти о мести за кого-нибудь из их коллег? Как осудят они одного из своих членов, если они будут связаны честью отказать в этом? Если даже обвиняемый захочет лишь отвода каких-нибудь членов их компании, то как воспользуется он этим драгоценным правом безнаказанно?

Когда судейское сословие является постоянным, то всегда известно, к кому обратиться для подкупа; это — неудобство, которое исчезает, коль скоро судьи избираются лишь для отдельного дела.

Постоянный суд более опытен в делах, чем суд временный, я согласен с этим; но если привычка судить дает знания, то она не располагает к тому, чтобы их употребляли с пользой. В силу того, что перед глазами постоянно проходила черная нить преступления, разум возмущается, нрав ожесточается, о людях мало-помалу получается мрачное представление; против обвиняемого возникает предубеждение, и скоро в нем хотят видеть только виновного. В силу того, что имеются виновные, которых следует наказывать, сердце закрывается для сострадания, оно делается нечувствительным к невзгодам человеческого существования, оно привыкает к крови. От этого несчастья нет средств: в течение долгого времени отправления судейской должности люди по незаметной наклонной плоскости катятся ко злу и никакие усилия не могут вернуть их к добру. Таким образом, приговоры пожизненных судей могут подсаживаться предрассудком, очерствением, презрением к правам человечества, гордостью, интригой, коварством, продажностью и множеством других гнусных мотивов; этого нечего опасаться со стороны судей, избираемых лишь на день.

Итак, следовательно, невозможно рассчитывать на справедливость постоянного суда, поэтому нужно, чтобы суд был временным; но этого еще мало. В наименее испорченные века как мало людей имеют достаточно благородную душу, чтобы возвыситься над пошлыми предрассудками и смотреть на всех людей одинаковыми глазами. Богач, хотя он сделан из того же теста, всегда будет презирать бедняка, а бедняк всегда будет завидовать богачу; сильный всегда будет гнушаться слабым, а слабый всегда будет ненавидеть сильного. Как же заинтересовались бы они друг другом, или, вернее, как посмотрели бы они друг на друга беспристрастным оком?

Для того чтобы избежать всякого опасения пристрастности и внушить доверие к справедливости суда, важно, чтобы каждый был судим себе равным; и пусть не говорят, что мало кто из людей способен достойно выполнять обязанности судьи. Кто не видит, что они требуют

более честности, чем познаний? И так как они ограничиваются суждением о действительности факта, доказанного до очевидности, то каждый человек, обладающий здравым смыслом, может заседать в уголовном суде.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ЖЕ ПРЕДМЕТА

Часто мудрец видит лучше, чем целый народ; но если говорить лишь об обыкновенных людях, то несколько людей видят лучше, чем один человек. Обсуждая какой-нибудь вопрос, они взаимно просвещаются, и от столкновения мнений рождается истина.

Однако так как интересы граждан надо примирять с безопасностью обвиняемого, то следует остановиться на определенном числе судей: число двенадцать кажется достаточным. Эти двенадцать судей будут возглавляться пожизненным судьей, назначенным для того, чтобы быть орудием закона, и при этом судье будет находиться секретарь.

Требование об единогласном решении даже в отношении совершенно очевидного факта является излишним. Способы, употребляемые для достижения этого единогласия в Англии, хорошо показывают, что оно является лишь видимостью. Один присяжный, который не побоялся бы поголодать в течение суток, мог бы всегда склонить других к своему мнению, как бы нелепо оно ни было. Но так как в делах большой важности решение суда должно быть принято подавляющим большинством, то приговор будет законным лишь если он соберет по крайней мере три четверти голосов.

О СРОКАХ ПРОИЗВОДСТВА ДЕЛ

Если уголовный суд заседает постоянно, то, прежде чем обвиняемые предстанут перед ним, им надо дать некоторый срок для того, чтобы подготовиться к защите. Если он заседает время от времени, то они обязаны приготовить свою защиту в промежутке между двумя сессиями.

В случае обольщения дело, начатое в момент принесения жалобы, может быть окончено лишь через шесть недель после родов.

Также должно быть поступлено и в случае какой-либо тяжелой болезни обвиняемого.

О СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

Оно должно происходить лишь в открытом заседании суда. Немедленно после того как председатель объявит дело к слушанию, секретарь представляет ему подлинник представленного обвинения жалобщика и показания свидетелей.

Заклученный, освобожденный от оков, будет поставлен тюремщиком к одному из концов перегородки, отделяющей судей от публики; обвинитель будет помещен на другом ее конце, а свидетели каждой стороны будут отведены в отдельные комнаты, закрытая дверь которых будет охраняться изнутри стражником. Из опасения сговора между ними им будет предписано полнейшее молчание.

После того как все будет таким образом размещены, председатель спросит у обвинителя, известен ли ему заключенный и что он может против него сказать. Обвинитель обязан отвечать ясно, определенно, категорично. Как только его ответы будут записаны секретарем, председатель потребует доказательств вменяемого преступления, а обвинитель обязан представить их по порядку, ограничиваясь исключительно фактами^{***}. Если эти ответы даны в письменном виде, то секретарь громко прочтет их, а председатель спросит у обвинителя, соответствует ли то, что он только что слышал, тому, что он хотел сказать. Тогда жалобщик будет волен изменить или прибавить то, что он сочтет уместным; ему прочтут это вторично, и он обязан держаться этого и подписаться под этим.

Затем секретарь прочтет обвинение, сделанное на судебном заседании, и председатель сравнит его с обвинением, содержащимся в жалобе. Если эти обвинения противоречивы в каком-нибудь существенном факте или если они существенно изменились, то жалоба отпадает и обвиняемый будет оправдан.

Но если бы они изменились лишь в каком-нибудь незначительном обстоятельстве или благодаря какому-нибудь добавлению к последнему, то жалоба сохраняет всю свою силу.

Потом секретарь снова последовательно прочтет председателю обвинительные пункты и председатель потребует представления доказательств в том же порядке.

Свидетели со стороны обвинителя будут заслушаны, но отдельно. По мере появления каждого из них на судебном заседании председатель приведет его к присяге в том, что он будет говорить правду, а затем спросит его, знает ли он подсудимого и может ли он что-нибудь показать против него. Свидетель, поразмыслив, обязан отвечать категорически утвердительно или отрицательно. Если ответ является отрицательным или неопределенным, то свидетель не будет допущен; если ответ утвердительный, то председатель спросит у заключенного, нет ли у него оснований для отвода этого свидетеля; если подсудимый приводит законные основания, то свидетель не будет допущен, если он не приводит их вовсе или если они негодны^{****}, то свидетель допускается.

После того как свидетель допущен, председатель будет задавать ему вопросы, относящиеся к обвинению жалобщика. Они будут касаться года, месяца, дня, часа, места совершения преступления, характера и обстоятельств преступления, личности и одежды преступника во время совершения преступления.

---

^{***} Красноречие – хорошая вещь, но оно должно быть изгнано из справедливого суда. Внушая судьям ненависть, сострадание, милосердие, лъстя их тщеславию, их гордости, возбуждая в глубине их души самые сокровенные страсти, сколько раз подкупало оно их приговор и вооружало их против невинного в пользу виновного.

^{****} Поскольку основания для отвода устанавливаются законом и являются допустимыми лишь если они действительны, то суд по требованию председателя будет рассматривать приведенные обвиняемым основания немедленно.

Когда ответы и вопросы будут записаны секретарем, подсудимый представит свои оправдания, если они у него есть; затем он будет задавать свидетелю вопросы, могущие выявить ложность показания, если оно не соответствовало истине, с тем, однако, чтобы обвинитель был допущен к отводу свидетелей обвиняемого, если он, со своей стороны, имел какое-нибудь законное основание для отвода. Вопросы подсудимого и ответы свидетеля будут записаны секретарем. В случае, если подсудимый, чтобы выиграть время, удалится от предмета, председательствующий должен позаботиться о том, чтобы вернуть его к делу.

Все только что сделанные замечания по поводу допроса одного свидетеля относятся к допросу и всех прочих.

После того как стороны заслушаны, должны быть сравнены показания каждого свидетеля, сделанные на судебном заседании, с показанием, сделанным в присутствии судьи, принявшего жалобу, тем же способом, каким сравнивают обвинения обвинителя. Обвинения, которые окажутся противоречивыми или которые изменятся по существу, будут отброшены. Что касается других, то показания каждого свидетеля сравнят между собой, и если они окажутся противоречивыми по существу дела или по существенным обстоятельствам преступления, то они также будут отброшены. Но если они единодушны, то они подвергнутся третьему рассмотрению: их сравнят с оправданиями обвиняемого и допустят в качестве доказательств лишь те, которые не будут уничтожены или лишены силы.

Таким образом, в ходе судебной процедуры начнут с проверки обвинения, затем устранят ложные или возбуждающие подозрение показания, далее соберут истинные показания, которые составят сущность доказательств. Тогда председатель вкратце изложит эти доказательства судьям, покажет им сильные и слабые стороны этих доказательств, и судьи на основе этого резюме вынесут свой приговор.

Но так как доказательства могут быть обманчивыми, недостаточными или недействительными, то постоянной формулой приговоров будет: «виновен, не изобличен или невинен».

ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРОВ

Нужно ли пересматривать дело, когда решают лишь о факте? Иногда это может быть необходимым, но если судьи ошиблись, то апеллировать к ним может присутствующая публика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если для общественной безопасности важно взять под стражу невинного, в отношении которого имеются очень сильные подозрения, то для общественной свободы не менее важно искупить в отношении него то, что он вытерпел за общее дело. Это можно сделать лишь вознаградив его за понесенный ущерб. Ему предоставят, следовательно,

вознаграждение, соразмерное не только с ущербом, который он потерпел, но и с нездоровьем, которое он перенес, с беспокойством, которое он испытал, с огорчением, которое он почувствовал.

Что касается виновного, то, если доказательство его преступления является неполным и в отношении его не установлено ничего серьезного, он будет оправдан и выпущен на свободу.

Если он обвиняется в преступлении, караемом смертной казнью, и в отношении его существуют сильные презумпции, то его будут продолжать держать под стражей впредь до выяснения дела. Он будет поэтому заключен в смиренный дом и принужден к работам, чтобы заработать себе на жизнь, но в отношении него не будет допущено никакое дурное обращение.

Когда обвиняемый изобличен, то председателю — орудию закона — надлежит объявить наказание, установленное за вменяемое преступление законом, и вынести приговор над виновным.

Остается сделать его казнь примерной. Я собирался добавить... Но я слышу жалобный голос природы, мое сердце сжимается, и перо выпадает у меня из рук.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1777 г. Бернское экономическое общество объявило конкурс на составление проекта уголовного законодательства. Участие в этом конкурсе принял ряд авторов. В числе их был Марат¹, ставший пятнадцать лет спустя одним из выдающихся деятелей якобинцев.

Труд Марата, озаглавленный «План уголовного законодательства», не был премирован Бернским экономическим обществом; идеи, содержащиеся в этом произведении, не могли встретить сочувствия у жюри конкурса.

Первое издание «Плана уголовного законодательства» датировано 1780 г. Оно было выпущено в Швейцарии, проникло во Францию в ограниченном количестве экземпляров и было сильно изуродовано королевской цензурой. Лишь в 1790 г. Марат получил возможность издать свой «План» во Франции в исправленном и дополненном виде (это издание и положено в основу настоящего первого полного перевода его на русский язык).

После смерти Марата «План уголовного законодательства» получил крайне незначительное распространение. В буржуазной уголовно-правовой литературе имя Марата как теоретика уголовного права всячески замалчивается, а его теория подвергается чудовищным искажениям. Не явилась исключением и русская дореволюционная буржуазная уголовно-правовая литература (см., например,

¹ Жан Поль Марат родился в 1743 г. в Швейцарии; изучал медицину. С 1776 г. поселился в Париже. Занимался медицинской практикой и научной деятельностью в различных отраслях естествознания и общественных наук. Его перу принадлежит ряд научных работ. В 80-х годах перешел к политической деятельности и был одним из наиболее крупных революционных деятелей французской буржуазной революции. Издавал многочисленные ярко революционные памфлеты и газету «Друг народа». Защищая интересы народных масс, считал революцию незаконченной и призывал к ее продолжению. В 1793 г. был предательски убит по наущению политических противников.

проф. М.П.Чубинский, Очерки уголовной политики, изд. 1905 г., стр. 287—289, 290—292, 309). Лишь в работе проф. М.Н.Гернета «Общественные причины преступности», изд. 1906 г. [текст можно скачать: http://www.koob.mhost.ru/books/legal_psychology/socialnie_faktori_prestupnosti.rar], была сделана попытка раскрыть революционный характер уголовноправовой теории Марата.

Буржуазные юристы-криминалисты охотно цитируют и неизменно превозносят уголовноправовые теории Montesquieu и Вольтера, Беккариа и Бентама, Ариозо де Варвилля и других. Но когда речь идет о характеристике уголовноправовой теории Марата, пресловутый «объективизм» буржуазных ученых изменяет им, и они не жалеют эпитетов для самой отрицательной характеристики Марата и его труда. В том, что созданная более 170 лет тому назад революционная теория уголовного права Марата всегда искажается, извращается, принижается или замалчивается буржуазными криминалистами, нельзя не усмотреть продолжения и проявления той общей линии, которую заняла вообще буржуазная наука в отношении Марата. «Все яростные вопли и вся фальсификация истории, искажившие на целых сто лет истинный облик Марата», — писал Энгельс, — объясняются только тем, что он безжалостно разоблачал врагов трудящихся, врагов революции, изменников родины и мужественно призывал к дальнейшему развитию революции.²

Ленин указывал, что «буржуазии свойственно ненавидеть якобинство».³ В суждениях буржуазных ученых о Марате сказывается та животная ненависть эксплуататоров к революционным массам, о которой товарищ Сталин пишет: «Как раньше, в период падения феодализма, слово «якобинец» вызывало у аристократов всех стран ужас и омерзение, так и теперь, в период падения капитализма, слово «большевик» вызывает у буржуазии всех стран ужас и омерзение».⁴

В советской уголовноправовой литературе до сих пор не было уделено должного внимания освещению уголовно-правовой теории Марата, а в тех работах, в которых она частично освещена, содержатся ошибочные положения (см. Уголовное право, часть общая, 1948; А.Герцензон, Уголовное право, часть общая, изд. 1948; его же, К изучению истории уголовноправовых теорий XVIII—XIX вв., 1947). Так, ошибочным явилось отнесение Марата к числу представителей прогрессивно-гуманистического направления, наряду с Беккариа и Бриссо (Герцензон), а также признание Беккариа таким же другом народа, как и Марат (Б.Утевский).

Отсутствие полного перевода труда Марата «План уголовного законодательства» на русский язык являлось одной из причин недооценки его значения.

* * *

«План уголовного законодательства» Марата был написан в конце семидесятых годов XVIII в. — в канун французской буржуазной революции, в условиях, когда, как указывал Энгельс, «государственный строй оставался феодальным, тогда как общество становилось все более и более буржуазным».⁵

Углублявшиеся и обострившиеся противоречия между развитием производительных сил и существовавшими старыми феодальными производственными отношениями явились той основой, которая вызвала

² К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.VI, стр.8—9.

³ В.И.Ленин, Соч., изд. 4-е, т.25, стр.102.

⁴ И.Сталин, Соч., т.10, стр.247.

⁵ Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр.98.

появление — еще в недрах самого феодального общества — новых политических, правовых, философских и иных взглядов выходящей на политическую арену буржуазии. Характеризуя Францию конца XVIII в., товарищ Сталин говорит: «Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов».⁶ В условиях назревавшей революции во Франции широкое распространение приобретают политические идеи, которые поставили «в порядок дня требование освобождения от феодальных оков и установления правового равенства путем устранения феодальных неравенств».⁷

В этих условиях идеологи идущей к власти буржуазии выступают с прогрессивными для своего времени идеями — они выступают против самого феодального строя, против феодального государства и права. Защищая интересы своего класса, они выступают от имени всего общества. «Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего».⁸ Направляя острие своей критики на разоблачение суеверий и несправедливости, привилегий и угнетения, царящих в обществе, представители этого выходящего на политическую арену класса противопоставляют им идеи вечной истины и справедливости, всеобщего равенства и неотъемлемых прав человека.

За этой внешней идеологической формой скрывалось, однако, реальное, классовое, притом чисто буржуазное содержание. Выступая в качестве защитницы интересов всего придавленного феодальным строем общества, буржуазия на деле преследовала свои узко классовые буржуазные цели. И «царство разума», по меткому выражению Энгельса, оказывалось лишь «идеализированным царством буржуазии», а сам «вечный разум» — идеализированным рассудком буржуа.

В области уголовного права к семидесятым годам XVIII в. появляется ряд трактатов и памфлетов, в которых находят свое воплощение правовые идеи идущей к власти буржуазии. Монтескье и Беккариа, Вольтер и Бриссо де Варвилль и многие другие подвергают очень острой критике феодальные уголовные законы и феодальный суд и намечают план реформы уголовного законодательства, основанный на равенстве, справедливости, законности, гуманности. Эти идеи, несомненно, были для своего времени весьма прогрессивными, ибо они были направлены против феодального строя, против феодального уголовного права.

Но вместе с тем нельзя упускать из виду, как говорит Энгельс, «что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была — буржуазная собственность».⁹ Не удивительно поэтому, что когда буржуазия пришла к власти и использовала политические и правовые идеи своих просветителей для прикрытия подлинной классовой сущности своего государства и права, то «установленные «победой

разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей».¹⁰ Эти политические и правовые идеи просветителей были использованы буржуазией, ставшей господствующим классом, для прикрытия угнетения и подавления эксплуатируемых масс, для маскировки террористических методов расправы с ними.

Было бы, однако, ошибочным представление о том, что эти идеи характеризовали собой и правосознание широких масс трудящегося и эксплуатируемого народа. Правда, буржуазия и ее идеологи в то время выступали в борьбе с феодальным строем не только от своего имени, но и от имени всех угнетенных феодализмом масс. Это объяснялось тем, что «пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитого класса или части класса».¹¹ Но нельзя упускать из виду, что в ту эпоху революционные выступления городской и деревенской бедноты сопровождалась и революционными требованиями, отражающими их насущные классовые интересы. В этих требованиях находило свое воплощение и революционное правосознание трудящегося и эксплуатируемого народа. «С того момента, — указывает Энгельс, — когда буржуазия вылупляется из феодального бюргерства, превращаясь из средневекового сословия в современный класс, ее всегда и неизбежно сопровождает, как тень, пролетариат. Точно так же буржуазные требования равенства сопровождаются обыкновенно пролетарскими требованиями равенства.

С того момента, как было выдвинуто буржуазное требование уничтожения классовых привилегий, рядом с ним выступает и пролетарское требование уничтожения самих классов, сначала — в религиозной форме, примыкая к первоначальному христианству, а потом — на основе самих буржуазных теорий равенства. Пролетарии ловят буржуазию на слове: равенство должно быть не только мнимым, оно должно осуществляться не только в сфере государства, но и быть действительным, оно должно проводиться и в общественной, экономической сфере. И именно с тех пор, как французская буржуазия, начиная с великой революции, выдвинула на первый план гражданское равенство, — французский пролетариат немедленно вслед за этим ответил требованием социального, экономического равенства, и требование это стало боевым кличем, характерным как раз для французских рабочих».¹²

Эти положения Энгельса позволяют уяснить социально-политический смысл уголовноправовой теории Марата. Основы этой теории были созданы Маратом задолго до начала революции, и это не могло не наложить своего отпечатка на его взгляды. Однако и тогда, в семидесятых годах XVIII в., используя некоторые принципы, сформулированные идеологами идущей к власти буржуазии, используя, в частности, некоторые положения Монтескье, Беккариа и других, Марат вкладывал в них иное социально-политическое содержание. Марат, ставший в годы французской революции одним из пламенных вождей якобинской диктатуры, неустранимым борцом за интересы трудящегося и эксплуатируемого народа, еще до революции сумел выявить свое отношение к трудящимся массам, став безоговорочно на их защиту. Красной нитью проходит через все труды, через всю деятельность Марата идея борьбы за интересы трудящегося, эксплуатируемого, обездоленного, систематически подавляемого народа, идея

⁶ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 609.

⁷ Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 99.

⁸ Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 16.

⁹ Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 17.

¹⁰ Там же, стр. 241.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 54.

¹² Ф. Энгельс, цит. соч., стр. 100.

борьбы с эксплуататорами и тиранами, идея разоблачения массовых кровавых, чудовищных преступлений, безнаказанно совершаемых тиранами и эксплуататорами, идея необходимости осуществлять в отношении их суровые кары.

Не удивительно поэтому, что буржуазные «ученые» — историки, политики, юристы, социологи — с такой ненавистью отзываются о Марате, о его научной и политической деятельности, называя его «чудовищем», «апостолом резни» и тому подобными прозвищами.

Марат явился ярким представителем идеологии «самых низших слоев городской и сельской бедноты».¹³ И его «План уголовного законодательства» является выдающимся произведением революционной литературы последней четверти XVIII в. — произведением, в котором уже ясно проглядывают черты будущей яковинской теории уголовного права.

Вопросы уголовного права привлекали внимание Марата и до подготовки им «Плана уголовного законодательства». В ряде его других работ, как «Польские письма» и в особенности «Цепи рабства», он касается и вопросов уголовного права, но специально эти вопросы были рассмотрены именно в «Плане уголовного законодательства».

Оценивая «План уголовного законодательства», необходимо иметь в виду конкретные исторические условия, в которых создавался этот труд Марата, — французское общество в начале последней четверти XVIII в., полицейское государство, полицейский произвол, свирепая цензура, господство королевской и церковной власти, тираническая власть аристократии, придавленное положение третьего сословия, ничем не прикрытая зверская эксплуатация городской и деревенской бедноты. В силу этого Марат лишен был возможности полным голосом формулировать свои революционные положения и излагал их в весьма осторожной, подчас завуалированной форме, имея в виду представить свой труд на конкурс. Однако изложенный и в такой форме, его труд оказался «крамольным» — не был удостоен премии и изуродован цензурой.

«План уголовного законодательства» охватывает все основные вопросы уголовного права и уголовного процесса. В первой части излагаются общие принципы уголовного законодательства. Во второй части рассматриваются основные виды преступлений, сгруппированные по главам. Третья и четвертая части посвящены организации суда и уголовному судопроизводству. Не являясь законченным проектом уголовного и уголовно-процессуального кодексов, «План» содержит все основные их элементы.

В введении к «Плану» и в первой его части, озаглавленной «Об основных принципах хорошего законодательства», Марат формулирует свои взгляды на коренные вопросы уголовного права.

Марат считает, что невозможно создать проект такого уголовного кодекса, который был бы пригодным для любой нации и для любой исторической эпохи. Глубоко возмущаясь несправедливостью и жестокостью феодального уголовного права, придавая большое значение развитию новой философии, новых знаний для разоблачения суеверий, гнета и произвола, Марат призывает людей, угнетенных феодальной тиранией, разбить сковывающие их цепи. В своем проекте изменения уголовного законодательства Марат последовательно и неуклонно проводит мысль о том, что уголовные законы нации, освободившейся от тирании, коренным образом отличаются от уголовных законов нации, находящейся под гнетом тирании. Поскольку Марат писал свой проект в условиях, когда французский народ еще находился под властью феодальной тирании, в его проекте большое

внимание уделено задаче смягчения, улучшения уголовных законов, уничтожения сословного неравенства наказаний, обеспечения охраны интересов эксплуатируемых масс, ограничения произвола феодального суда, внедрения принципа законности, соответствия наказания тяжести совершенного преступления и т.д. Но Марат не ограничивается этими предложениями, он идет гораздо дальше и везде, где это представляется возможным, развивает принципы уголовного права, предназначенного для свободной и счастливой нации. В своем «Плане» Марат постоянно отмечает: «Я пишу для свободных людей».

Марат уделяет большое внимание раскрытию, разоблачению (классовой природы феодального уголовного права, разоблачению многочисленных преступлений, безнаказанно совершаемых эксплуататорами, тиранами, государственными чиновниками, торговцами, спекулянтами. Он рисует мрачную картину низости, мерзости, подлости, измены, варварства, жестокости, характеризующих преступное поведение людей, принадлежащих к господствующим классам. Марат выдвигает общий принцип уголовного права: «Покорить преступление, не нарушая справедливости, это значит: обуздать злых, защитить невинных, избавить слабых от притеснения, вырвать меч из рук тирании, поддержать порядок в обществе и обеспечить спокойствие его членов».

Давая характеристику общественной жизни, Марат стремится показать раздирающие общество классовые противоречия. История человечества рассматривается им как история тирании на одной стороне и рабства на другой стороне. В ярких образах рисует Марат жизнь трудящегося и эксплуатируемого народа, против которого направлено острие всех законов. Марат раскрывает классовую сущность уголовных законов. Законы — это приказания власть имущих, которые беспрепятственно и безнаказанно меняют и нарушают их. В обществе, указывает Марат, бедный отдается на милость богатого, сильный притесняет слабого и весь общественный порядок, или, точнее, беспорядок, сводится к тому, что бедняки рождаются, живут и умирают, будучи поработанными сильными, богатыми тиранами.

Власть законов — это «скрытая тирания ничтожного меньшинства над большинством». Именно этим обстоятельством Марат объясняет жестокость, несправедливость, трагичность законов. Законодателя утратили в отношении бедняков всякое чувство человечности. И Марат приходит к выводу о необходимости уничтожения я старых порядков, и старых законов, и в особенности — классового неравенства. «Да погибнут же, наконец, эти основанные на произволе законы, созданные для благополучия нескольких индивидов во вред роду человеческому; да погибнут также эти гнусные различия, которые делают одни классы народа врагами других и которые приводят к тому, что массы должны сокрушаться по поводу благополучия ничтожного меньшинства, а ничтожное меньшинство должно бояться благополучия масс».

В обществе, указывает Марат, имеется большое число людей, совершенно лишенных благополучия, живущих в постоянной нужде и нищете, лишенных всяких прав. Обязаны ли эти люди подчиняться законам, в составлении которых они не принимали никакого участия и которые их всячески притесняют, угнетают? На этот вопрос Марат дает отрицательный ответ: люди, покинутые обществом, не обязаны соблюдать подобных законов. Более того, они имеют право силой добиваться своих неотъемлемых прав.

«Будучи связаны с обществом одними лишь невыгодами, обязаны ли они уважать его законы? Конечно, нет: если общество их покидает, они возвращаются в естественное состояние; и если они силой требуют прав, от которых они отказались лишь для того, чтобы обеспечить себе большие выгоды, то всякая власть, которая будет сопротивляться этому, является тиранической, а судья, приговаривающий их к смерти, — лишь подлым убийцей».

¹³ В.И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 10, стр. 339.

По мнению Марата, общество только тогда может наказывать нарушителей законов, когда оно выполнило свои обязанности перед всеми гражданами и создало условия для их обеспеченного существования.

Характеризуя жизнь эксплуатируемых масс, Марат указывает, что те условия жизни, в которые они повергнуты тиранами, понуждают их к совершению преступлений. Поэтому Марат считает недостаточным лишь отказаться от существующей в отношении бедняков карательной системы. Необходимо, помимо того, устранить те несправедливости, которые существуют в обществе и которые состоят в эксплуатации, в притеснении неимущих. Целью уголовного закона, по мнению Марата, является не столько кара, сколько предупреждение преступлений. Необходимо обеспечить трудом всех неимущих, обучить их ремеслам, создать общественные мастерские, изъять в пользу неимущих церковную собственность, обеспечить образование, создать бесплатные школы и принудить к труду массу бездельников. И лишь после осуществления этих мероприятий общество будет иметь право наказывать тех, кто, невзирая на созданные для них благоприятные условия жизни, будет совершать преступления.

Раскрыв классовую сущность феодальных уголовных законов, Марат противопоставил народную законность «законности» эксплуататоров и тиранов, обосновал право трудящихся масс не подчиняться несправедливым и тираническим законам и призвал их к насильственному, революционному ниспровержению феодальной «законности».

Эти мысли, сформулированные в «Плане уголовного законодательства», Марат неустанно развивает и в годы революции. Он разоблачает «смешные, несправедливые, притеснительные, тиранические законы, придуманные для того, чтобы уничтожить правосудие и свободу, чтобы снова надеть оковы на нацию, выдать ее, беззащитную, тирану и отдать государственные средства придворным путаникам, приспешникам крючкотворства, агентам старого режима».¹⁴ Многочисленными примерами доказывает Марат на страницах своего «Друга Народа» и в других изданиях, что, несмотря на революцию, в стране господствуют беззаконие, произвол, угнетение народных масс. Он говорит о десяти тысячах крестьян, заключенных в тюрьмы за сопротивление незаконным действиям откупщиков, о сорока тысячах солдат, подвергнутых мучениям и издевательствам за проявленное ими чувство гражданственности, о ста тысячах заговорщиках против свободы, безнаказанно совершающих свои тягчайшие преступления. И Марат вновь и вновь провозглашает, что граждане должны подчиняться только справедливым и мудрым законам, что, лишённые возможности осуществлять свои естественные права, они имеют право избавиться от угнетения, имеют право завоевывать свои права революционным путем. «Для продления своих дней человек имеет право покушаться на собственность, на свободу, даже на жизнь себе подобных. Чтобы избавиться от угнетения, он вправе угнетать, порабощать, истреблять».¹⁵ Так, используя получившую в конце XVIII в. широкое распространение теорию Руссо, Марат стремится раскрыть классовую природу уголовного права, подвергнуть уничтожающей критике феодальное уголовное право и обосновать принципы «хорошего законодательства», противопоставить правосознание трудящегося и эксплуатируемого народа реакционному правосознанию эксплуататорского меньшинства.

Определяя принципы «хорошего законодательства», Марат считает важным обеспечить предупредительное и воспитательное воздействие уголовного закона, создать четкие, ясные, простые, понятные всем людям законы; он стремится к тому, чтобы наказания были пропорциональны тяжести совершенных преступлений, чтобы род наказания вытекал из природы преступления, чтобы сами наказания были гуманными, а судьи были при вынесении приговора беспристрастными и справедливыми.

Однако, разделяя эти провозглашенные просветителями и гуманистами XVIII в. принципы нового уголовного права, Марат вносит в них совершенно иное политическое содержание. Марат не ограничивается формальным провозглашением этих принципов, а стремится последовательно раскрыть их реальное содержание – для общества, которое еще не освободилось от тирании, и для общества, действительно свободного, где люди реально пользуются равными правами, где они поставлены в действительно одинаковые и надлежащие условия существования. Марат стремится к установлению не гуманности наказания «вообще», а к гуманности наказания в отношении тех людей, которые понуждаются к совершению преступления условиями их приданного существования. В отношении же преступников, посягающих на исконные права трудящегося и эксплуатируемого народа, в отношении преступников, организующих антинародные заговоры, Марат требовал установления самых суровых наказаний. Марат, далее, стремится к установлению не равенства наказания «вообще», а к равенству наказания в отношении людей, совершивших преступления в равных условиях, по одинаковым причинам и притом находящихся в обществе, где действительно обеспечены равные условия существования. Марат показывает, что наказание бедняка, вынужденно совершившего преступление, всегда должно быть более мягким, чем наказание богача, обладающего всем необходимым для его существования, получившего образование и воспитание.

Разработав общие принципы уголовного законодательства, Марат в революционные годы постоянно к ним обращался, развивая их уже применительно к конкретным историческим условиям французской революции. Глубоко революционными явились для своего времени положения Марата о праве народа на насильственное уничтожение старых законов, о беспощадной борьбе со всевозможными преступлениями против народа, об искоренении пороков и преступлений старого общества, об обеспечении насущных материальных и духовных интересов трудящихся масс, о классовой природе уголовных законов, о сочетании репрессии с экономическими и социальными мерами борьбы с преступностью, об индивидуализации наказания в зависимости от положения обвиняемого, о качественном различии уголовного права свободного народа и народа, находящегося под властью тирании.

Не довольствуясь разработкой общих принципов уголовного права, Марат уделил большое внимание исследованию отдельных видов преступлений, составил «особенную часть» уголовного права, в которой детализировал развитие им общие положения. В своей «особенной части» Марат с большой силой разоблачает преступления эксплуататоров и тиранов, пользуясь для этого и критическим анализом понятия государственных преступлений и наглядным показом преступлений разложившейся аристократии. В «особенной части» Марат наглядно раскрывает основы нового, революционного правосознания, резко противопоставляя правосознанию не только феодального общества, во и идущей к власти буржуазии.

Особый интерес представляет даваемая Маратом трактовка государственных преступлений. Он различает «ложные» и «подлинные» государственные преступления. Эта мысль является центральной в уголовноправовой теории

¹⁴ Памфлеты, изд. «Академия», 1934, стр.492. Текст см. в нашей библиотеке: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/marat1.pdf>

¹⁵ Там же, стр.254.

Марата, сыгравшей значительную роль и в последующем развитии взглядов Марата в годы революции.

Тираны, уничтожив свободу, отождествив себя с государством, боясь народа, установили ложное понятие государственного преступления, к которому отнесли всякое действие против государя, каким бы справедливым ни было такое действие. Марат призывает к разоблачению преступлений тиранов против народа, к установлению подлинного понятия государственного преступления как преступления против суверенной нации, против суверенного народа. «Довольно! Слишком уже долго эти ненавистные тираны опустошали землю! Их царству придет конец; светоч философии уже рассеял густые сумерки, в которые они погрузили народ... Счастливые народы, сокрушившие тяжкое иго, под которым вы стонали, именно этой благородной смелости вы обязаны своим счастьем».

Считая принятое в законодательстве понятие государственного преступления возмутительной и ложной идеей, Марат относит к числу ложных государственных преступлений такие, как сочинения против государя, сопротивление несправедливым повелениям государя, убийство государя и т. п. По мнению Марата, если эти действия и являются преступными, то они должны рассматриваться в качестве обычных уголовных преступлений. С этой точки зрения убийство государя является не государственным преступлением, а простым убийством, так как государь не

может стоять выше государства и сама нация является сувереном; народ имеет право сопротивляться деспотизму государей, он имеет право критиковать ложный порядок, вскрывать злоупотребления государей и их чиновников. Если эта критика окажется необоснованной, если имела место клевета, то речь может идти только об уголовном преступлении, но никак не о государственном преступлении.

Так Марат развенчивает «божественный характер» власти монарха, так он противопоставляет феодальному правосознанию новое, народное правосознание — правосознание трудящихся и эксплуатируемых масс.

Уже в годы французской революции Марат вновь возвращается к этим положениям и указывает, что король Франции должен быть лишь слугой нации. Проводя эту мысль, Марат замечает: «Я доказал в своем плане уголовного законодательства, что цареубийство есть лишь частное преступление».

Ложным государственным преступлениям Марат противопоставляет подлинные государственные преступления, которыми являются измена родине, притеснение, взяточничество, измена долгу службы, хищения, поджоги, заговоры. Марат клеймит подлых, коварных, злобных, алчных чиновников, всевозможных представителей власти, совершающих эти тягчайшие государственные преступления. Он называет их чудовищами «потому, что они приносят благополучие массы в жертву жадности и честолюбию нескольких отдельных лиц». Так Марат создает понятие государственного преступления, соответствующее правосознанию угнетенных масс, и раскрывает основные формы преступлений, совершаемых врагами народа.

К числу государственных преступлений Марат отнес притеснения и взяточничество, злоупотребление властью и хищение государственного и общественного имущества. Он клеймит позором виновников этих тяжких преступлений, требует для них суровых наказаний.

Марат считает тяжким государственным преступлением поджоги и диверсии, причиняющие огромный ущерб и приводящие «к истреблению в пламени множества несчастливых и к обращению в пепел целых городов».

Наконец, к числу государственных преступлений Марат относит заговоры. Он различает заговоры в условиях, когда народ еще находится под властью тирании, и в условиях, когда народ уже свободен от тиранов. В первом случае

заговор вполне правомерен, ибо народ борется за свои естественные права. Заговор преступен и должен повлечь за собой самые тяжкие наказания лишь во втором случае. «Когда нация свободна и счастлива, заговоры являются величайшими из преступлений потому, что они стремятся низвергнуть конституцию и уничтожить законы, составляющие благополучие нации. Нет такой казни, которую не заслуживало бы подобное посягательство».

В революционные годы Марат отдает все свои силы разоблачению преступлений господствующих классов. Именно тогда с особой силой зазвучал обличающий и обвиняющий, страстный, непримиримый к врагам народа голос Марата, раскрывший подлинные государственные преступления короля и его двора, знати, крупной буржуазии, чиновников, спекулянтов и др.; чем более обострялась классовая борьба, тем громче и беспощаднее звучал обличительный голос Марата. Он разоблачал преступную деятельность дворянства, духовенства, высших армейских чинов, судейского сословия, финансистов, ростовщиков, купцов, спекулянтов и требовал применения к ним самых суровых и самых решительных мер наказания.

Для Марата было ясно, что, невзирая на произошедшую революцию, у власти попрежнему находятся враги трудящихся, и он разоблачает их преступления, призывает к дальнейшим революционным выступлениям, требует применения суровейших наказаний к злейшим врагам народа. В годы революции он постоянно с исключительной силой обосновывает необходимость применения террора к врагам народа в ответ на их заговоры против народа. Разоблачая контрреволюционную деятельность дворянства, крупной буржуазии, Марат приходит к выводу, что все попытки воздействовать на них мирным путем оказываются тщетными. Марат неоднократно указывал, что он питает отвращение к пролитию крови, но во имя защиты интересов народа, во имя защиты завоеваний революции, для того чтобы примирить «долг гуманности с заботой об общественной безопасности», необходимо неуклонно проводить террор в отношении контрреволюционеров. «Всякая снисходительность в отношении этих преступников становится варварством по отношению к народу».¹⁶

Историческая ограниченность уголовноправовой теории Марата нашла свое отражение в разделе его «Плана», посвященном преступлениям против собственности. Марат защищает институт частной собственности, но при непременном условии справедливого ее распределения. «Право владения, пишет Марат, вытекает из права жизни. Итак, нам принадлежит все, что необходимо для нашего существования, и никакие излишки не могут законно принадлежать нам, пока другие не имеют всего необходимого. Вот законное основание всякой собственности». Развивая последовательно свою мысль о более строгом наказании богачей, Марат требует максимального смягчения наказания лиц, совершивших кражу по нужде, и безусловной наказуемости мошенничества и обмана в торговле, совершаемых торговцами, а также ростовщичества.

Весьма большое место в «Плане» занимает раздел, озаглавленный «О преступлениях против нравственности». Излагая свои мысли и предложения в области борьбы с посягательствами на нравственность, Марат пользуется этим для разоблачения разложения, нравственного падения, порочности аристократии. Он ярко и образно рисует, как трудящаяся женщина становится средством для удовлетворения разврата аристократов, как она понуждается бездельниками из привилегированных слоев общества к проституции. Марат указывает, что подобная испорченность нравов — неизбежное следствие неравного деления богатств. Все преступления против нравственности, столь распространенные в

¹⁶ Памфлеты, стр.738.

обществе, имеют своим источником, по мнению Марата, нравственное разложение аристократии и в особенности королевского двора. Для успешной борьбы с преступлениями против нравственности Марат считает необходимым в первую очередь обеспечить решительное изменение нравов, воздействовать на причины, порождающие эти преступления. Применяя наказания, необходимо проводить строгое разграничение между лицами, действительно виновными в этих преступлениях, и лицами, побуждаемыми нуждой, отсутствием образования и воспитания к их совершению. Марат считает необходимым, чтобы половая распущенность одинаково каралась как в отношении мужчин, так и женщин. Если должна караться злостная проститутка, то в такой же степени должен караться и мужчина, который посещает дома терпимости, и в особенности содержатели притонов разврата, сводники и сутенеры, эксплуатирующие нужду несчастных женщин. Мысли Марата и предлагаемые им меры в области борьбы с преступлениями против нравственности являются действительно революционными; он гневно бичует разврат и пороки современной ему эпохи, но многие из его ударов сохраняют силу и для буржуазного общества.

На самом последнем месте в «Плане» расположены преступления против религии. В тех условиях, в каких Марат создавал свой «План», не представлялось возможным вовсе исключить из уголовного кодекса эти «преступления». Видимо, и сам Марат в какой-то степени в то время отдавал дань эпохе. Но именно учитывая конкретные исторические условия, нельзя не признать смелыми предложения Марата в области борьбы с религиозными «преступлениями». Само помещение главы о религиозных преступлениях не в начале кодекса, а в самом конце уже являлось прямым вызовом феодальному обществу. Признание ненаказуемым атеизма, ересей и раскола шло вразрез с феодальной правовой и религиозной идеологией, вразрез с действовавшим тогда уголовным законодательством и судебной практикой, ибо феодальное уголовное право посылало на костры еретиков и атеистов. Установление крайне незначительных наказаний в отношении религиозных преступлений, предлагавшееся Маратом, также шло вразрез с укоренившимся законодательством и практикой. Достаточно сказать, что за церковную кражу, каравшуюся смертной казнью, Марат предлагал установить такое же наказание, как за кражу домашних вещей.

В целом Маратом была предложена законченная система «особенной части», распадающаяся на следующие разделы: 1. Подлинные государственные преступления. 2. Преступления против законной власти. 3. Преступления против безопасности лиц. 4. Преступления против собственности. 5. Преступления против нравственности. 6. Преступления против чести. 7. Преступления против общественного спокойствия. 8. Преступления против религии.

В этой системе особенной части ясно проглядывает идея охраны государства и охраны личности от преступных на них посягательств.

* * *

Подробно разработав принципы уголовного законодательства, Марат в третьей и четвертой частях своего «Плана» также подробно рассматривает принципы организации суда и судопроизводства.

Идея разграничения законодательства в государствах народных и в государствах тиранических лежит в основе взглядов Марата и по вопросам судостроительства и судопроизводства. Если законодательство, говорит он, стремится лишь внушить любовь к родине и когда эта любовь царит в сердцах, то при таком правлении нет частных преступлений. Ни у кого не имеется других интересов, кроме интересов государства, каждый вполне посвящен на их защиту; таким образом, нарушение законов является посягательством на общество и каждый гражданин должен требовать справедливости. Но если слово «родина» является лишь пустым звуком, если каждый обособляется и открыто

предпочитает свой частный интерес общему интересу, общественное дело не является более делом частного лица и всякое преступление совершается против государства или против его членов. В таком случае доносить о нем и преследовать его надлежит оскорбленной стороне (т.е. потерпевшей).

Марат разоблачает судопроизводство феодального общества, рисуя картины (взяточничества, продажности, подкупности судей и всего судейского сословия, их жестокость в отношении обвиняемых из городской и деревенской бедноты и мягкость и снисходительность в отношении обвиняемых привилегированных сословий).

Марат уделяет большое внимание организации суда, организации обвинения и защиты, собиранию и установлению доказательств, их оценке судом.

Марат является убежденным противником постоянного сословия судей. Он приводит (многочисленные доводы против постоянного суда: невозможность отвода судей, наличие сословного духа, возможность подкупа судьи, нечувствительность судьи к человеческим страданиям, образующаяся благодаря профессионально отправляемым судейским обязанностям и т. д.

Марат требует публичности и гласности уголовного процесса, внедрения принципа состязательности процесса.

«Законы, — пишет Марат, — созданы столько же для защиты невинности, сколь и для наказания преступления. Если они разрешают собирать против обвиняемого доказательства преступления, в котором он обвиняется, то они должны предоставить ему все возможные способы для защиты». Для того чтобы в суде было обеспечено равенство прав обвиняемых, принадлежащих к различным сословиям, чтобы бедняк имел реальную возможность защищаться, Марат требует организации бесплатной защиты.

Большое внимание уделил Марат доказательствам в уголовном процессе и их оценке судом. Он считает, что «природа доказательств должна соответствовать природе преступлений», и классифицирует эти доказательства по степени их силы.

В заключение Марат выделяет вопрос о возмещении ущерба, причиненного неосновательным привлечением к уголовной ответственности. «Если для общественной безопасности важно взять под стражу невинного, в отношении которого имеются очень сильные подозрения, то для общественной свободы не менее важно искупить в отношении него то, что он вытерпел за общее дело. Это можно сделать лишь вознаградив его за ущерб. Ему предоставят, следовательно, вознаграждение, соразмерное не только с ущербом, который он потерпел, но и с нездоровьем, которое он перенес, с беспокойством, которое он испытал, с огорчением, которое он почувствовал».

В своей деятельности в годы революции Марат часто касается вопросов организации судов и их деятельности. Характеризуя суды, созданные во Франции в начале революции, Марат подвергает их сокрушительной критике. «Посмотрите, — писал Марат, — как старательно законодатель исключил из них друзей отечества, открыв в них доступ только приказным, юристам и никчемным адвокатам, в большинстве своем председателям секций. Вы можете, таким образом, призывать в суды только членов прежних судов, адвокатов, которые почти все являются зараженными приспешниками старого режима, и, что еще хуже, прокуроров — эту язву судейского сословия».¹⁷ Старая судебная система, по мнению Марата, должна быть окончательно сломлена: из судов должны быть устранены все прежние деятели судейского сословия и «орудие кары может быть вручено лишь испытанным патриотам, которые и являются блюстителями

¹⁷ Памфлеты, стр.478.

мудрыми, твердыми и неподкупными».¹⁸ Каждый гражданин должен иметь право выступать против любого должностного лица, разоблачать его противозаконные действия, обвинять в совершенных им преступлениях.

По мере обострения классово-борьбы Марат все чаще выступает с требованием организации специальных карательных органов, целью которых явилось бы «карать все преступления, которые посягают на общественную или личную безопасность и свободу и которые мешают спасению народа»¹⁹. Призывая народные массы к беспощадной борьбе с контрреволюцией, Марат писал: «Когда дело идет о том, чтобы парализовать покушения на свободу и общественную безопасность, когда дело идет о противодействии махинациям врагов революции, когда дело идет о наказании заговорщиков, когда дело идет о предотвращении гибели отечества, тогда патриотические общества имеют право быть не только обществами, обсуждающими и решающими, но также и действующими, выносящими приговоры, карающими, убивающими, после того как они тщетно испробовали все законные пути подавить врагов общества, а носители власти столкнулись, чтобы убаюкивать народ, усыплять его на краю пропасти и вызвать его погибель».²⁰

Требую создания новых революционных судов и специальных карательных органов, Марат исходил из задачи беспощадного подавления контрреволюции и неоднократно укорял массы за недостаточную решительность в борьбе с врагами революции.

«План уголовного законодательства» был написан Маратом за десять лет до начала французской революции. Естественно, что в ходе развития революции развивались, заострялись, конкретизировались и взгляды Марата по основным вопросам уголовного права. Но, несомненно, в «Плане» уже содержатся те руководящие идеи, которые в дальнейшем получили свое воплощение в политической деятельности Марата: непримиримость к врагам трудящегося и эксплуатируемого народа, бдительность ко всем их проискам и ко всем их преступлениям против народа, горячая защита интересов эксплуатируемых масс, требование беспощадной кары в отношении врагов народа.

* * *

Характеризуя революционных мыслителей XVIII в., Энгельс писал: «Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха».²¹ Эти слова должны быть отнесены и к Марату и, в частности, к его уголовно-правовой теории. Марат не обладал — и в ту эпоху не мог обладать — знанием законов общественного развития. Пролетариата как класса, и притом класса, осознавшего свои интересы, еще не было. Не было и материальных предпосылок для осуществления победы трудящихся и эксплуатируемых масс Марат переоценивал роль «хорошего законодательства», роль «моральных санкций» в деле коренного переустройства общества. Он переоценивал и роль репрессии в деле уничтожения эксплуататорских классов в условиях, когда для этого не было еще надлежащих материальных предпосылок, когда на историческую арену лишь выходил последний эксплуататорский класс — буржуазия. «125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярким и самым искренним революционером, было

еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации».²²

Но признавая историческую ограниченность уголовно-правовой теории Марата, нельзя не отнестись с глубоким уважением к тем высоким идеям, к тому беззаветному служению народу, которыми характеризуется мировоззрение Марата. Ненависть к эксплуататорам, непреклонное разоблачение всех их тягчайших преступлений, неуклонное требование суровой кары в отношении контрреволюционеров за их преступления против трудового человечества, стремление развить правосознание трудящегося и эксплуатируемого народа и противопоставить его реакционному правосознанию эксплуататоров — все эти основные черты мировоззрения Марата — великого патриота своей родины, Марата — Друга Народа, Марата — одного из вождей якобинцев — вошли в историю борьбы трудящегося и эксплуатируемого народа.

Многие мысли и положения Марата, в особенности относящиеся к разоблачению чудовищных преступлений эксплуататоров в условиях современного ему общества и к требованию покарать их, актуальны в условиях стран капитализма и в настоящее время.

Жестокое, циничное, бесчеловечное преступления правящих классов, бичевавшиеся Маратом, безнаказанно совершаются в странах капитализма. Подобно тому как юстиция дореволюционной Франции защищала всеми силами и средствами интересы господствовавшего класса, так и современная буржуазная юстиция, попирая элементарные права человека, всеми средствами проводит свою карательную политику против трудящихся в угоду монополистическому капиталу.

Разоблачения Маратом гнусного разврата, полного падения нравов, отвратительных преступлений против семьи, против нравственности и личности в полной мере относятся к современному буржуазному обществу, в особенности к пресловутому «американскому образу жизни».

Разоблачения Маратом преступных ухищрений торговцев и спекулянтов, фальсифицирующих товары, раскрытие их алчности, стремления к наживе любыми средствами, их преступной торговли интересами родины, их космополитизма в полной мере сохраняют свою силу в условиях современной американской действительности, когда фальсифицируются массы товаров, беззащитно надуваются потребители-трудящиеся, уничтожаются огромные запасы продовольствия во имя повышения цен и массы людей толкаются в объятия голода, нужды, болезни, смерти, а интересы родины преступно продаются предпринимателями-капиталистами ради получения высоких прибылей.

Разоблачения Маратом продажности чиновничества всех рангов, взяточничества, пресмыкательства перед богатством и преступлений против народа вполне применимы к современному американскому государственному аппарату с его чисто уголовными приемами деятельности, с его служением монополистическому капиталу, с его коррупцией и тесными связями с гангстеризмом.

Разоблачения Маратом судов его эпохи, пыток, издевательств, несправедливости, жестокости, коварства, лицемерия, ничем не прикрытого произвола и грубого насилия в отношении народных масс со стороны полицейских, судей, прокуроров, тюремщиков в полной мере могут быть обращены против современного американского «правосудия» с судом Линча, с «обезьяньими» процессами, с «процессами» против прогрессивных людей, с

¹⁸ Там же, стр.365.

¹⁹ Там же, стр.532.

²⁰ Там же, стр.548.

²¹ Ф.Энгельс, цит.соч., стр.17.

²² В.И.Ленин, Соч., изд. 4-е, т.27, стр.304.

фашистской охранкой — федеральным бюро расследования, с узаконенными пытками («третья степень») и истязаниями попавших в колесо «правосудия» невиновных людей.

Разоблачения Маратом антинародных заговоров, организуемых врагами народа, зверских их преступлений, как-то: убийства женщин, распарывание животов женщин, вырывания из груди детей сердец, уничтожение целых селений и городов, обращаемых в пепел, в полной мере применимы к зверским преступлениям гитлеровцев во время второй мировой войны, к злодеям американского империализма в Корее и других странах, к диверсионно-террористическим бандам клики Тито, к пропаганде агрессивной войны против мира, демократии и социализма.

Голос Марата, призывавший карать виновников этих чудовищных преступлений, вполне созвучен с требованиями прогрессивного человечества о наказании современных американско-английских поджигателей новой войны, о привлечении к ответственности виновников чудовищных злодеяний в Корее.

Правильность предостережений Марата о пагубности излишней, необоснованной мягкости к врагам народа полностью подтверждена историей последующих классовых боев пролетариата с буржуазией. «Разоружить революцию, не имея никаких гарантий в том, что враги революции будут разоружены, — ну, разве это не глупость, разве это не преступление против рабочего класса! — указывает товарищ Сталин. — Нет, товарищи, мы не хотим повторять ошибок парижских коммунаров. Парижские коммунары были слишком мягки в отношении версальцев, за что их с полным основанием ругал в свое время Маркс. А за свою мягкость они поплатились тем, что, когда Тьер вошел в Париж, десятки тысяч рабочих были расстреляны версальцами. Не думают ли товарищи, что русские буржуа и помещики менее кровожадны, чем версальцы во Франции? Мы знаем во всяком случае, как они управлялись с рабочими, когда занимали Сибирь, Украину, Северный Кавказ в союзе с французскими и английскими, японскими и американскими интервенционистами».²³

Ленин, говоря о якобинцах XVIII в., отмечает «все то великое, неискоренимое, незабываемое», что они дали для борьбы угнетенных классов.²⁴ Ленин указывал, что «пример якобинцев поучителен. Он и посейчас не устарел, только применять его надо к революционному классу XX века, к рабочим и полупролетариям. Враги народа для этого класса в XX веке не монархи, а помещики и капиталисты, как класс».²⁵ Эта ленинская оценка якобинцев, конечно, должна быть отнесена и к Марату — одному из выдающихся вождей якобинцев.

Русский народ в лице выдающегося ученого и революционера А. Н. Радищева еще при жизни Марата высоко оценил его и протянул ему братскую руку помощи. Когда в 1790 г. Марат подвергся преследованию по постановлению Национального Собрания, А.Н.Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Мы недавно читали, — да восплачут французы об участи своей и с ними человечество! Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступаая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О, Франция? Ты

еще хождаешь близ Бастильских пропастей».²⁶ Этим «сочинителем», книга которого была запрещена, а сам он отдан под суд, был Марат.

Трудящиеся массы всего мира, советские люди, все прогрессивное человечество глубоко чтят память о Марате — Друге Народа, ученом и революционере, подлинном гуманисте, поборнике интересов всего угнетенного человечества, непреклонном враге всех эксплуататоров.

Проф. А. Герцензон

Ж.-П. МАРАТ

ПЛАН УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Перевод с французского Н. С. Лапиной
под редакцией и с предисловием проф. А. А. Герцензона

М.: изд-во иностранной литературы. 1951

Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

²³ И.В.Сталин, Соч., т.10, стр.236.

²⁴ В.И.Ленин, Соч., изд. 4-е, т.25, стр.102.

²⁵ Там же, стр.41.

²⁶ Избранные философские сочинения, 1949, стр.156, прим.154 на стр.526.